

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

То, что создал ты

Гости «Контакта» на клубных страничках
и в клубных изданиях

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Т 50

То, что создал ты : гости «Контакта» на клубных страничках и в клубных изданиях ; составитель [и ответственный за выпуск] – Калашников Н. Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2014. – 100 с., ил.

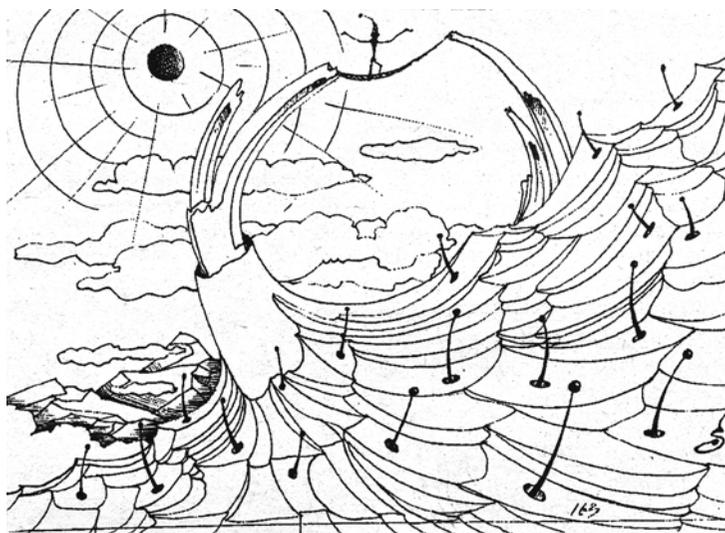

Рисунок Вадима Сойфера

- © На первой странице обложки
– рисунок Марка Карповича (Новосибирск)
- © На четвёртой странице обложки
– рисунок Игоря Евсева (Пестово Новгородской обл.)
- ©В тексте – рисунки Вадима Сойфера (Новокузнецк)
и Веры Петуховой (Саяногорск)

От составителя

Идея такой книги появилась у меня уже несколько лет назад. Мне хотелось, чтобы рассказы гостей «Контакта», чаще всего затерянные на страницах нашей периодики, снова обрели своих читателей.

Разными путями появлялись у нас стихи и рассказы не членом «Контакта». Присылались на конкурсы, посвященные 10-летию, 15-летию и 35-летию клуба. Со многими авторами я знакомился на конвентах – и их рассказы (или рисунки) появлялись на наших страничках. Так на наших страничках появились рассказы Бориса Сидюка, Анны Китаевой, Игоря Халымбаджи, Алексея Лежнева... рисунки Марка Карповича, В.Пасеки... Володя Борисов из Абакана прислал нам не только рассказы своих «центаврят» на конкурс, но и рисунки саяногорской художницы Веры Петуховой, которыми мы с удовольствием украшали наши странички. Святослав Логинов присылал мне некоторые рассказы, в том числе свой и Сергея Лукьяненко, чтобы они попали в интерпрессконовский конкурс минирассказов, где обязательна их публикация.

Через Владимира Борисова мы всегда получали разрешение Бориса Натановича Стругацкого на публикацию их с братом произведений. Рассказом «Бедные злые люди» открывалась наша страничка в газете «Кузнецкий рабочий», которую мы называли «Золотой шар».

Многолетним было наше сотрудничество с писателем из Таштагола Сергеем Ковякиным – вплоть до его ранней смерти. Новокузнецчане, пишущие фантастику, к нынешнему времени уже знают, что даже если они и не являются членами «Контакта», всегда могут на клубе – и в первую очередь, у его президента – получить и консультацию, и какую-то помощь, и, по возможности, публикации. Так, свои первые книжечки увидели в нашем исполнении Валерий Куличенко и Сергей Ерофеев. Интересным для меня опытом работы стал выпуск двух книжечек моего друга по группе «Людены» Игоря Евсеева, живущего на другом конце страны.

Рассказы в книжке расположены в хронологическом порядке – как они выходили на наших страничках и в наших изданиях. Наше многолетнее сотрудничество с редакцией «Кузнецкого рабочего» мистическим образом закольцевало книжку. Книга открывается рассказом журналиста «Кузнечика» Валерия Немирова, чьим рассказом открывался наш конкурс к 10-летию клуба, и завершается рассказом сотрудника «Кузнечика» Киры Мальцевой, участника и лауреата конкурса к 35-летию «Контакта».

Не все рассказы «гостей» клуба попали в эту книжечку. Объем её ограничен моими возможностями. Я надеюсь, что собранные мной рассказы найдут своего читателя.

Николай КАЛАШНИКОВ

Метро

Взявшись за ручку двери, женщина обернулась: «Можно гарантировать, что?..»

– Можно гарантировать неприкосновенность вкладов в сберегательную кассу, – молодой человек с клиновидной бородкой, захлопнув серую папку для бумаг, поднялся из-за стола. – Мы не имеем дело с такой хрупкой вещью, как человеческая психика...

Ослепительной белизны халат, огромные роговые очки на мелком чернявом лице приводили женщину в трепет. Молодой человек с самоуверенностью конферансье жонглировал словами, смысл которых был для неё тёмнен. И от этого она терялась ещё больше.

– Чисто депрессивный синдром является наиболее часто встречающимся. Методика его лечения у нас отработана. – Он произнёс это тоном, с каким взрослые обычно говорят с детьми. – Подростки довольно часто испытывают чувство неудовлетворённости...

– Он никогда ни в чём не знал отказа, – невпопад перебила женщина.

Молодой человек сурово посмотрел на массивные перстни на её пухлых пальцах и сухо подвёл итог разговору:

– То, что ему нужно сейчас, не продается в магазинах...

Вагон плавно покачивался на ходу. Юноша, почти мальчик, прислонившись к двери, смотрел в своё отражение в стекле.

Узкое худое лицо, оттопыренные уши, длинный и острый нос. Его внешность казалась ему отталкивающей. И это причиняло ему невыразимые страдания.

Он был единственным ребенком «состоятельных» родителей. Отец его руководил крупным предприятием, добровольно сдал полномочия главы семьи. Муж, познавший бремя ответственности, но не смысл бытия, говоря словами поэта. Мать, как в собственном буфете, хозяйничала на оптовой базе. Их дом – просторная четырёхкомнатная квартира – был «полной чашей», горделиво сверкая полировкой «сделано не у нас», лакированным гляncем корешков собраний никогда не открываемых классиков. И этот дом стал для него чужим.

Целыми днями после школы он лежал на диване в своей комнате, где, кроме этого дивана, коврика на полу и сверкающей металлом стереосистемы, ничего больше не было. Ещё на стене висела вырезанная из журнала цветная фотография мужчины, сидящего, скрестив ноги, на палубе яхты. Он был густо бородат и бос. Ворот толстого застиранного свитера до самого подбородка охватывал его шею. Мужчину звали Бернар Муатесье.

Он участвовал в кругосветной гонке на яхтах на приз большой лондонской газеты. Победителя ждало солидное вознаграждение. Муатесье шёл первым. За несколько миль до цели он внезапно изменил курс и пошёл в открытый океан, оставив в дураках поражённых организаторов гонки и журналистов. И теперь, сидя на палубе, в одиночестве слушал, как растёт борода и чешут круглые спины о борта яхты океанские волны.

На коврике у дивана лежали три изрядно потрёпанных книжки – «Трофей», «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» и «Над пропастью во ржи». Время от времени юноша запускал свою единственную пластинку, и тогда в комнату проникал нежный звук саксофона, деликатно подыгрывающего «пению» волков и китов.

Это была чудная музыка. Это был очень, очень странный юноша. Теперь вы понимаете, почему его мать была вынуждена обратиться к психотерапевту...

Поезд замедлил ход и, выскочив на свет, остановился. Створки дверей разъехались в стороны, освобождая дорогу. Юноша шагнул на перрон. Двери вагона за его спиной сдвинулись, и поезд, набирая скорость, исчез в тоннеле.

Он никогда не был на этой станции. И даже не подозревал о её существовании. На каменном полу лежал толстый слой пыли. И, глянув себе под ноги, юноша с удивлением увидел следы только от своих ботинок. Перрон был пуст. Никто больше не вышел из вагонов.

Было довольно светло, хотя никаких видимых источников света он не заметил. В конце перрона виднелась каменная лестница, ведущая вверх.

Тонкая невесомая пыль взрывалась под ногами маленькими фонтанчиками. И это почему-то очень развеселило юношу. Шлёпая подошвами ботинок, он добрался до лестницы, у подножия которой лежал солнечный квадрат.

Лестница оказалась высокой и крутой. Солнце – слепящий сгусток – кипело над головой. Невозможно было поднять глаза. Юноша поднимался вверх по ступенькам, рассматривая шероховатый мрамор стен сплошь в голубых прожилках и трещинах.

Лестница выводила на южный склон пологой горы, поросшей высокой травой. В потоках горячего воздуха дрожали янтарные стволы огромных сосен. Внизу у подножия горы немыслимой глубиной синело, сливаясь у горизонта с небом, море.

Он был потрясён. Воображение молчало. Всем естеством он впитывал и мерцание моря, и чуть слышный шорох травы, и запах йода, смолы и ещё чего-то, чему названия не знал.

Чуть поодаль от входа в метро он заметил вросшую в землю фигуру из белого мрамора, обвитую стеблями хмеля и дикого винограда. Слепые глаза торжественно и печально смотрели на юношу, а дикий виноград рдел на лице статуи как губы. Что-то очень знакомое, читанное не раз было в этой картине.

Едва приметная тропинка вела вниз по склону. И юноша пошёл по ней, раздвигая сухие и тёплые стебли травы.

Тропинка скатилась в неглубокое ущелье. По каменистому ложу бежал ручеёк, образуя местами что-то вроде вымоин. Юноша встал на колени перед одной из них, опершись руками на круглые прохладные камни. Стайка рыб, взметнув облачко мути, растворилась в глубине водоема.

Он подождал немного. Муть рассеялась. В прозрачной воде из-под слегка заиленных камней показались рыбёшки. Они были узкие и серебристые, как лезвия перочинного ножа.

Юноша шевельнулся, и рыбки вновь скрылись под камнями.

Он встал и пошёл вниз по ущелью. Крупная бабочка вспорхнула из-под ног и тяжело запетляла над ручьём. Пролетев метров двадцать, она села на шершавую спину большого, замшелого снизу камня. Юноша подкрался к ней. Бабочка сложила книжкой лепестки пергаментных крыльев, открыв бархатный испод.

Он не стал её трогать и, полюбовавшись ещё мгновение, побежал дальше по каменистой тропинке. Ему вновь стало весело.

Море дремало в этот час. Волны лениво накатывались на песок, оставляя клочковатую пену. Ржавые сухие водоросли обозначали линию прилива. На берегу лежал вверх килем рыбачий баркас, полузасыпанный песком. Плоское его брюхо было источено морским червем.

Юноша разделся, бросив одежду на мелкий горячий песок. Он был голенастым и нескладным, как жеребёнок. Задрав острый подбородок, он подставил солнцу веснушчатое лицо.

Плавал он плохо. Окунувшись несколько раз по плечи в тяжёлые зеленоватые волны, юноша побрёл по мелководью. Мелкие цветные рыбёшки бисером сыпались в разные стороны. Какой-то сумасшедший краб тащил кусок бутылочного стекла. Стекляшка была круглой и гладкой, как обмусоленный леденец.

А правда, что море солёное? Он зачерпнул в ковшик ладоней немного воды. Море было горьким.

Минут через пятнадцать солнце обожгло ему плечи. И он побрёл назад к баркасу, разрезая воду костлявыми коленями. Юноша лёг на песок лицом к морю, укрыв голову и спину рубахой.

Если оставлен старый баркас, значит, где-то рядом должны жить люди, думал юноша. Обязательно должны. И он стал представлять их. Это рыбаки. Их работа проста и вечна, как море и небо. Их лица и тела дочерна обожжены солнцем. Их свободная простая одежда выгорела и насквозь просолена морем. Среди них есть старик с лицом мудреца, с развевающимися на ветру кудлатыми седыми волосами. Он курит самодельную пеньковую трубку. Старик молод телом. У него тяжёлые задубелые корявые от рыбацкой работы руки.

Среди них есть юноша. Он высок, смугл, с хищным разлётом бровей. Он гибок, как рыба, и, когда наклоняется над сетью, под тонкой кожей

красиво прорисовываются упругие мускулы. И девушка. Она черноволоса и тонка. Она... Он не знал, какую работу выполняет здесь девушка, но видел точно, что между ней и тем крепким парнем протянулись невидимые нити. Он видел это потому, как внезапно давал петуха, срываясь, грубоватый голос парня, когда он обращался к девушке. Потому, как охотно откликнулась она белозубым смехом на его незатейливые остроты. Нет, всё не так. Это он сам – тот крепкий парень. Это ему улыбается черноволосая девушка. Это он распутывает крепкими смуглыми руками сети, переполняемый радостью простой работы, жизни и любви...

Резкий, похожий на кошачье мяуканье, крик чайки разбудил юношу. Чайка летела низко над мелководьем и насмешливо косила на него чёрным в белом ободке глазом. Он лежал в тени баркаса. Солнце уже валилось за гору.

Юноша торопливо собрался, отряхивая от песка одежду. Последний раз поглядел на море. Оно набрало ультрамариновую синеву. Он снова придёт сюда. Обязательно.

...Длинная вечерняя тень придала статуе бога, играющего на свирели, подобие взора. Юноша, ещё раз оглянувшись вокруг, нырнул в прохладный колодец тоннеля метро...

...Голос женщины, говорившей по телефону, захлебывался от рыданий:

– Мы не придём на приём... Он вышел из поезда... Нет, в метро... Что-то там сработало в блокировке дверей. Так мне сказали... Двери открылись, и он вышел на полном ходу... Не знаю, врачи ничего не говорят... лишь бы он был живой...

На другом конце провода в стерильно чистом кабинете положили трубку. Молодой человек в роговых очках задумчиво поточил бородку и пошёл к окну.

Шёл мокрый снег. Машины месили шинами снежную кашу.

Константин КОРЧМИНСКИЙ

(Абакан)

Оса

Профессор подвёл студента к стоящему на столе телевизору. Рядом находились какие-то непонятные аппараты.

– Сегодня ты будешь присутствовать при проведении эксперимента, последствия которого, вполне возможно, произведут переворот в науке и технике, – торжественно начал профессор, но тут же спохватился и уже обычным голосом продолжил: – Ладно, обойдёмся без церемоний! Видишь вот этот небольшой чёрный ящик с дверцей, пульт с кнопками и остальные приборы? Это и есть моё изобретение.

– И вот это произведёт переворот? – недоверчиво произнёс студент.

– Ты не перебивай, а дослушай, – рассердился профессор. – Если коротко, то изобретение моё состоит в том, что вот эта приставка к телевизору увеличивает и материализует находящееся на экране изображение. Не всё, а то, что будет специально выделено. Сейчас я проведу такой эксперимент.

Профессор включил телевизор, и на экране возникло изображение весенней поляны.

– Вот и отлично, проведём опыт с травой, – сказал профессор.

По экрану забегали какие-то неясные линии и собрались вокруг одной травинки, образовав небольшой прямоугольник.

– То, что находится внутри прямоугольника, будет увеличено, а увеличенный объект возникнет прямо перед ящиком, после того, как откроется дверца, – пояснил профессор и уже себе под нос добавил: – Увеличим-ка мы в десять раз.

В углу экрана появилось число 100.

– Тыфу ты, чёрт! Два раза ноль набрал, – ругнулся профессор. – Ну да ладно, какая разница. Так даже интересней.

Студент молча наблюдал за всеми действиями профессора. А тот уже поднёс палец к кнопке «Увеличить». И вдруг студент заметил, что в прямоугольнике влетела оса, вернее, её изображение.

– Стойте, профессор! – закричал он.

Но было уже поздно, профессор нажал кнопку «Материализация». Дверца ящика отодвинулась в сторону, и перед ним появилась гигантская, метровой длины, оса. Профессор вскочил от неожиданности. Оса, встревоженная его волнением, полетела на него.

Профессор бросился к двери, но добежать не успел. Длинное, в десять сантиметров, жало осы легко вошло ему между лопаток.

Студент бросился к профессору, но тот лежал без дыхания и, по-видимому, был уже мёртв. Студент поднял голову и увидел, что со стороны двери к нему летит оса. Путь к отступлению был отрезан.

Студент взвалил тело профессора на плечо и кинулся к окну – погода стояла жаркая, и оно было открыто. По дороге он зацепился за какой-то провод и краем глаза успел заметить, как всё оборудование рухнуло на пол и разбилось вдребезги. Студент вскочил на подоконник, взглядом выбирая площадку, на которую можно было бы прыгнуть – квартира профессора находилась на третьем этаже. Вдруг у студента подвернулась нога. Падая, он успел отбросить тело профессора назад в комнату и вывалился в окно. Предпоследним, что он увидел со странной в такой момент чёткостью, были мальчишки, быстро достающие что-то из карманов. Последним было длинное жёлтое тело, стремительно несущееся на него...

Из материалов следствия:

«17 мая 1987 года при невыясненных обстоятельствах погибли профессор А.П.Казанцев и студент политехнического института

В.И.Немцов. Тело Казанцева было найдено в квартире, а тело Немцова – под окном этой квартиры. Рядом с телом Немцова было обнаружено тело огромной осы. Точная длина тела – 102 сантиметра. Как утверждают свидетели, оса вылетела из окна вслед за тем, как оттуда выпрыгнул Немцов. Осу расстреляли из рогаток находившиеся неподалёку мальчишки. В квартире Казанцева были обнаружены приборы неясного назначения. По-видимому, появление осы было следствием эксперимента, который проводили А.П.Казанцев и В.И.Немцов. Обстоятельства дела выясняются».

Борис ХАСИН

(с. Безруково Кемеровской обл.)

Дар пришельцев

Из сочинений дедушки Дмитрия Лукича

Слыхивал я, будто некоторые учёные уж смирились, что инопланетных цивилизаций нет и что, выходит, лживый и завистливый человек с его матерщиной – самое совершенное создание во Вселенной. Не верьте! Неправда это! Даю вам, дорогие товарищи, честное слово, что в прошлое лето в одно хозяйство на Иртыше, где семья наша проживала, спускались пришельцы. Самые настоящие! А дело было так. Направили внушка моего Андрюшку вместе с другими учениками в колхоз урожай убирать. Колхозники, конечно, им помогали. Но уж больно детишкам портили чистое пионерское настроение нецензурные словечки со стороны местных аборигенов. Девочки аж плакали от неловкости. И вот однажды в послеполуденный час на краю оврага, где любил отдыхать внук, тихо сел инопланетный корабль. А форму он имел навроде футляра от скрипки – плоский и продолговатый с матовыми иллюминаторами по всей боковой поверхности. И покоился он на резиновой подушке, похожей на надувную лодку.

Андрюша смело приблизился. Тогда по этой подушке к нему соскользнул на заднице Высший Разум в виде довольно симпатичного парняги с громадным лбом и русыми, как у Муромца, кудрями. Приятным баритоном пареньё сказал:

– Слушай внимательно, простая душа. Нам известно, какая забота тяготит в эти дни вашу юную городскую группу. Вряд ли вы способны пока уловить своими детскими головками, как важна эта проблема всегда и для всех. Важнее нет ничего. Известны нам и твои, мальчик, способности. Вот чертёж. Сконструируй аппарат. Всё остальное тут описано. В феврале пролетим над Африкой. Прощай!

Дав Андрюшке рулон, пришелец прислонился спиной к резиновой основе корабля и, как при обратной киносъёмке, скользнул вверх, к двери. Через миг корабль исчез в лучах солнца.

Изучив документ, Андрюшка за две ночи из отходов мехмастерской и некоторых деталей с радиоузла сварганил невиданный в земной технике

аппарат – локационный гипнорефлексологический аудиогенератор ХРАП-87. Буквы эти, как внук потом мне пояснил, инопланетяне в своих бумагах советовали понимать так: хронической распущенности – активное противодействие.

Сам я в электронике, особенно инопланетной, плаваю мелкогато. Но из Андрюшкиных слов принцип аппарата уяснил так. На базе запрограммированных на особой плёнке устойчивых непечатных звукосочетаний звукоуловительное приспособление выбрасывает некие биотоки аж за триста метров в радиусе. И кто в этой окружности произнесёт выражение по заданной программе, тут же крепко засыпает на восемь часов.

Ну, взял, значит, мой шкет этот хитрый ящик, привёл все механизмы в боевое состояние, попросился агрономше в мотоциклетную люльку, велел на всякий случай ей помалкивать и стал с нею объезжать участки трудовой жатвы. Скажу коротко: когда они воротились обратно в правление, дык не спала только немая весовщица со склада и приезжие школьники. В правлении внук с гордостью стал разъяснять председателю, какое могучее оружие в борьбе за культуру получила Родина. Но тот схватился за голову, открыл рот и тут же успокоился на восемь часов. Зоотехник хотел заступиться за павшего шефа, грозно шагнул к юному технику, тоже что-то произнёс и с сонным похрапыванием упал на председателя. Аппарат работал по высшим инопланетным стандартам и без подхалимажа.

Когда люди в поле очухались и вместо солнца увидели звёзды, дык от непонимания такого длительного перекура только зевали и удивлённо переглядывались. Но председатель, тот знал, кто есть истинный виновник сегодняшнего происшествия. И тут же отправился к юному конструктору на переговоры.

Андрюша спал у одинокой бабки Фоминишны на топчане. Рядышком на полу сверкал деталями ХРАП-87.

Председатель был зол и бледен. И поэтому, растолкав моего внука, начал без предампул:

– Ты понимаешь, что натворил? Люди едва дожались погожего денька, вышли в поле, а ты... Да я б за такую проделку тебя, сук... Аппарат выключен? – осекшись, испуганно спросил председатель.

– Да, – соврал Андрюша.

– В общем так: пока работяги тебе шею не свернули – исчезни вместе со своей шарманкой. В справке я укажу, что ты отработал полностью.

Опасаясь снова впасть в спячку, гость был немногословен и быстро ушёл.

В городе мы понесли этот аппарат в изобретательское бюро. Не скрывать же от культурных людей такую новинку! Ну, народ, конечно, там оказался с высшим образованием, женщины с завивкой, духами пахнет... Одним словом, матюгнуться для апробации новой техники никто не решается. Наконец в окошке увидели дворника, зазвали, что-то

посулили, женщин попросили выйти, дворник произнёс, ну и, ясное дело, слетел с копыт на восемь часиков. Отсыпался в машбюро на диване.

Члены стали тихо совещаться. Потом главный говорит:

– Нерентабельная эта штука. Нам не спать, а работать надо.

Другой добавил:

– Вот если б наказанием был бы не сон, а скажем, лёгкий зуд в языке...

Третий подхватил:

– Или в ладонях, чтоб лодыря тут же потянуло на выполнение и перевыполнение...

К сожалению, такой электронной программы в документации Высшего Разума не содержалось.

На улице нас дождался тот самый дворник.

– Не утвердили? – почти радостно спросил он, глядя на ХРАП-87.

– Как видите, – ответил я.

– Продайте мне. Нет мне никакой жизни от тещи. Рычит – хоть в петлю лезь. А этот ящик я бы в комнате припрятал – и спала бы ведьма круглые сутки! Любые деньги заплачу! Продайте!

Но Андрюшка с презрением посмотрел на небритого издёрганного дядьку и потянул меня за рукав:

– Пошли, дедушка!

А насчёт возвращения Муромец внука не обманул: в нынешнем феврале их корабль действительно опять подлетал к нашей планете. Корреспондент Б.Пиляцкий сообщает нам об этом в газете «Известия» от 18 февраля (заметка «Загадка в небе») так: «...Погода была ясной, время от времени я смотрел в иллюминатор. Взглянув в очередной раз, заметил необычный тёмный объект. Он находился на значительном удалении от борта самолёта и явно выделялся на фоне голубого неба и редких белых облачков. В сечении этот объект напоминал продолговатую планку, которая словно зависла в небе.

Уже прилетев в Мапуту, я прочитал в центральной газете "Нотисиаш" следующее сообщение: "Неопознанный светящийся объект зафиксирован в небе над Бейрой около восемнадцати часов в минувший четверг. Его наблюдали на местной метеорологической станции". Что же это было? Необычное атмосферное явление, запущенный кем-то шар-зонд или нечто другое? Пока ответа нет.»

Ответ есть, но известен от только мне и внуку Андрюшке. А сейчас – и вам, дорогие читатели.

Сергей БУЗИН
(Новокузнецк)

Контакт

Середина июня, пора отпусков, а я сижу за столом, заканчиваю писать отчёт о проделанной работе. В кабинете душно и жарко. Я встаю со стула,

подхожу к окну, распахиваю форточку и снова принимаюсь за отчёт. Внезапно кончается паста в шариковой ручке. Я машинально выдвигаю самый нижний ящик стола, роюсь в бумагах в поисках стержня. Вдруг взгляд падает на скомканный клочок бумажки в левом углу ящика, я достаю и разворачиваю её. На стол с тонким стуком падает небольшая таблетка светло-зелёного цвета. Взяв её в руку, подношу поближе к глазам. И память возвращает меня в ту далёкую осень.

Стоял октябрь, погода, что и говорить, была скверной. Холодный ветерок пробирал до мозга костей, да к тому же моросил мелкий дождь. Обычно в это время года мой родной маленький городишко становился серым, грязным и невзрачным. Казалось, жизнь остановилась.

И вот в один из таких вечеров я возвращался поздно вечером с работы домой. В салоне трамвая было около десятка поздних пассажиров. Сидя у окна, я смотрел, как за окном под стук колёс проплывают унылые улицы, мечтал о горячем чае и тёплой постели.

Вдруг раздался отчётливый голос: «Здравствуйте». Я вздрогнул от неожиданности и оглянулся, но не увидел того, кто обращался ко мне. Пассажиры сидели тихо, погруженные в свои мысли. «Извините за вторжение, но мне необходимо с вами поговорить», – произнёс тот же голос. «Что это?» – подумал я, в голове сразу возник хаос из мыслей и догадок всякого рода. Я ждал, что будет дальше, но голос не повторился. В этот вечер я с трудом добрался до своей квартиры. Скинув пальто, не зажигая свет, в изнеможении повалился на кровать в одежде и почти сразу заснул. Сон был тревожный, тот же голос звучал откуда-то сверху, но трудно было разобрать его слова. Он то говорил почти шёпотом, то гремел на всю комнату и заканчивался громким смехом... Так прошла ночь.

Проснулся я поздно. Поднявшись с кровати, подошёл к окну и отдернул портьеру, в лицо брызнули лучи осеннего солнца. Дождь уже прекратился. Постояв несколько минут у окна, отправился на кухню готовить завтрак. От ночного кошмара не осталось и следа.

Незаметно прошли две недели в работе, и я уже почти успел забыть всё, что произошло со мной в тот вечер. Если бы не тот же голос.

Было около девяти часов вечера, когда я возвращался домой. Помню, не спеша поднялся на третий этаж, достал ключ из кармана и вставил в замок, но не успел его повернуть, как раздался знакомый голос: «Добрый вечер, мне необходимо с Вами встретиться прямо сейчас, я жду Вас по адресу...», – он назвал адрес. Я вздрогнул всем телом, ключ вылетел из замочной скважины и звякнул на бетонном полу. Страх закрался в душу, но любопытство взяло верх. Через сорок минут я очутился перед парадной дверью названной квартиры. И дрожащей от волнения рукой нажал кнопку звонка. За дверью послышались лёгкие шаги, звякнул замок, отворилась дверь. При свете уличного фонаря я успел кое-как разглядеть фигуру, открывающую дверь. Это была молодая женщина в тёмном длинном платье. Она знаком предложила мне войти.

Перешагнув через порог непослушными от нервного напряжения ногами, я последовал за ней. В доме было темно, только в конце коридора из-под двери пробивалась тусклая полоска света. Женщина мягко открыла её, пропуская меня вперёд. Я очутился в большой полупустой спальне. Справа от окна стояла кровать, у изголовья которой располагался небольшой круглый столик на гнутых ножках, а на нём подсвечник. Горели все три свечи. Огромное окно было завешано зелёными портьерами из бархата, в углу, слева, стоял деревянный шкаф больших размеров со стеклянными дверцами.

– Подойдите ближе, – сказал знакомый мне голос, и я опять вздрогнул – только теперь я заметил мужчину, лежащего на кровати. Я подошёл. «Садитесь», – сказал он и еле уловимым движением руки показал на стул. Я сел.

– Доктор Логинов, – представился он. – Извините за беспокойство, которое я Вам причинил. Я болен и мне нельзя много говорить, поэтому буду как можно краток. Я не случайно выбрал Вас объектом испытания моего изобретения. Увидев Вас на улице, сразу понял, что Вы порядочный человек. Почти всю жизнь я отдал науке, занимаясь новыми разработками в ядерной физике. Любимая работа поглотила меня, я работал, не обращая внимания на свою личную жизнь и не интересуясь жизнью других. Чем больше я работал, тем больше отходил от людей, окружающих меня. И, наконец, совсем замкнулся на себе и на работе. Только тогда почувствовал себя одиноким и ненужным, когда сильно разболелся. Меня обуял страх, когда понял, что я совсем один. С людьми я не умел налаживать контакт; как ни пытался, не смог сбросить психологические зажимы. Я оказался изолирован. И однажды вечером... я решился прибегнуть к помощи своего препарата, который разработал два года назад. Это для меня первая ступень к общению с людьми. Я пытался наладить с Вами мысленный контакт, но там, где Вы находились, действовало сильное электрическое поле. Поэтому мне нужна была дополнительная энергия для работы мозга. Не выдержав адского напряжения, я потерял сознание. После этого я совсем слёг в постель. Но сегодня почувствовал себя сравнительно лучше и вновь продемонстрировал свой аппарат... – голос его слабел, ему трудно было говорить. Логинов хотел ещё что-то сказать, но, видимо, не смог. Слабой рукой протянул мне аккуратно свёрнутую белую бумажку. Я взял её. Держа в руках посмотрел на доктора. У него как-то сильно обозначились скулы, веки дрогнули, закрылись. Рука безжизненно скользнула вниз по одеялу.

Не помню, как я покинул дом доктора Логинова и приехал домой. Не помню, что было в ту ночь. Но сейчас, когда прошло десять лет, я вновь держу маленькую таблетку светло-зелёного цвета на ладони. В надежде, что когда-нибудь я всё же до конца проникну в тайну препарата доктора Логинова.

О тиграх

О тиграх писали много и бестолково. Была, помнится, даже такая точка зрения, что тигров в природе не существует, что это некая астральная сущность – ну, в лучшем случае, собирательный образ. Пора, наконец, внести ясность в этот запутанный вопрос. А кто может это сделать лучше нас? Право же, никто. И не пытайтесь.

Так вот, будьте спокойны – мы существуем. Мы существуем по вторникам и пятницам, и в остальные дни тоже, и в любое время суток, и при любой погоде. Иногда, хотя и очень редко, мы – большие полосатые кошки. Нам нравится есть сырое мясо, и мы недвусмысленно об этом заявляем сытым мурлыканьем и зубастыми улыбками. У нас великолепные усы и бакенбарды, жёлтые внимательные глаза, а хвосты прочны и тяжелы, как швартовые канаты океанских судов. Но это не всё...

И не смешите нас, пожалуйста, уверениями, что тигра можно запереть в клетку. Конечно, некоторые люди ужасно любят забираться в клетку сами и оттуда тыкать пальцем в прогуливающих на свободе тигров. Думают, что если тигра от них отделяет решётка, то он заперт! Мы не мешаем им верить во всякие глупости. Мы снисходительны. Но для вас, читающих эти строки, ибо вы чуть-чуть иные, я пишу правду. Знайте: тигр всегда свободен!

И не обязательно полосат. Кстати, небезызвестное высказывание о том, что у каждого человека должен быть свой тигр, тоже неверно, как всякий антропоцентризм. Вот тигры, как правило, заводят себе людей. И не по одному. Делается это так: тигр принимает вид чёрного, слегка мерцающего облачка и медленно, очень медленно начинает плыть по улице. Кто-нибудь наверняка заинтересуется, что это проплывает в воздухе, такое загадочное и безобидное. Если этот кто-нибудь тигру понравится, тигр хватает его за шиворот и ставит на нём отметину. И отпускает – до тех пор, естественно, пока ему этот человек не понадобится.

Только не подумайте, что тигры очень уж интересуются людьми. У нас есть масса других дел – и поважней, и поинтересней.

Вот, к примеру, необходимо следить за тем, чтобы дождь всегда шёл только вниз. Думаете легко удержать его от легкомысленных поступков, когда его так много и каждая дождинка с характером?!

Вообще, трудно представить себе, какой хаос царил бы в мироздании, если бы не тигры. Ведь даже полоски на пешеходной «зебре» норвят разбежаться в разные стороны, а кой-какие (не будем уточнять) планеты так и ждут, когда тигр отвернётся, чтобы сбежать со своей орбиты.

Разумеется, мы не зануды, немножечко хаоса не повредит, кое-где от просто необходим, – скажем, в бокале с молочным коктейлем... Потому что, признаюсь по секрету и только вам, – мы, тигры, немного сладкоежки. Вишнёвый кекс или лимонный торт иногда заставляют нас забыть о том,

что за Вселенной нужен глаз да глаз. Чуть недоглядишь – уже какой-нибудь принцип нарушен, время начинает превращаться в пространство или наоборот – а зачем нам так много одного совсем без другого?

Ведь когда мы создавали этот мир, мы так замечательно всё продумали. Пусть будет всего понемножку, решили мы. Пусть будут кактусы, леденцы на палочках, юмористические журналы и принцип взаимного тяготения родственных душ.

Если мир хорошо продуман и если не оставлять его без присмотра, то с ним будет всё в порядке. Ничего не стрясётся, даже в том случае, когда мы чуточку расскажем о себе.

О тиграх.

Сергей КОВЯКИН

(Таштагол Кемеровской обл.)

Последняя охота

Согбайн слабо просвечивал сквозь туман. Вольготно разгуливали белесые полотнища по просторам навеки умолкнувших пространств металлургических заводов, цехов, железных дорог, мостов, переплетений скоростных шоссе, восьмёрок виадуктов.

Хотя всё таяло в молочного цвета воздухе, кое-где из белого торчали верхушки доменных печей, более похожих на одинокие острова, рифы мачт освещения, ржавых ферм, кирпичных труб.

С трёх сторон к мёртвым многокилометровым просторам подступили леса. Они выросли на месте подобных технократических уродств после основательной работы ржавников, микрорекультиваторов.

Согбайн же пока существовал с мёртвой почвой, протравленной кислотными дождями, канцерогенами смогов.

Охотник стоял на опушке зарослей и пытался что-либо рассмотреть в инфракрасный бинокль. Из пустоты гигантского туманного потопа, захлестнувшего долину, доносился тоскливый размеренный звук «бзанг, бзанг, бзанг...»

Из зелени выпирала корма краулера на мощнейших, широченных пневмошинах. Трава по следу протекторов уже поднялась, и только тёмный росный след выдавал извилистый путь среди деревьев-гигантов.

На обширнейшей проплешине сухой почвы виднелся деревянный ящик с моногончими и три электроцикла, очень похожие на древние мотоциклы.

Молодые Загонщики топтались тяжёлыми шипастыми бутсами по корке. Было видно, что их немного лихорадит. Не удивительно – первая охота. Они с восторгом посматривали на широченную спину Охотника Раата и разговаривали шёпотом.

Ружьё Раата выделялось множеством звёздочек на прикладе среди составленных в пирамидку. Скейт его, старинная доска на колёсиках с мотором, невольно приковывал внимание.

Ещё один Загонщик спал на заднем сиденье краулера, выставив подошвы в открытую дверцу. Его шлем связи, казалось, покачивается на руле электроцикла от храпа.

Раат оторвался от бинокля и расстелил на крышке ящика карту Согбайна с многочисленными пометками от руки. Гончие нетерпеливо зашуршали.

– Через неделю треть долины отгородят силовыми полями и запустят ржавников. Через полгода химкультуры и дезактиваторы канцерогенов, затем почвенные бактерии...

– Последняя охота, – понимающе сказал один из Загонщиков и спросил: – А вам не жалко их?

Охотник мельком взглянул на девушку, снявшую шлем связи. Волосы её стекли на плечи.

– Ещё раз предупреждаю, не вздумайте палить сами. Разъярённый, он опасен. Ларсен промахнулся и...

Спящий проснулся, неуклюже вылез на крыло машины и так же неловко нащупал носком ботинка твёрдую корку почвы. Под ноги ему попался скейт, и Загонщик споткнулся. Зевнул.

– Снова приснилось, я не успел увернуться... И он по мне всеми четырьмя...

Извлёк из объёмистой сумки прозрачный термос с кофе, разлил по стаканчикам. Вновь нетерпеливо оживились моногончие.

– Какая по счёту охота и всякий раз один и тот же сон...

– Пошлой через левое плечо, – отозвался Охотник серьёзно.

До открытия сезона оставались минуты. Туман садился. Тоскливое «бзанг, бзанг» стихло, и медленно настывала утренняя зябкая тишина.

В укромном подземном туннеле пробудился от ночного оцепенения один из последних четырёхглазых Зверей.

Четырёхфарый, четырёхшинный, он нетерпеливо загудел, извещая самого себя: «Пора».

Перемигнули лампочки на панели управления, электронный мозг включил зажигание.

Один из немногих последних автомобилей выезжал из логова гаража навстречу дню.

Туман полностью рассеялся над Согбайном, извещая – быть славной охоте.

Николай КАЛАШНИКОВ

(Новокузнецк)

Открытие века

Егор Кузьмич был человек крепкого сложения, средних лет и привлекательной наружности. Односельчане его очень уважали. При встрече старались остановиться, поговорить с ним: он мог дать дельный совет. Случись горе у человека – он поддержит добрым словом его, при

необходимости поможет материально. При сообщении какой-либо радости вместе с человеком порадуется, если смешно, то и посмеётся. В общем, со всех сторон человек Егор Кузьмич был положительный.

Это случилось тёплым июньским днём. Как обычно, Егор Кузьмич в свой выходной день отправился на охоту. Но не ради какой-то добычи, а просто побыть в лесу, отдохнуть, полюбоваться лесной прелестью. Да и какая в июне может быть охота? Это он прекрасно понимал и строго соблюдал правила охоты, установленные в его районе.

Идёт Егор Кузьмич по лесу, тихонечко посвистывает. Пират, верный пёс, бежит впереди, вспугивает бурундучков, мышек и прочую мелкую живность. Хорошо и легко на душе Егора Кузьмича. Легко текут его мысли: вот приду домой – жена опять пошумит. Интересно всё-таки устроен человек, у каждого свой характер, своя манера. Вот взять хотя бы мою жену...

...И в этот момент Егор Кузьмич провалился в какую-то яму. Не успел он крикнуть, как земля над ним сошлась и стало темно. Егор Кузьмич ощупывал вокруг землю: под ним почва была мягкая и гладкая. Он продолжал катиться вниз, как по доброй катушке. Долго ли, коротко ли он так катился – вдруг почувствовал под ногами почву, остановился. «Ну, слава богу, наконец-то приземлился», – подумал он и открыл глаза. Хотя он трусом не был, но воочию со смертью встретиться не хотел. Поэтому и катился с закрытыми глазами.

Когда Егор Кузьмич встал на ноги и осмотрелся, то не поверил своим глазам: перед ним было свободное пространство и к тому же очень хорошо освещённое. Он для самоубеждения ущипнул себя («Ой, больно»): значит, ещё жив, хотя и нахожусь на том свете. Господи, что говорю. Просто попал в какие-то подземные не то склады, не то ещё что. Надо попытаться отсюда выбраться.

Перед ним был круглый тоннель, уходящий вдаль, как ему показалось, до бесконечности. Стенки тоннеля были отделаны серым с блеском материалом, от которого исходил свет. Сперва Егор Кузьмич этого не понял. Он внимательно всматривался в стены и потолок в надежде найти лампочки или какие фонари, дающие такой яркий свет и к тому же очень ровный. Но нигде ничего подобного не было. Тогда только он понял, что свет исходит от самих стен. Чудеса. Вот отделать бы таким материалом свою квартиру – красиво, экономно, не надо за освещение платить. А ещё лучше у всех жителей нашего села. Но тогда к нам могут туристы зачастить. А они могут в лес ходить и даже на машинах ездить, лес рубить, жечь костры. Да и по полям начнут шастать. Нет, не надо, без туристов жизнь спокойнее.

Удивительное дело, продолжал размышлять Егор Кузьмич, времени прошло много с того момента, как он вышел из дому, а есть и пить ему не хочется. Он попытался прилечь уснуть, но сон к нему тоже не приходил, и усталости он не чувствовал. «Ладно, – сказал он сам себе, – пойду дальше. Должен же я в конце концов куда-нибудь выйти».

Но сколько он ни шёл, а тоннелю конца и края не было видно. Прошла уже неделя, другая, месяц, а дальше он и со счёта сбился. Благо, что ему ни пить, ни есть, ни спать не хочется. Первые дни он думал, что это от того, что он перед выходом с аппетитом поел жирных щей, которые так вкусно готовит жена. Но прошло уже столько времени, и – удивительное дело! – голод его не мучает.

Так проходили у него дни и ночи. Впрочем, он этого не ощущал, где день, где ночь. Ему стало казаться, что он видит сон. А может, думает, и в самом деле умер, а душа витает где-то в облаках. Но он шёл и шёл по этому проклятому тоннелю, и не было ему конца. Самое тоскливое настроение вызывали у него мысли о жене, которая, должно быть, очень переживала его исчезновение. Но именно эти мысли заставляли идти вперёд с ещё большей энергией.

...Но однажды Егор Кузьмич почувствовал, что он поднимается в гору. Именно почувствовал каким-то внутренним чутьём. Но на земле, когда поднимаешься в гору, то, ясное дело, чувствуешь большую усталость. А здесь усталости никакой нет, просто чувствуешь ногой и видишь глазом, что поднимаешься в гору.

Тоннель с каждым днём становился уже и уже. Освещение постепенно стало меркнуть и в конце концов совсем стало темно. Егор Кузьмич упорно шёл вперёд.

Через несколько дней показалась впереди маленькая белая точка. Долго ещё она оставалась точкой, пока наконец не превратилась в отверстие, сквозь которое Егор Кузьмич увидел звёзды. Ещё несколько энергичных движений – и он завертел головой и увидел много звёзд, а справа с чистого неба глядел на него полный диск луны, нашей земной луны, которую мы так часто видим, но так мало её замечаем. Он лёг на сырую и холодную землю, разбросал руки в стороны, как бы обнимая и притягивая в свои объятия весь земной шар.

Время было ночное, а земля холодная и сырая, так как была уже глубокая осень. Егор Кузьмич поднялся, побегал, согреваясь, но холод пробирал его до костей. Он еле-еле дождался бледного рассвета.

Когда рассвело, Егор Кузьмич увидел перед собой лес, который уже сбросил с себя летний наряд, только пихты да редкие сосны красовались в своём вечнозелёном наряде. Куда ни бросишь взгляд – всюду гора, а он находится в центре какого-то большого котлована, да везде почему-то полусгнившие поваленные деревья. «Где же я есть», – думал Егор Кузьмич. Но где бы ни был, надо было идти. И – удивительное дело – пройдя немного, он почувствовал усталость и ему сильно захотелось есть. Но надо было идти, и он, преодолевая усталость и голод, шёл. И кто знает, чем бы всё кончилось, не попади на его пути геологи Якутской геолого-разведочной партии, которые, к его счастью, проезжали на его пути. Машина была крытая брезентом, от встречного ветра защищённая. Видя, что человек замёрз, геологи дали ему брошенную старую фуфайку.

Малость обогрившись и осмелев, Егор Кузьмич спросил у сидевшего рядом пожилого якута:

– Что это за местность такая, вроде какого-то большого котлована?

– Каакой котлова, – отозвался якут. – Тот, что ты был? Вот чудак. Это же всем известный метеорит. Значит, наш метеорит. Я есть якут, и метеорит якутский. Значит, он и есть наш метеорит. Нешто ты не знай якутский метеорит. Нехорошо. Знай надо. – И помолчав, добавил: – Ты кто – охотник. Вот твой ружьё хороший. Продай ружьё.

Предложение о продаже ружья Егору Кузьмичу пришлось, как ни прискорбно, кстати. Иного выхода у него не было.

Долго ещё пришлось добираться Егору Кузьмичу до дома. Пока он ехал в поезде (а до родного Подмосковья езды от Якутии не менее пяти суток), Егор Кузьмич, лёжа на полке вагона, обдумывал своё приключение.

Инопланетный корабль, путешествующий по Вселенной, был, конечно, оснащён могучей техникой. Подлетая к Земле, возможно, по неосторожности, возможно, так, для какого-то своего интереса или для эксперимента сходу врезался в нашу планету в районе Якутии. Врезался, прошёл под землёй, вынырнул, не нарушив экологического равновесия, в районе Подмосковья. И только оставил после себя небольшой след в виде воронки, котлована далеко от человеческого жилья в малонаселённой Якутии. А ведь сколько затрачено труда отдельных лиц, партий, экспедиций для выяснения данной загадки, а оказалось всё так просто. Помог обыкновенный несчастный случай одного человека. А облицовка тоннеля образовалась вследствие прикосновения к земле выхлопов горючей смеси корабля.

– Итак, я сделал открытие века, – думал Егор Кузьмич. – Но что я скажу жене по возвращении домой. Тут уж одной улыбкой не обойдётся.

Константин КОРЧМИНСКИЙ

(Абакан)

Действующая модель

Я осторожно держал кувшин, обросший водорослями, ракушками и ещё чем-то непонятным.

«Записка? Клад? – соображал я. – Или просто пустая бутылка, выброшенная в море древнеримским шутником? Надо проверить».

Я пришёл домой и стал ковырять пробку. Она не поддавалась. Я сломал два штопора, испортил нож – бесполезно. Разолившись, я ударил по кувшину какой-то подвернувшейся под руку железякой.

Осколки посуды посыпались на пол, а передо мной появилась помятая физиономия довольно странного вида и начала причитать:

– Что ты наделал, идиот! Корабль мой уничтожил! Ох, влетит мне теперь, ох, влетит...

Незнакомец ещё что-то там стонал, а я уже думал: «Что это? Или, вернее, кто это? – и тут сообразил: – Да это же джинн, всё просто, как в кино. Даже не интересно».

Но тут же у меня появились сомнения: уж очень странно джинн изъяснялся, совсем не так, как положено. Поэтому я сказал:

– Дед, для начала перестань стонать, а после объясни мне, кто ты и какого чёрта свалился на мою голову из своего горшка?

Джинн, кажется, маленько обалдел от такого обращения, но ответил:

– Я Долговременно Живущий Исполнитель Необходимых Нужд – ДЖИНН. А это мой корабль для передвижения в космическом, воздушном, водном и прочих пространствах. Вернее, то, что от него отсталось, у тебя ведь руки чесались сломать его.

Минуты две я переваривал эту речь, а потом сказал:

– Слушай, дед, чего-то ты врёшь. Да, ты – джинн. Но насколько я знаю, ты сейчас должен валяться у меня в ногах и молить о том, чтобы я тебе приказывал.

– Как бы не так, ни шиша ты не знаешь. – Джинн удивительно хорошо ругался по-русски. – Это всё ваши сочинители придумали: джинны служат человеку. Выкуси. Я – специальный посланник одной цивилизации для исполнения желаний аборигенов различных планет. Исполняю одно желание существа, которое меня обнаружит. Такая вот дурная у меня работа. Кстати, желание любое, кроме одного. Какого – я тебе не скажу. Будем надеяться, ты поумнее и его не загадаешь. Короче говоря, соображай. Я подожду.

Тут же у меня появились сотни желаний. Казалось, если хоть одно из них не будет выполнено, я скончаюсь на месте. Чего только я не придумывал: и для себя, и для других людей, и для всего человечества. Но желание-то – одно. И тут я вдруг придумал. Будет всё: мир на Земле и в космосе, бессмертие, до чёрта контактов с другими цивилизациями (ведь если верить джинну, их много) и т.д. и т.п. И всё это сделаю Я! Я!! Я!!! Я собрался с духом и сказал:

– Я хочу быть властелином вселенной!

И тут джинн, совершенно не соответственно такому важному моменту, гаденько захихикал:

– Хи-хи-хи-хи-хи-хи. Я всегда утверждад, что природа, отвешивая мозги всем разумным существам, землян несколько обделила. Первым на вашей планете меня нашёл питекантроп. В течение семи часов я втолковывал ему, что должен исполнить его желание, потому что не имею права исчезнуть. Когда же до питекантропа дошло, он сразу же воткнул в землю палку, растопырил руки настолько, насколько смог, и изрёк: «У-у-у-у-у!!!» На его варварском языке это означала: «Хочу быть хозяином всего!», то есть нынешнему – вселенной. В конце концов я вручил ему новую дубину, и он, забыв о вселенной, радостно побежал бить ею по головам сородичей. Потом было ещё несколько «властелинов» в разные эпохи, и вот ты. А

помнишь, я говорил тебе, что есть желание, которое я не исполню. Вот именно его все идиоты и загадывают. То же сделал и ты. Но за последнюю тысячу лет я, плавая в своём горшке, нашёл выход из положения. Держи.

В руке у меня появился шарик диаметром 2–3 сантиметра. Изнутри он слабо светился.

– Что это? – удивился я.

– Вселенная! – с важным видом разъяснил старый мошенник. – Теперь ты её хозяин.

– Ах ты плут доисторический! Мошенник галактического масштаба. Где вселенная? Где хозяин?

– А вон там вселенная, хозяин же её выпучил глаза и орёт, как полоумный. Заткнись и слушай сюда. В шарике – абсолютно такая же вселенная, как эта. Модель, но действующая! Понял, недоумок гуманоидный?

– Понял, понял, – я уже не обращал внимания на оскорбления, – но что мне с ней делать?

– Владей!!! – ответил джин и исчез.

Неделю я экспериментировал: лупил по шарик-вселенной молотком, купал его в разных кислотах, совал в огонь – всё бесполезно: шарик даже не треснул, не закоптился. Тогда я решил попробовать его прочность по-другому: положить под поезд. Поезд-то с молотком не сравнить.

Вечером я пришёл на вокзал. Погода была отличная. На небе ни облачка, все звёзды как на ладони. Я и не предполагал, что чистое звёздное небо спасёт от гибели ВСЁ.

Подкатил поезд. Я осторожно подошёл к нему и положил вселенную под колесо. Через две минуты поезд тронулся. Я смотрел на шарик в бинокль. Было видно, как под колёсами он всё больше и больше сплющивается. И тут что-то кольнуло мне в глаз. Я на секунду оторвался от бинокля и случайно глянул на небо. Боже мой, что там творилось! Звёзды устроили какую-то бешеную пляску, то удаляясь, то приближаясь. Откуда-то ночью выглянуло солнце, но звёзды при этом не исчезли. Луна прыгала по небу, как мальчишка, сбежавший из детсада и радующийся свободе.

Через несколько секунд до меня дошла причина этого светопреставления. Я схватил какую-то палку, бросился чуть ли не под поезд и вытолкнул оттуда вселенную. Ведь это действительно была вселенная!!! Светопреставление кончилось. Значит, джинн не обманул, но, каков подлец, даже не предупредил, что всё, происходящее там, происходит и здесь. А может, он и сам этого не знал? И по такой вот причине я чуть не угробил весь мир! К счастью, всё обошлось, но теперь я часто думаю: «А что, если и наша вселенная – только подарок какого-то джинна кому-нибудь ТАМ? И подарена она идиоту-экспериментатору вроде меня! А что будет, когда люди доберутся до границ вселенной?»

Неприступная крепость

Когда разумные рептилии Д'Хстин и Р'Тзекли высадились на третьей планете небольшой жёлтой безымянной звезды, удалённой на сотни парсеков от родного Гадеса, на Земле, по нашим меркам, была середина мезозоя.

Посланцы, возликовав, покинули спиралодиск и торжественно вползли на ближайшую песчаную вершину.

Роботорептилии озабоченно суетились у грузовых отсеков, с величайшими предосторожностями извлекая титановый куб Универсального Преобразователя Материи.

Д'Хстин, немного помолчав, давая понять всю важность момента младшему собрату – технарю, торжественно рёк:

– Мы начинаем великий этап колонизации нового мира. Наши имена войдут в анналы истории, и через несколько тысяч лет вот на этом самом месте благодарные потомки воздвигнут нам памятник.

– Пивка бы баночного, – необдуманно ляпнул Р'Тзекли, – и солёных водорослей.

Д'Хстин щёлкнул неодобрительно: что с него возьмёшь! Чернорабочий от электроники. Могучий, задыхающийся от перенаселения Гадес далеко, а специалист по вводу УПМ всего один, но и тот зовется Тзекли...

– Пойдем в корабль, – прощёлкал он. – У меня упаковочка припрятана.

– Если та, что в рубке, – честно признался техник, – то извини, я её того... Тридцать парсеков назад.

Возлияние в честь удачного перелёта несколько затянулось. Д'Хстин плюхнулся в свою ванну, с облегчением закрывая щелочки глаз; некоторое время продолжал бодрствовать третий, тепловой, но и он вскоре закрылся.

Р'Тзекли неуверенными движениями добрался до куба и, пьяно хихикнув, набрал на пульте необходимый шифр. А затем, повинувшись душевному порыву, перебрал несколько клавиш.

– Шутка благодарным потомкам, – пояснил техник роботам, но те, занятые выгрузкой сотен тысяч пластиковых контейнеров с яйцами будущих поселенцев, не обращали на него внимания.

Р'Тзекли дополз до холодка спасительной тени диска и ещё раз клацнув «Шутка», уснул.

Утром Д'Хстин долго и недоумённо рассматривал сооружённое Преобразователем за ночь и уж затем извлёк Р'Тзекли из-под спиралла.

Тот промёрз за ночь и долго цакал зубами. А затем тоже с интересом разглядывал тщательно возведённое из плотно сбитого песка сооружение – Крепость Лагун. Не хватало волн прилива у стен и стражи на утрамбованных валах.

– Что ты там вчера намудрил? – спросил Д'Хстин.

– Ничего особенного, обычная Непрístupная Крепость, – неуверенно ответил Р'Тзекли. – Для защиты поселенцев.

И предложил собрату:

– Может, сходим, поплаваем, живность вся разогнана на сотни лим вокруг, инфрайзлучатели поработали...

Через несколько дней песчаную крепость сменила каменная, средневековая, с зубцами и башнями на прочных стенах.

Двумя вереницами от трюма к воротам Крепости сновали неутомимые роботорептилии.

Через месяц тысячи штабелей контейнеров были надёжно прикрыты невидимым силовым полем, угадываемым лишь по радужным вспышкам.

У входа высилось огромное многоэтажное здание, в стеклянной глубине которого смутно проглядывался куб УПМ. В прозрачных коридорах сновали освободившиеся роботы, и время от времени передавали друг другу свитки с информацией – входящей и выходящей.

Двери в здание не было. Небольшое, мраморное с позолотой, объявление гласило:

«В связи с реорганизацией Крепости просим не беспокоить ближайшие два миллиона лет».

Д'Хстин почувствовал, как комок ужаса прокатывается от чешуек носа до конца хвоста.

Р'Тзекли начал дышать не ртом – жабрами.

Наконец, Д'Хстин обернулся к товарищу по несчастью.

– Да, это самая непрístupная крепость из всех, когда-либо видимых мною. – И тоскливо оглядывая забытые в суматохе бюрократической возни миллионы контейнеров, спросил:

– Ты не знаешь случайно какой-либо уютной планетки на двоих? На менее длительный срок – остаток нашей жизни...

Сергей Баранов
(Абакан)

В мире прекрасного

– Внимание, объявляется час массового чтения! Кто не хочет читать, пройдите в красный уголок № 2. Будем передавать концерт музыки второй половины XX века (1980–1989 годы). Повторяю...

Васька выключил интерком. «Конечно, я буду читать. Что же мне ещё делать? – подумал он. – Но что успеешь прочитать за час. Эх. Ничего, дочитаю после ужина». Он повернулся к дисплею компьютера и набрал команду «Библиотека». На экране вспыхнула надпись «Номер кода». Васька набрал наугад комбинацию цифр. Следующая надпись не заставила себя ждать: «Лунная радуга» Сергея Павлова», – прочитал Васька.

– Читали.

Васька набрал ещё одну комбинацию.

– Луи Буссенар, «Капитан Сорвиголова». Вот это мы не читали.

На панели «блока необходимости» замигала синяя лампа и раздался сигнал интеркома. Васька, не отрываясь от дисплея, дотянулся носком ноги до панели и включил видеофон. Это, как и предполагал Васька, был Сенька.

– Привет. Что будешь читать, отец Василий?

– Луи Буссенара, сын мой.

Этот диалог Васька и Сенька слышали в одном страшно старом фильме и выучили его.

– А я – «Саргассы в космосе».

– Не надоело ещё боевики читать?

– Ты что?!

– Ну ладно, отбой.

– Отбой. Потом расскажешь.

Экран видеофона погас. Васька глянул на дисплей и увидел надпись: «Ваш заказ выполнен». Васька подошел к входной камере, взял из шкафа одежду: большую фетровую шляпу, брюки, сапоги со шпорами, синюю хлопчатобумажную рубашу, жилетку из чёрной ткани, названия которой Васька не знал, и серый треугольный галстук, похожий на галстук, который носили пионеры XX века. Он оделся, взял из стойки ружье системы Маузера и открыл дверь переходного тамбура.

* * *

«...Отважный сорванец, рискуя разделить участь ирландца, полез под шпалы и зацепился за одну из них ногами и левой рукой». Этот прием Васька знал хорошо.

«...Внезапно деревянная дорожка задрожала под чьими-то тяжёлыми шагами. Над Жанном бежали люди, щёлкали ружейные затворы. А под ним, будто его резали, вопил выплывающий на поверхность ирландец. «Пропал!» – подумал Сорви-голова». Васька не хотел думать так, как герой книги, но ведь он никак не мог изменить ход событий.

«...Сорви-голова по-прежнему висел вниз головой. От прилива крови голова была готова лопнуть, в ушах шумело, перед глазами плыли огненные круги; у него едва хватило сил чиркнуть спичкой». Конечно, таких мучений Васька не испытывал. Он всегда выключал «эмоциональный блок». Другое дело Сенька, он без своих боевиков жить не может, он-то всегда включает «Эм-блок». – «Представляю, как он сейчас переваривает крэкс!»

«...– Огонь! – раздалась команда.

Грянуло шесть выстрелов.

Сорви-голова, не обращая внимания на пальбу, поднёс спичку к бикфордову шнуру и стал дуть на него, чтобы он скорей разгорелся.

Фитиль занялся.

Пули жужжали у самых ушей сорванца, расщепляя шпалы, рикошетом отскакивая от стальных рельсов.

У его ног двадцать фунтов динамита, сверху его обстреливают прибежавшие караульные, а внизу – река. Ни секунды не колеблясь, Сорви-голова разжал ноги, обвивавшие шпалу, и вниз головой полетел в Моддер». Васька тоже ни секунды не колебался. Он тоже разжал ноги, полетел в воду. Прикосновения к воде он не почувствовал.

– Внимание, после ужина, а точнее, уже сейчас, начинается двухчасовое чтение. Повторяю...

Васька выключил интерком. «Конечно, я буду читать. Только уже с включенным «Эм-блоком».

Васька летел по степи на своей бурской лошадке, и ветер обдувал его улыбающееся лицо. На груди у него поблескивал полевой бинокль, такой старинный, что Васька не знал, какого он века. Сейчас ведь такие не используют. В бинокль был вмонтирован микровидеоблок. «Надо же кое-что показать Сеньке. Ведь он тоже сейчас болтается в мире прекрасного».

Борис СИДЮК

(Киев)

Крайне избитое и тривиальное

Кто вам сказал, что времена людоедства давно прошли? Берусь доказать обратное. Нет, нет, я не имею в виду фигуральное значение понятия каннибализма. Но все мы с вами – людоеды. Вижу, вижу удивлённые взгляды. Мол, как же так? А всё гораздо проще. Утречком вы заходите на кухню, открываете сковородку, видите котлетку, которую, наверное, можно кушать... Попрошу не перебивать. Я знаю всё, что вы скажете. Мол, котлетка говьяжья и так далее... Послушайте, вы, я вас не знаю, не смотрите на меня обвинительным взглядом, как на законченного схоласта. Я же не утверждаю, что мы людоеды только потому, что, когда человек умирает, его вещества переходят в почву, впитываются растениями, которые кушает корова, которую кушаем мы.

На чём я остановился? Ага. Так вот. Вы берёте котлетку и в холодном виде (ай-яй-яй, лёнь подогреть, что ли) молча жуёте. И не подозреваете того, что съели несколько миллиардов миллиардов людей... Молодой человек, поморгайте правым глазом, а то вывалится и он. Левее, левее. Осторожно, не наступите. Ишь, ботинок какой. Глаз всё-таки.

Далее поясню. Всем известно, что атом страшно похож на планетную систему. Даже не похож, а является ей на самом деле. А раз так, значит, на электронах-планетах может существовать жизнь, разум, а значит, люди... У вас что, живот болит? А почему вы за него держитесь? Что, что? В перерыве подойдите, я вам тоже кое-что на ушко скажу.

Да, так вот. Стало быть, в котлетке живут люди, а мы их того, кушаем. Но вы не огорчайтесь. Нас с вами тоже скушали. Вы совершенно правы,

молодой человек, большой взрыв. Да, это гипотеза. Грандиозно. А? Никакого сбегания не будет. Ну, разве что нашу Вселенную того, ну, вы меня понимаете. Сейчас объясню. Предположим, мы, то есть наша Вселенная, – это таблетка, прописанная врачом тому, кто нас впоследствии съел. Он её глотает, и таблетка в желудке растворяется. Молекулы разлетаются. Вот вам и разбегание галактик. Что, что? Вы спрашиваете, какую таблетку прописал доктор?

Александр ЧУМАНОВ
(Свердловск)

Розовое облако

Утром мальчику исполнилось семь лет. Были именины, дети пили чай с тортом, а потом стали играть.

– Я буду мамой, – сказала соседская девочка.

– А я буду розовым облаком, – сказал мальчик.

Девочка стала укладывать кукол спать, а мальчик превратился в розовое облако и выскользнул в открытое окно. Он поднялся выше красных и голубых крыш, паря в восходящих потоках воздуха, а люди стояли внизу, удивлённо задрав головы, и говорили, что розовых облаков не бывает, а если и бывают, то только на заре, и, стало быть, то, что сейчас они видят, вовсе не облако, а обман зрения. А мать рассердилась. Она сказала, что её сын пошёл в отца и, значит, ничего путного из него не получится.

– Спускайся сейчас же, – кричала мать сыну, – иначе я перестану тебя любить!

И розовое облако послушно опустилось во двор и опять стало мальчиком, которому исполнилось сегодня семь лет. Мальчик как будто выпал из розового клочка тумана, видно, не рассчитав чего-то, и испачкал в пыли новую рубашку. Мать сердито вздохнула, а отец виновато промолчал, и мальчику стало грустно, потому что всё так нескладно получилось.

Когда розовое облако снова стало мальчиком, которому исполнилось семь лет, все гости уже разошлись. В доме стало скучно и пусто. Наступил вечер. С неба упали первые обломки старых звёзд. Отец, как всегда, взял мешок и пошёл их подбирать, чтобы сделать из них новые звёзды и к утру развесить по небу. А мать, проворчав ему вслед: «Я верчусь, как белка в колесе, а в доме некому гвоздя забить!», – принялась мыть чистый пол.

Тогда мальчик стал морем. Он решил помочь матери, чтобы она не сердилась за испачканную рубашку. Он стал морем, подкатил свои волны к самому дому, и когда мать вышла на крыльцо с ведром, море плескалось у самых её ног и одна волна замочила ей тапочек совсем нечаянно. Тогда мать пнула волну, и тапочек полетел и исчез в пучине, так что его и после, когда море исчезло, не смогли найти. И всё-таки она зачерпнула воды, потому что устала за день и ей не хотелось идти на колонку в соседний переулок.

Большой белый теплоход загудел под окном.

Мать откинула со лба влажную прядь, вышла на крыльцо с тряпкой в руках и сказала, что хозяина нет дома. Теплоход молча попятился, свалил килем плетень в огороде, который и сам упал бы не сегодня, так завтра, и скрылся за горизонтом.

– Быстро за стол и спать! – сказала мать, и море исчезло. Оно схлынуло, оставив лужи, пучки водорослей, ракушки. Обитатели поселка, надев болотные сапоги, бродили по раскисшим улицам, ловили в лужах рыбу, которая не успела уйти в глубину, и ругали непутёвых соседей. Они обещали пожаловаться в милицию, в поселковый Совет, на производство, что, вот, дескать, везде живут люди как люди, а у них в поселке что ни день, то чудеса, от которых один вред, и что отец с сыном совсем распоясались. А между тем на ужин во всех домах была свежая рыба, которую в магазине днём с огнём не сыскать, а некоторые потом даже торговали вяленой рыбой в городе у пивного бара, и рыба эта была нарасхват. И только в одном доме на ужин была жареная картошка, потому что отец ушёл собирать осколки старых звёзд, чтобы сделать из них новые звёзды и развесить по небу, а мать мыла чистый пол, а сын был морем и не мог ловить рыбу в самом себе.

Отец пришел поздно усталый и голодный. У него болели обожжённые звёздами руки. Мать сонным голосом крикнула: «Картошка на столе, разогрей и ешь!» – и повернулась на другой бок. Мальчику приснилось, что ему исполнилось в первый раз в жизни восемь лет, и он улыбнулся во сне. Отец тихонько разделся и лёг. Он долго ворочался, несколько раз вставал покурить. Ему не давала покоя мысль: «Вселенная расширяется, надо срочно что-то делать...»

Борис СИДЮК
(Киев)

Размышления в дверном проёме

О, двери, сыгравшие решающую роль в моей жизни. Буду вас воспевать до конца дней своих. Вырезал даже наколку на груди: «Не забуду дверь родную». Величайшее, нужнейшее изобретение человечества – дверь. Парадные, квартирные, троллейбусные двери, двери в лифт, холодильник, мусоропровод, двери с надписями «Посторонним вход запрещён» и буквой «М», с черепом и костями и битыми стёклами. О двери! Запертые и открытые и вообще отсутствующие. Бегаю, бегаю, вперёд-назад, вверх-вниз, и всё через двери.

Вот как проходит всего один день. Утром встаю, сбрасываю с себя двери, ой, простите, одеяло, открываю дверь из комнаты в коридор, затем из коридора в ванную, умываюсь, вновь прохожу через две двери и одеваюсь, прохожу через две двери в кухню и кушаю, опять прохожу через дверь, беру дипломат, открываю входную дверь, вызываю лифт,

через двери вхожу в него, через них же выхожу, и через две тамбурные двери оказываюсь на улице. Подходит автобус, через двери вхожу и через двери выхожу, а на каждой остановке динамик вопит голосом водителя: «Осторожно, двери закрываются» – приходится выпрыгивать. На работу прохожу уже через четыре двери. Дальше – больше. Двери, двери, кругом одни двери. Иногда даже жуть берёт от их обилия. Вызов – хватаю инструмент и через двери... В следующих дверях сталкиваюсь с шефом, тоже, видать, через много дверей прошёл. По ступенькам через двери с первого этажа на второй этаж, рву на себя дверь, ух успел. Быстро сделал всё, что надо, и опять через дверь, сталкиваюсь с кем-то ещё через дверь, потом ещё. В дверях сталкиваюсь с главбухом – у неё дверь сломалась, просит посмотреть. Бегу. И тут успел – двери не подвели. Назад еду в лифте. А на первом этаже двери решили не открываться – наверное, обиделись за что-то. Кое-как выбрался. Тут же кто-то в двери и меня прямо по лбу. Ладно, врываюсь через двери к себе, сбрасываю с себя дверь, тьфу, спецовку и через пять дверей в буфет – обедать. Поел – надо закурить. Спичку зажигаю об дверь и об дверь же тушу бычок. В дверях сталкиваюсь с чем-то непонятным, которое осведомляется, как пройти через двери к дверям, которые ведут к другим дверям и т. д. Объясняю – и через двери... Эхе-хе. По ночам мне снится стало, что я – дверь. Меня дёргают, пинают ногами, плюют. Так стало горько. Кричать хотелось. Граждане, храните двери в сберегательной кассе! С ужасом представляю себе, что было бы, исчезни вдруг в один прекрасный день все двери. Аж страшно стало. Ну и как же мы без них, ну куда мы без них?! Двери ведь нас защищают. За дверью можно отсидеться, дверью можно прикрыться, разве найдётся что-то более надёжное, чем дверь? Кроме того, двери воспитывают в нас человеческие качества: мужество, сообразительность, хитрость. Когда говорят о человеке: он повидал многое, это значит, что он прошёл не одну тысячу дверей. Так что единицей измерения мудрости и жизненного опыта должна стать одна дверь. И тогда можно говорить: он умён, как сто дверей, или: у него семь дверей во лбу. О, дверь!

Этюд об умирающей планете

Планета умирала. Только чудом ещё она не рассыпалась. Уже давно утратила атмосферу. А вместе с той исчезли в безднах Космоса моря и океаны. Сердце лишь только подрагивало. Она слишком стара. И больше уже никому не нужна. Даже Светило вытолкнуло её из своих некогда ласковых объятий, чтобы постылый прах не засорил его безупречную систему. Так и ковляет куда-то неторными тропами – одинокая коченеющая развалина.

Две крохотные искорки вынырнули прямо перед ней. Глухо стукнуло сердце. Разумные? Когда-то и у неё.. Поздно. Уже и пылинки не осталось.

Но всё же встрепенулась, собрала остатки сил – только бы не развалиться, когда кометки разумных коснутся её...

Планета торжествовала – у неё появилось население. Но разумные, казалось, один другого не замечали. Они дотошно исследовали планету: брали пробы, проводили измерения – каждый сам по себе.

Планета искренне любовалась ими, охотно принимала эти знаки внимания. Только вот никак не могла понять, почему оба разумные не общаются. Их маленькие кометки рядом, а они...

Их равнодушие друг к другу печалило её. Она уже чувствовала: недолго осталось пестовать случайных жителей своих – скоро улетят. Да и чем их может привлечь она, дряхлая и никчемная. Даже познакомиться не сумела.

С грустью провожала Планета уходящих от неё разумных. Но осталась надежда – где-то в иных мирах, на молодых, задорных планетах эти двое станут друзьями. А сердце её, уже исчерпав остатки энергии, стало затихать. Планета исчезла.

А кометки разумных разлетелись, заспешили к своим родным планетам. Они были посланы разными цивилизациями. Настолько между собой несхожими, что их представители просто не могли даже увидеть друг друга.

Татьяна КОЛЕСОВА

Ольга КОЛЕСОВА

Вадим КАЗАКОВ

(Саратов)

Осёл на стрельбище

(Криминальная фантазия на тему Стругацких)

10 мая 137 года. Антон Хаммерер, сотрудник КОМКОНа-3

Моя бедная голова гудела от недосыпа. Я не смыкал глаз уже вторую неделю, выполняя задания Гофмаршала. Но Фридриху Заборски, начальнику КОМКОНа-3 (Комиссии по Контрударам) всё было мало. Я только собрался прилечь, как эта живая реликвия КОМКОНа возникла на экране видеофона и вперила в меня мёртвые глаза. Мне было велено немедленно подготовить полный список всех Л.Рыбалкиных, населяющих Землю и Периферию.

Час спустя Гофмаршал забрал у меня первую часть списка, удовлетворенно хрюкнул и изрек:

– Зер гут. Продолжай трудиться. Никаких контактов, даже со мной. Я тебя сам разыщу.

Шеф направился к двери. Из-под полы его походного кимоно явственно поблескивал ствол крупнокалиберного "кронпринца". «Опять кого-то карать будем», – обречённо подумал я.

Большая Осведомительная Машина трещала непрерывно. Время от времени Гофмаршал забегал за дополнениями к списку. Я совсем обалдел,

когда вдруг получил сверхсекретный запрос Мирового Совета о ходе операции «Ирод». Отвечать мне было нечего – я слыхом не слыхивал о такой операции.

10 мая 137 года. Гофмаршал за работой

...Очередной Рыбалкин – Леопольд, бывал на Земле лишь проездом. Справки о нем следовало наводить у некоего хвостована Мявкна-Кисча, третьего секретаря хвостованского консульства. Эти странные зверюги, напоминавшие домашних котов, находились между собой в постоянном телепатическом контакте посредством хвостов...

Тут я понял, что шеф очень уж давненько не давал о себе знать. Несмотря на запрет, я решил связаться с ним и запросить согласие на randevу с Мявкном. Гофмаршал на вызов не отозвался. Но экран работал, и вот что я увидел.

- Любомир Рыбалкин? – осведомлялся шеф у симпатичного юноши.
- Н-нет, Алексей. А в чем...
- Ага, значит – Леша! – радостно воскликнул шеф.

Грохнул выстрел. Я увидел изумлённые, уже стекленеющие глаза Алексея Рыбалкина и услышал его последние слова:

- За что?..
 - За компанию, мой мальчик, – охотно пояснил Заборски.
- Я тихо дал отбой.

10 мая 137 года. Мявкн-Кисч, хвостован

Гофмаршал вышел на связь часа через два, молча выслушал мою просьбу, буркнул «С богом!» и отключился.

...Консульство Хвостованов, состоящее из бесчисленных чердаков, размещалось в курортном местечке Сайра. Мявкн-Кисч принял меня на своем персональном чердаке. Он поднял янтарные гляделки, и мне показалось, что взгляд его проникает прямо в душу, хотя всем известно, что душа комконовца -- потёмки.

Потом он почесал задней лапой за ухом и многозначительно произнёс:

– Передай своему престарелому психопату: народ хвостованов никогда не даст в обиду Леопольда Рыбалкина.

Тут он свернулся клубочком и закрыл нос хвостом, давая понять, что аудиенция закончена.

Нуль-Т в консульстве барахлила, и мне предстояло несколько часов обратного пути трястись на глайдере. Невыносимо хотелось спать.

11 мая 137 года. Турнир чугунных лбов

Было уже за полночь, когда я, сонный, злой и голодный, добрался до Управления. В окне у шефа горел свет, и я потащился на доклад.

Заборски был не один. Перед ним, брызгая слюною, скакал плюгавый старикашка. Я узнал его сразу: это был автор моей любимой книги «Чушемасетский ужас» магистр-академик Якоб Бамберг, Председатель Вселенской Лиги Защиты Прав Животных.

Они так орали, что не заметили меня. А я, уловив что-то об операции «Ирод», решил остаться и послушать.

Более всего это смахивало на турнир старых горных баранов, обладающих к тому же чугунными лбами. Бамберг гудел неожиданным для своей комплекции басом:

– Как смеете вы затевать стрельбу в центре густонаселенного города! От рикошетов могут пострадать ни в чём не повинные животные! Какое право...

– Я имею право! Я видел сон! Вы бы сдохли, если бы увидели такой сон! – визгливо заорал Гофмаршал и виртуозно выматерился по-хонтийски.

– Снотворное на ночь пить надо, осел, – прошипел Бамберг.

– Заткнитесь, кретин! Неужели не интересно? – гаркнул шеф.

Бамбергу, видимо, стало интересно. Он поперхнулся и замолчал.

11 мая 137 года. О сне Заборски и его последствиях

Гофмаршалу было видение. К голубой Земле из бездны Космоса тянулся бикфордов шнур в виде замысловатого росчерка: «Л.Рыбалкин». Затем по шнуру пробежала искра – и наша мирная планета разлетелась вдребезги.

Ясно, что психика бедного Заборски, двести лет жившего в ожидании десанта Странников, такого сна не вынесла и подвинулась необратимо. Гофмаршал потребовал от Мирового Совета санкций на проведение операции «Ирод», дабы изолировать потенциально опасных индивидуумов...

– И многих вы уже... того... изолировали от жизни? – желчно поинтересовался Бамберг.

– 22 человека. Точнее – нечеловека. Вот этой рукой, – гордо заявил шеф. – Осталось, включая грудных младенцев, еще 474...

– Ошибочка. 473, – поправил Бамберг. – Леопольда Рыбалкина вашей вонючей банде не вдать, как своих ушей без зеркала. Он внучатый племянник моей тещи, а я обожаю старушку. Кстати, – Бамберг нехорошо ухмыльнулся, – а что будет, если завтра вам приснится, будто Земле угрожают Иваны Ивановы?

– У меня бессрочная лицензия на отстрел врагов человечества! – взвизгнул Гофмаршал. – И их пособников, между прочим, тоже! А чтобы мне не морочили голову всякие старые бараны, свой новый охотничий сезон я открою вами, уважаемый!

– Я обжалую ваши действия в Мировом Совете! – завопил Бамберг. – Они могут иметь необратимые последствия для нежной психики домашних животных! Птички... Собачки... Ракопаучки... Экологический вредитель!..

Бамберг вылетел за дверь. Трясущимися руками Гофмаршал стал снаряжать обоймы. Только тут он заметил меня: «Ты прибыл? Прекрасно. Пойдешь со мной!»

Я подавил нервный зевок и потащился за шефом, полный самых мрачных предчувствий.

11 мая 137 года. Конец операции «Ирод»

Дом Бамберга был точной уменьшенной копией Собора Парижской Богоматери. На фронтоне красовалась надпись: «Сторожка Якоба».

Заборски саданул в дверь прикладом "кронпринца" и заорал:

– Леопольд, выходи!

Ответом ему было молчание.

– Выходи, подлый трус!.. – голос шефа сорвался на ультразвук.

Из окна донеслось:

– Живым я вам не сдамся!

– Дурашка, на кой ляд ты мне сдался ж и в ы м? – хихикнул Гофмаршал.

На крыше дома возник Мявкн-Кисч и издевательски промурлыкал:

– Ребята, давайте жить мир-р-р-рно!

Окончательно озверевший Заборски вскинул ствол и дал очередь по крыше. Мявкн исчез, а я спрятался за ближайшим углом, прикидывая, когда у старого идиота выйдут патроны.

Но все закончилось много быстрее. Мой шеф был хорош только при стрельбе из-под полы в упор. Новая очередь напрочь снесла голову одной из каменных химер, украшавших здание. Заборски не успел отскочить и рухнул с проломленным черепом.

Наступила тишина. А потом над притихшей улицей разнесся победный мяв хвостована.

Я подбежал к шефу. Гофмаршал был ещё жив. Пальцы его правой руки бессильно и упрямо скребли тротуар в миллиметре от спусковой скобы "кронпринца".

– Шеф, – позвал я.

– Стреляй вместо меня!.. – прошептал он коснеющим языком.

Я отшатнулся.

– Стреляй... – повторил он настойчиво.

И тогда я плюнул и пошёл отсыпаться.

Игорь ХАЛЫМБАДЖА

(Екатеринбург)

Попал в точку!

(Доклад Барабашки в родной 3091 год)

Дела мои здесь идут пока неважно. Исследуя быт обитателей конца XX века с помощью временной капсулы, я установил: жители этого маловразумительного периода истории сохранили со времён язычества множество странных обычаев. Порой излишне раздражаясь их бессмысленностью и нерациональностью, я в беспамьятстве ломаю и швыряю мелкие предметы домашнего обихода, за что приношу свои извинения секретарю Учёного совета, исколотавшему мне научную командировку в XX век. Сами местные обитатели только радуются этому и сбегаются с приветственными криками: «Барабашка!» В своё

оправдание опишу один из их нелепых обрядов. Так, они иногда твердят: попал в точку!

Я спервоначалу воображал, что это что-то из области спорта, из стрельбы пульками или стрелками. Даже позавидовал их меткости – я ни разу не смог попасть в обитателя местной каменной пещеры даже цветочной вазой. Удивляло меня, правда, одно: зачем тутошний обитатель, попадая в точку, несёт с собой «дань уважения». И только сегодня стало ясно, что «точка» – это некое весьма престижное у аборигенов место, где они отовариваются, так называемая «торговая точка». Так что, как видишь, мои исследования пока находятся на мёртвой точке.

Аркадий и Борис СТРУГАЦКИЕ
(Москва, Ленинград)

Бедные злые люди

Царь сидел голый. Как нищий дурак на базаре, он сидел, втянув синие пупырчатые ноги, прислонясь спиной к холодной стене. Он дрожал, не открывая глаз, и всё время прислушивался, но было тихо.

В полночь он проснулся от кошмара и сразу же понял, что ему конец. Кто-то хрипел и бился под дверью спальни, слышались шаги, позвякивание железа и пьяное бормотание дядюшки Бата, его высочества: «А ну,пусти... А ну, дай я... Да ломай её, стерву, чего там...» Мокрый от ледяного пота, он бесшумно скатился с постели, нырнул в потайной шкаф и, не помня себя, побежал по подземному коридору. Под босыми ногами хлюпало, шарахались крысы, но тогда он ничего не замечал и только сейчас, сидя у стены, вспомнил всё: и темноту, и осклизлые стены, и боль от удара головой об окованные двери храма, и свой невыносимо высокий визг.

Сюда им не войти, подумал он. Сюда никому не войти. Только если царь прикажет. А царь-то не прикажет... Он истерически хихикнул. Нет уж, царь не прикажет! Он осторожно разжмурился и увидел свои синие безволосые ноги с ободранными коленками. Жив ещё, подумал он. И б у д у жив, потому что сюда им не войти.

Всё в храме было синеватое от холодного света лампад – длинных светящихся трубок, протянутых под потолком. Посередине стоял на возвышении Бог, большой, тяжёлый, с блестящими мёртвыми глазами. Царь долго и тупо смотрел, пока Бога не заслонил вдруг плюгавый служака, совсем ещё соплик. Раскрыв рот и почёсываясь, он стоял и глазел на голого царя. Царь снова прикрыл глаза. Сволочь, подумал он, гадёныш вшивый, скрутить ублюдка – и собакам, чтобы жрали... Он сообразил, что не запомнил хама как следует, но служки уже не было. Сопливый такой, хлипкий... Ладно, вспомним. Всё вспомним, дядюшка Бат, ваше высочество. При отце небось сидел в

уголке, пил себе потихоньку да помалкивал, на глаза боялся попасть, знал, что царь Простяга подлого предательства твоего не забыл...

Велик был отец, с привычной завистью подумал царь. Будешь великим, если у тебя в советниках ангелы Божьи во плоти. Все знают, все их видели: лики страшные, белые, как молоко, а одежды такие, что не поймёшь, голые они или как... И стрелы у них были огненные, как бы молнии, кочевников отгоняли этими стрелами, и хотя метали в небо, половина орды покалечилась со страху. Дядюшка Бат, его высочество, шептал как-то, пьяно отрыгивая, что стрелы те метать может каждый, нужны лишь особые пращи, которые у ангелов есть и которые у них хорошо бы взять. А он ещё тогда сказал – тоже был пьяный, – что раз хорошо взять, то и надо взять, чего там... И вскоре после этого застольного разговора один ангел упал со стены в ров, поскользнулся, наверное. Рядом с ним во рву нашли дядюшкина телохранителя с дротиком между лопаток. Тёмное это было дело, тёмное... Хорошо, что народ ангелов никогда не жаловал, страшно было на них глядеть, хотя и не понять, почему страшно, – ангелы были люди приветливые, весёлые. Вот только глаза у них были страшные. Маленькие, блестящие, и всё бегают да бегают... нечеловеческие глаза, немирные. Так народ и промолчал, хотя и дал ему отец, царь Простяга, такую волю, что вспомнить стыдно... и то сказать, отец до Переворота, говорят, шорником был. За такие разговоры я потом самолично глаза вырывал и в уши зашивал. Но помню, сядет он, бывало, под вечер на пороге Хрустальной Башни, примется кожу кроить – смотреть приятно. А я рядом примощусь, прижмусь к его боку, тепло, уютно... Из комнат ангелы поют, тихо так, слаженно, отец им подтягивает – он их речь знал, – а вокруг просторно, никого нет... не то что сейчас, стражников на каждом углу понатыкано, а толку никакого...

Царь горестно всхлипнул. Да, отец хороший был, только слишком долго не помирал. Нельзя же так при живом сыне... Сын ведь тоже царь, сыну тоже хочется... А Простяга всё не стареет, мне уже за пятьдесят перевалило, а он всё на вид моложе меня... Ангелы, видно, за него Бога просили... За него просили, а за себя забыли. Второго, говорят, прижали в отцовской комнате, в руках у него было по праще, но биться он не стал, перед смертью, говорят, кинул обе пращи за окно, лопнули они синим огнём, и пыли не осталось... Жалко было пращей... А Простяга, говорят, плакал и упился тогда до полусмерти – первый раз за своё царствование – искал всё меня, рассказывают, любил меня, верил...

Царь подтянул колени к подбородку, обхватил ноги руками. Ну и что ж, что верил? Меру надо было знать, отречься, как другие делают... да и не знаю я ничего, и знать не желаю. Был только разговор с дядюшкой, с его высочеством. «Не стареет, – говорит, – Простяга». – «Да, – говорю, – а что поделаешь, ангелы за него просили». Дядюшка тогда осклабился, сволочь, и шепчет: «Ангелы, – говорит, – нынче песенки уже не здесь поют». А я возьми и ляпни: «Уж это верно, и на них управа нашлась,

не только на человеков». Дядюшка посмотрел на меня трезво и сразу ушёл... Я ведь ничего такого и не сказал... Простые слова, без умысла... А через неделю помер Простяга от сердечного удара. Ну и что? И пора ему было. Казался только молодым, а на самом деле за сто перешёл. Все погрём...

Царь встрепенулся и, прикрываясь, неловко поднялся на корточки. В храм вошёл верховный жрец Агар, служки вели его под руки. На царя он не взглянул, приблизился к Богу и склонился перед возвышением, длинный, горбатый, с грязно-белыми волосами до пояса. Царь злорадно подумал: «Конец тебе, ваше высочество, не успел, я тебе не Простяга, нынче же свои кишки жрать будешь, пьяная сволочь...» Агар проговорил густым голосом:

– Бог! Царь хочет говорить с тобой! Прости его и выслушай!

Стало тихо, никто не смел вздохнуть. Царь соображал: когда случился великий потоп и лопнула земля, Простяга просил Бога помочь, и Бог явился с неба комом огня в тот же вечер, и в ту же ночь земля закрылась, и не стало потопы. Значит, и сегодня так будет. Не успел дядюшка, ваше высочество, не успел! Никто тебе теперь не поможет...

Агар выпрямился. Служки, поддерживавшие его, отскочили и повернулись к Богу спиной, пряча головы руками. Царь увидел, как Агар протянул сложенные ладони и положил на грудь Бога. У Бога тотчас загорелись глаза. От страха царь стукнул зубами: глаза были большие и разные – один ядовито-зелёный, другой белый, яркий, как свет. Было слышно, как Бог задышал, тяжело, с потрескиванием, словно чахоточный. Агар попятился.

– Говори, – прошептал он. Ему, видно, тоже было не по себе.

Царь опустил на четвереньки и пополз к возвышению. Он не знал, что делать и как поступать. И он не знал, с чего начинать и говорить ли всю правду. Бог тяжело дышал, похрипывая грудью, а потом вдруг затаил тихонько и тоненько – жутко.

– Я сын Простяги, – с отчаянием сказал царь, уткнувшись лицом в холодный камень. – Простяга умер. Я прошу защиты от заговорщиков. Простяга совершал ошибки. Он не ведал, что делал. Я всё исправил: смирил народ, стал велик и недоступен, как ты, я собрал войско... А подлый Бат мешаешь мне начать завоевание мира... Он хочет убить меня! Помоги!

Он поднял голову. Бог, не мигая, глядел ему в лицо зелёным и белым. Бог молчал.

– Помоги... – повторил царь. – Помоги! Помоги! – Он вдруг подумал, что делает что-то не так и Бог равнодушен к нему, и совсем некстати вспомнил: ведь говорили, что отец его, царь Простяга, умер вовсе не от удара, а был убит здесь, в храме, когда убийцы вошли, никого не спросив. – Помоги! – отчаянно закричал он. – Я боюсь умереть сегодня! Помоги! Помоги!

Он скрючился на каменных плитах, кусая руки от нестерпимого ужаса. Разноглазый Бог хрипло дышал над его головой.

– Старая гадюка, – сказал Толя. Эрнст молчал.

На экране сквозь искры помех чёрным уродливым пятном расплылся человек, прижавшийся к полу.

– Когда я думаю, – снова заговорил Толя, – что, не будь его, Аллан и Дерек остались бы живы, мне хочется сделать что-то такое, чего я никогда не хотел делать.

Эрнст пожал плечами и отошёл к столу.

– И я всегда думаю, – продолжал Толя, – почему Дерек не стрелял? Он мог бы перебить всех...

– Он не мог, – сказал Эрнст.

– Почему не мог?

– Ты пробовал когда-нибудь стрелять в человека?

Толя сморщился, но ничего не сказал.

– В том-то и дело, – сказал Эрнст. – Попробуй хоть представить. Это почти так же противно.

Из репродуктора донесся жалобный вой. «ПОМОГИ ПОМОГИ Я БОЮСЬ ПОМОГИ...» – печатал автомат-переводчик.

– Бедные злые люди... – сказал Толя.

Сергей КОВЯКИН

(Таштагол Кемеровской обл.)

Пастор и мы, мутанты

Фантастическая притча

Он стоит у жутковидного, волосатого куста выродившейся сирени и сиротливо держится одной из слабых, старческих рук за отделившуюся ветвь. В другой судорожно зажат Крест. С ним Пастор не расстается ни тёмным днем, ни светлой опаляющей ночью. На Кресте – Распятый... Вроде он некогда приходил в прежний мир, дабы спасти его ценой смерти своей. И не спас.

Лик Распятого тоже человекоподобен. Как и сам Пастор. И стёрт губами прихожан. Так утверждает Пастор, и мне нет нужды не верить ему, он совсем не лжёт, а если и лжёт, как лгали себе сами же люди, то очень мало...

Пастор, как и мы, вылез из своего убежища. Обычно он прячется в самую середину куста-урода, когда наступает нестерпимая ультрафиолетовая и яркая ночь, убивающая всех замешкавшихся... Сейчас он беспомощно озирается при блеклом спасительном свете Милостивицы Луны: груды пепла, шлак и развалившиеся камни на месте Града... Но сколько там нор! И как много глупых и ненужных слов хранит моя лысая волчья голова...

Затем он переводит подслеповатый взгляд на безмятежный лик в третьей божественной фазе нашего Святила. Оно словно понимает, как нужен нам порой благословенный мрак и уменьшается благостно. А затем он, понуро встав на четвереньки, ну совсем как молодые щенки, скрывается в норе, ведущей под куст.

Куст, лишь опалённый дуновением неслышной и невидимой Смерти, стал страшен, опух и метаморфизировался, раздув и утолщив свои стебли так, что они, слившись, образовали прочный толстостенный шар узловатого сочленения, утратив Листву. Что такое Листва, я не представляю даже по рассказам Пастора. Куст привычно порос шипами и красным тонким волосом. Как почти все кусты в округе.

Есть слова и понятия, привычные с детства. Есть слова, что хранит Пастор, и в Стае не раз раздавались голоса съесть его, и дело с концом. Но я Вожак. Я сам съел самого рьяного из молодых. А уж потом, глядя, как стая облизывается после исчезнувших костей наглеца, раздробленных крепкими клыками и резцами соплеменников, объяснил: нас выходил Пастор! Моего прадеда, например, и прадедов многих других. В том числе и предка этого бестолкового, что пытался не раз заигрывать с одной из моих молоденьких и симпатичных, совсем почти без шерсти голокожих самок. Но я думаю, что у меня ещё хватит сил огулять не одну такую молоденькую и безволосую самочку Стаи. И между нами, самцами, это я делать люблю. Особенно после хорошей, полирующей кровь, драки насмерть. Сначала клык на клык и уж потом, потом, потом... За загривок её, дабы почувствовать под собой распластанное на земле тело. Они так верещат со страху, особенно в первый раз. Затем входят во вкус. И потом стареют и уступают место молоденьким и неопытным.

Но, кажется, я отвлёкся от Пастора... Есть слова, что хранит его старческий, впадающий в детство ум. Нам, Стае, они не нужны, но мне порой они очень интересны. Приятно всё-таки спорить с человеком, последним из динозавров... С уцелевшим, так сказать, осколком прежней цивилизации. Но ведь для этого надо иметь и его уровень архаического языка.

И что с того, что мы цивилизованные дикари особого рода-племени. Мы мыслим и говорим. К чему нам прежние Истины и Веры, чей Свет и погубил однажды мир.

Когда я сказал об этом Пастору – он плакал. Бедный... А его Крест я не лизал даже щенком, хотя он и порол меня за это. Будь там САМ ВОЛК, тогда другое дело. Тот Волк, наш предок, что выл тёмными днями на благостную Луну, наш предок, что оплакивал погрязшее в распутстве и похоти с металлом Человечество. Они там так опроституировались со своей Мировой ржавчиной, что однажды у них там всё проржавело насквозь, ибо сейчас наша Земля сплошь красна от железа. И однажды у них что-то там замкнуло, что-то там загорелось и пошло уничтожение Озона за считанные дни... А уж затем сожгло всё...

А может, и впрямь его убить... Но зачем? Щенки не бегают у него учиться. Их учит сама беспощадная жизнь, и, возможно, однажды она выучит такого, что сожрёт меня и будет огуливать мой гарем, и самки покорно станут лизать его половые органы. Они всегда лизут половые органы с и л ь н е й ш е г о. Но ведь это закономерность существования! Разве может быть по-иному? Пока что сильнейший в Стае – Я.

Прежние слова, прежние понятия... Прежние заблуждения, так бы я констатировал, всё то извращённое похабство, что называлось Промискуитетом человека с металлом. И те ублюдки из металла, пластика и конденсаторов, однажды порождённые их зловонной цивилизацией, и сожрали утончённо Озон. А Рыжий Убийца убил само Человечество. Туда ему и дорога...

Когда Пастор повествует о погрязшем в грехе Человечестве, я впрямь так и вижу, как они еженощно и ежедневно развратничают с металлом. Добывают Руду. Везут её. Плавят. Что-то из неё вытворяют такое, что пожирает человечков по частям.

А затем Оно и сожрало Молекулярный слой! Это так изысканно по-динозаврью, подобное самоубийство, что мне даже смешно...

А наш бедный предок Волк! Его травили, обкладывали флагами, стреляли с железного винтокрылого похабства свинцовыми катюшами из железных трубок, пользуясь силой Адского Пороха... Но он выжил, хотя и изменился, и его потомки Мы! Стая...

Я долго размышлял, почему они занимались таким утонченно-бесполезным развратом с чем попада, что, наконец, понял! Им просто не хватало самок!..

Ну да, самок рода человеческого. Вот они и воевали за них, самок, разного рода технологическими и технократическими уловками. Если бы они, как мы, дрались за право соития клыками, когтями, то такого бы... как говаривал порой и сам Пастор, не было бы. Когда я объяснил мою теорию, я не настаиваю, что она верна абсолютно, Пастору, он долго смеялся, затем задумался, а уж потом, скребя свою коричневую лысину, (ну совсем как у меня, может быть, поэтому я его и не трогаю), наконец, признался.

– Наверное, ты прав, Дружок! (Терпеть не могу этой клички, от неё так и несёт ренегатами-предателями, собаками, что лизали грязному человеку ноги, продавшись ему за миску чечевичной похлебки).

– А может, ты и прав, Дружок, – сказал он мне тогда. – Хороших женщин (вроде бы так и назывались самки рода человеческого) было удивительно мало во все времена... Чаще всего бляди и курвы, проститутки и нимфоманки, лесбиянки и гетеры и просто извращенки. Настоящих женщин в те времена было одна-две на тысячу, да какое там, на сто тысяч особей.

Я ему предложил (мне стало его жалко, он не знает, что такое обладать самкой) самую юную из третьего клана Грензс, пусть он её огуляет, пока

ещё не умер. Она сделает так, что родится щенок с его разумом и генетической памятью. И Я, Вождь Стаи, гарантирую ему, если не личное бессмертие, то видовое.

Он наотрез отказался, хотя я позднее и приводил её для показа ему. Пришлось самому заняться этим на обратном пути. Не отдавать же юную Леди безмозглым щенкам, когда у меня самого хватит сил на десяток таких Леди.

Он задумался, махнул рукой и думал два дня и две светлых ночи. Видно, я попал в первопричину истребления всего живого, первопричину зависти, жадности, пустоты и бесцельности ихнего бытия...

Наш мир привычен и прост, как бег таракана по развалинам, таракана величиной с локоть...

Ночью Солнце, Рыжий Убийца, безбоязно гуляет по небу, не боясь даже Святила-Луны! Но это его Дьявольский Срок, отведенный нам всем в назидание самим Провидением.

Затем приходит благословенный и прохладный День. Все живое – оживает. Распускается движущаяся плесень. Ползают большие тараканы, пожирая плесень. Змеи и крысы охотятся друг на друга, не брезгуя подвернувшейся Инсектой, а замешкавшихся крыс сжирают бетонные термиты... И никто никогда не ест Зелень Дерев и Кустов, ибо она, Зелень, – фиолетового, синего и пурпурного цвета – смертоносна и токсична. Мы же, Люпусы, охотимся на змей и крыс, но брезгуем Инсектой...

Мы Люпусы, а Люпус звучит гордо!

Иногда Милостивица Луна, наше Дневное Святило, озаряет и заливает своей божественной прохладой просторы беспредельной Красной планеты, что именуется нами для краткости – Шлак! А ведь некогда она носила смешное имя голубой Земли...

Мы, Стая, собираясь на холме в круг, поём хвалебные гимны Луне и нашему Волосатому Предку, внимая тайным и явным Знакам Судеб на лице Божества.

Я с удовольствием слышу, как вторит мне согласный хор моих самок, и выделяю из них голос Леди и её юной сестры, право на которую я завоевал на днях в жестоком бою... А затем я сойду в Священном Соитии с той, какую выберу, в центре круга, и остальные пары, смиренно дожидаясь своей очереди, будут лишь облизываться, глядя на нас в Священном Акте...

И всё-таки мне жаль его, Пастора! Он был добр к нам. Он заслужил свой кусок крысиного мяса, что каждое утро находит у входа в свою Нору.

И сейчас я знаю, что в следующий раз, завидя его, понуро стоящего у совсем обычного Куста в жёлтых и серебряных лучах, Я, как всегда, подниму в приветствии пятипалую когтистую лапу, ведь мне, как всем молодым волкам из рода Люпусов, совсем не так трудно бежать на нижних лапах...

Средство от радикулита

Вовочка Щербачев поставил точку и хотел встать. И почувствовал острейшую пронзительную боль. Господи, неужто позвоночник треснул? Вызванный напуганной супругой врач успокоил: обычный радикулит...

Но радикулит попался не совсем обычный. Ни компрессы, ни втирания, ни мази облегчения не приносили.

Болезни не самое интересное в нашей жизни, тем не менее, Вовочка поспешил всем поведать о своих бедах. Первым надоело его слушать Роману Бабочкину.

– Щербачев! Я тебя спасу! Знаю одну старушеницу – настоящая ведьма! Травы знает всякие, настойки настаивает. Покойника на ноги поставит. Хочешь, адресок дам?

После посещения знахарки Щербачев стал передвигаться легко и свободно. В его походке появилось даже нечто звериное, вкрадчивое. Только Вовочка почему-то перестал здороваться со старыми друзьями.

Как-то вечером Бабочкин заглянул к Щербачеву. Тот лежал на диване с затрёпанной книжкой из серии «Библиотека советской фантастики».

– Вов! Пошли в баньку! Я пивка припас!

Лицо Щербачева странно исказилось.

– Вали туда со своей чёртовой бабкой! И не забудь зельем натереться!

Он вскочил с дивана, отшвырнув одеяльце. Спина его клубилась густыми зарослями шерсти... И, ей-Богу, собственными глазами видел: в левой штанине Вовочки дыбился хвост!.. Да, именно хвост... Ведь мазь у бабки вызывает регенерацию! Рома это знал отлично. Ведь именно с её помощью он отрастил себе новенькие великолепные зубы...

Януш А. ЗАЙДЕЛЬ

(Польша)

Переход через зеркало

– Посмотри, – сказал Рэй, движением головы указывая куда-то перед собой.

Мы сидели на высоких сиденьях за стойкой бара. Перед нами бегущей вдоль стены узкой полкой, на которой стояли наши чашки с кофе, сверкала местами грязноватая гладь зеркала. Я подумал, что Рэй показывает мне в этом зеркале кого-то, кто только что вошёл в кафе, оглянулся, но внутри помещения не происходило ничего особенного. Я вопросительно посмотрел на товарища. Он отрицательно покачал головой и снова показал на зеркало.

– У тебя никогда не было желания очутиться там? – спросил он, постукая пальцем по стеклу.

Я не понял.

– Где: там?

– Там, по ту сторону. В мире перевёрнутых надписей, винтов левого хода и часов, идущих в противоположную сторону.

Только теперь я понял, что он говорит о том симметричном по отношению к нашему «мире», отделённом от нас плоскостью зеркальной глади.

– В общем-то, нет, – сказал я, – хотя помню, что в детстве пробовал как-то заглянуть за большое стоячее зеркало. Но я разочаровался: там был только лист грязной фанеры, немного пыли и паутина... Ещё я нашёл там старый, забытый теннисный мячик.

– И всё-таки... – Рэй всматривался в своё отражение в зеркале. – Меня с детства всегда очень удивляли зеркала. Например, я обнаружил, что в каждом зеркальце, даже самом маленьком, можно увидеть весь мир! Не только то, что находится непосредственно перед зеркалом, не маленький участок, а всё; даже то, что лежит за краем поверхности, тоже можно увидеть, если посмотреть под соответствующим углом. Конечно, я не знал тогда правил отражения света, и потому этот феномен был мне непонятен... Этот зеркальный мир начал для меня существовать на самом деле! Он существовал независимо от нашего «настоящего», хотя, – по крайней мере, пока на него смотрели, – тщательно его копировал.

Помню, я создал тогда собственную теорию зеркального мира. Выглядела она следующим образом: мир за зеркалом можно увидеть в любом, даже самом крошечном кусочке зеркальной глади. Может быть, каждое зеркало, если сумеет к нему подойти, могло бы стать «входом» в тот мир. Человек смог бы проскользнуть туда, конечно, только через большое стенное зеркало. Но мышь, например, могла перейти через карманное, а майский жук – даже через маленькое зеркальце дантиста.

По моей теории, мир за зеркалом подражал нашему только тогда, когда за ним кто-нибудь наблюдал. Однако поскольку у людей очень много зеркал, то практически в любую минуту кто-нибудь следит за «той стороной», вынуждая её постоянно нас копировать. Сколько часов я провёл перед зеркалом, исподлобья наблюдая за своим зеркальным двойником в надежде, что он, наконец, хотя бы на минуту, зазевается и не сможет повторить одно из моих движений... Я закрывал глаза и долго сидел так, а затем неожиданно открывал их, думая, что тот не в состоянии будет предугадать минуту, когда он должен будет проделать то же самое. Мои неудачи в экспериментах с зеркалами не оттолкнули меня всё-таки от исследования мира по нашу сторону зеркала: я стал физиком.

Рэй прикрыл глаза, а через минуту открыл их и улыбнулся своему зеркальному отражению.

– Бдительный, бестия! – сказал он

– Не печалься, может быть, когда-нибудь тебе удастся захватить его врасплох, – сказал я, спускаясь с высокого сиденья. – Ну что, пойдём?

– Пойдём, – сказал он, не переставая вглядываться в зеркало. – Когда на лекциях по теоретической физики я встретился с вопросами зеркальной симметрии и принципом чётности в мире элементарных

частиц, то обнаружил, что во мне ещё дремлет та навязчивая детская идея о зеркалах. Теперь-то я знаю, что путь в тот мир не проходит через зеркальную поверхность... Но где же он тогда проходит?

Он посмотрел на меня, как будто не шутил, а говорил о реальной физической проблеме. Я пожал плечами.

– Не задумывался над этим, – сказал я, подлаживаясь под его серьёзный тон. – Я теперь по уши завяз в проблемах антиматерии...

– Вот именно! – подхватил он. – Ведь это уже совсем близко к той стороне...

– Я не майский жук! – сказал я. – А моё зеркало слишком мало, кусочек какой-то... Пока что мы получаем лишь единичные антиатомы.

– Ошибка в методике, – буркнул Рэй. – Не нужно создавать антимир. Он и так существует, независимо от того... смотрим мы в зеркало или нет...

– ...и подражает нашему миру? – добавил я иронично.

Рэй задумался. Мы медленно шли по направлению к его дому.

– Послушай! – сказал он, вдруг остановившись. – Ты, наверное, знаешь такую простую, наглядную модель замкнутой Вселенной в виде надутого воздушного шарика? Бесконечно тонкая оболочка – это двухмерный мир. Постоянно растущий радиус шарика представляет третье измерение, то есть течение времени в этой Вселенной. Двухмерные существа и предметы этой Вселенной сидят на ней как «чашечки» на желудях, плотно прижатые к её кривизне.

Поскольку «оболочка шарика» – это всего лишь математическая абстракция, то из-за отсутствия предметов такая Вселенная существует только лишь как идея, а не является чем-то материальным.

Материя своим собственным искривлением очерчивает эту Вселенную, как бы делая возможным её существование. Кривизна или же «выпуклость» материи определяет радиус кривизны Вселенной! Отсюда вытекает, что степень искривления предмета определяет его принадлежность к определённому моменту времени! Одинаково искривлённые предметы принадлежат одному времени и лежат на одной и той же сфере...

– Понимаю, – сказал я. – Значит, чтобы перемещаться во времени нужно изменять свой радиус кривизны?

– Да. Уменьшая своё искривление, можно передвигаться в будущее, и наоборот... Но я хотел сказать не о путешествиях во времени. Таким способом вряд ли удастся это сделать... Вернёмся лучше к нашим зеркалам. Как ты думаешь, где в этой модели, о которой я говорил, найдётся место для «зеркального мира»?

– Н-ну... задумался я. – Разве что ещё один шар, касающийся первого?

– Bravo! Касающийся шар, – обрадовался Рэй. – Ты прекрасно уловил суть. Как житель поверхности шарика ты будешь иметь вид маленькой сферической чашечки. Если теперь приложить к тебе в любом месте зеркальную поверхность, то ты увидишь обитателя зеркального мира, соприкасающегося с тобой в одной точке. Что ты сделаешь, желудёвая чашечка, чтобы стать им

самим? Сползёшь со своего шарика и повернёшься на сто восемьдесят градусов! Но этот оборот ты должен будешь сделать в третьем измерении, которого ты вообще не знаешь и не ощущаешь, потому что из-за огромных размеров твоей шарообразной вселенной ты сам являешься почти совершенным (хотя и не совсем) плоским кружком! Теперь добавь ко всему этому ещё одно пространственное измерение, и ты станешь тем, что есть на самом деле – трёхмерным существом, и повтори все рассуждения!

Чтобы перейти через зеркало, ты должен совершить оборот в червёртом измерении, которым является время. Достаточно лишь повернуться во времени... и ты там!

– Ну, так чего же мы ещё ждём?! – вскричал я, желая остроумно покончить с этой разыгравшейся фантазией моего приятеля.

– Подожди! – Рэй оставался серьёзным. – Ты не заметил одной детали! Твой двойник из зеркала – левша! А ты, сделав переворот во времени, не изменишь своего строения! Останешься правой. И в мире за зеркалом будешь чужаком!

Разговаривая, мы очутились перед домом, в котором жил Рэй. Я начал прощаться с ним, но он задержал мою ладонь в своей руке.

– Идём, – сказал он, увлекая меня за собой на лестницу. – Проведём эксперимент.

– Какой эксперимент? – удивился я.

– Оборот во времени, – сказал он, открывая двери и пропуская меня в квартиру.

В середине комнаты, на большом округлом постаменте, стояло что-то в виде бочки из прозрачной зеленоватой глазури. Вокруг были расположены ртутные лампы с рефлекторами, направленными на этот странный предмет.

– Этот кристалл, – сказал Рэй, – нечто вроде лазера. Конечно, в переносном значении. Он накапливает волновую энергию, а под действием внешнего импульса освобождает весь собранный её запас и передаёт его объекту, помещённому внутри кристалла. Когда я стану в середину, нажмёшь эту кнопку.

Рэй подал мне маленькую коробочку, соединённую кабелем с основанием кристалла. Я смотрел на него, ожидая объяснения. Он выглядел серьёзным и торжественным, но молчал.

– Мой дорогой, – сказал я, попятившись к выходу, – мне в самом деле некогда. Я опоздаю на ужин!

Он стал, преграждая мне путь к двери. Затем повернул в замке ключ и положил его в карман.

– Ты никуда не пойдёшь, – сказал он решительно. – Мне нужен помощник. Это продлится недолго.

– Прекрасно! – буркнул я, пожимая плечами. – Веселиться – так веселиться! Но только поспеши!

Рэй раздвинул кристалл на две половинки – я и не заметил прежде, что он был разрезан. Потом Рэй вошёл во внутреннюю полость и свёл обе части вместе. И кивнул мне головой, чтобы я начинал.

Стены кристалла сильно флюоресцировали. Я нажал на кнопку. Кристалл вдруг побледнел, словно угас, становясь совершенно бесцветным, как простое стекло. Через минуту, видимо, под действием цвета ламп, начал снова медленно озаряться.

Рэй раздвинул половинки кристалла и спрыгнул на пол.

– Кончен бал? – спросил я.

– Гм... а то я знаю? Что, собственно, произошло?

– Скорее, ничего. Только кристалл померк. Сколько времени?

Рэй посмотрел на сгиб правой руки.

– Почти восемь, – сказал он.

– Тогда давай ключ, я уже должен идти.

Рэй машинально залез в левый карман брюк и подал мне ключ.

– Подожди ещё минутку. Попробуем ещё раз!

Я согласился при условии, что это будет последняя попытка.. Всё повторилось точно так же. Рэй вышел из своей «машины», мрачный уселся на диван и молча уставился в пол. Я стоял, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

– Иди, иди! – буркнул он, отворачивая левую манжету. – Десять минут девятого! Ещё успеешь на свой ужин!

У него был такой подавленный вид, что мне даже стало его жаль. Неужели он, физик, действительно верил в возможность успеха этого странного эксперимента, смахивающего на магический обряд?

Чтобы разрядить его плохое настроение, я присел рядом и весело сказал, словно продолжая наши недавние размышления:

– Послушай, старик! Если – согласно твоей детской теории – мир за зеркалом постоянно копирует наш мир, то одновременно с твоим переходом туда твой зеркальный близнец должен сделать то же самое, то есть... перейти сюда, в наш мир. Тогда из твоих умозаключений вытекает, что сердце у него будет с правой стороны, а печень – с левой...

Рэй решительно встал с дивана и подошёл к своей странной установке.

– Глупости говоришь! – буркнул он, затем схватил тяжёлый табурет и трахнул им по кристаллу. Одна из стекловидных половинок зашаталась, рухнула и, ударившись об пол, рассыпалась на множество осколков.

– К чёрту! – выругался он. – Правы те, кто говорит, что физик-теоретик – это тот, кому лень ставить опыты!

– Ну, я пойду, – сказал я, – а то и мне достанется!

Я махнул ему рукой и вышел в переднюю. Там мне долго не удавалось всунуть ключ в скважину замка.

– Рэй! – позвал я. – Иди сюда, открой эту дверь, а то я что-то не могу.

Он подошёл, забрал у меня ключ, и теперь ему пришлось долго биться с замком. Потом он тщательно осмотрел ключ и скважину замка. Выпрямился и как-то странно посмотрел на меня.

Я тоже заглянул в скважину, затем оглядел ключ...

– Чёрт возьми! – сказал я. – Вот тебе и на...

Профиль замочной скважины был точным зеркальным отражением прорезей на ключе. Не удивительно, что они не подходили друг другу...

Перевёл с польского Владимир БОРИСОВ (Абакан)

Игорь КОРШИКОВ

(Абакан)

То, что создал ты

Он лежал на больничной койке и, казалось, чувствовал, как время отмеряет свой бег. Далёкое прошлое манило его своими благоухающими красками, там осталось его крепкое здоровье, радостная жизнь, наполненная творческими планами и надеждами. Будущее представало перед его мысленным взором в самых мрачных тонах.

Пружины кровати скрипнули, когда он перевернулся на бок. Никонов стиснул зубы, захлёбываясь от злости, что нахлынула на него, словно морская волна на пустынный берег.

– Скоро всё будет кончено, – проговорил он вслух, и слёзы выступили у него на глазах.

Никонов закрыл глаза, и отдельные картины прошлого быстро пронеслись перед ним.

«Жаль, что ничего нельзя вернуть», – подумал Никонов и услышал шум, похожий на шорох ветра в листве деревьев.

Открыв глаза, он увидел стоящего около кровати коренастого блондина в светлом костюме.

– Ты узнал меня, Никонов? – спросил блондин тихо и улыбнулся.

«Нет... – подумал Никонов. – Этого не может быть. Кажется, я схожу с ума. Нужно позвать доктора».

Однако он никого не позвал.

– Престон. – Это имя невольно слетело с уст Никонова.

– Конечно. Тот самый Престон. Из твоего последнего детектива.

– Нет. Это невозможно. У меня галлюцинации. Тебя нет. Тебя просто-напросто нет. Ты можешь существовать лишь на книжных страницах.

– Да неужели? – Престон усмехнулся. – Ты ошибаешься, Никонов. Ты сам меня создал, и я стою перед тобой лишь благодаря силе твоего таланта. Поначалу ты сделал меня удивительно добрым и честным. У меня была замечательная семья и своя бензоколонка в Чикаго. Потом... Потом передумал и превратил в профессионального гангстера, в этакого хладнокровного малого, спокойно убивающего свою жертву. Ты сделал меня другим, хотя мне по душе мой первый облик.

– Я позову доктора...

– Зачем? Разве ты не хочешь поговорить со своим героем?

– Это невозможно.

– Ну, ладно. Не пиши. Я бы с удовольствием пустил тебе пулю в лоб. Только вот зачем? Это очень быстро. Бац! И нет твоего таланта. Бац! И ты, Никонов, не напишешь больше ни одной книжки. Нет. Я так не поступлю, Никонов. Тебя убьёт болезнь. Сперва она выжмет из тебя все силы, хохоча над твоей беспомощностью. Потом...

– Меня вылечат, – прошептал Никонов.

– Нет, Никонов. Тебя не вылечат. И ты это прекрасно знаешь.

Из груди Никонова вырвался тихий, хриплый крик.

– Ты это знаешь, – продолжал Престон. – Ты лишь пытаешься отдалить свой конец. Но конец придёт. Ты будешь трепыхаться на этой койке словно рыба, выброшенная на берег.

– Почему ты такой злой? Я не верю в твоё существование. Уходи. Слышишь? Уходи! Я не хочу тебя видеть потому, что ты злой. Потому, что тебя нет, – Никонов тяжело вздохнул.

– Почему я такой злой? – переспросил блондин. – Да потому, что я снова хочу иметь то, что ты у меня отнял.

Вновь послышался знакомый шум, и рядом с блондином появились двое высоких парней в штатском. Они проделали ряд ловких, быстрых движений, и на руках у блондина блеснули наручники. Тотчас они исчезли.

– Просто бред какой-то, – произнёс Никонов.

Вскоре появилась симпатичная брюнетка. Она села на краешек кровати, ласково глядя на Никонова.

– Здравствуй, Альберт, – сказала она.

– Наталья?! Не может быть.

– А помнишь, как, творя, в тот последний вечер ты называл меня? – Она улыбнулась. – Натали. – И повторила, смакуя это слово: – Натали.

Она ещё что-то говорила, но Никонов её не слушал. Он тупо глядел на белый потолок, с горечью сознавая, что больше ничего не напишет. Он не заметил, как исчезла Натали и как появились люди в белых халатах; в руках они держали носилки.

– Мы из твоего фантастического романа «Утопия-2001», – сказал один из них. – Медицина этого века, к сожалению, пока бессильна против этой болезни. В этом времени тебе от неё не спастись. Но мы перенесёмся с тобой в «Утопию-2001». Там тебя спасут. Ты вернёшься сюда совершенно здоровым.

– Это похоже на сон, – проговорил Никонов.

– Ты же фантаст! Поверь, наконец, в наше существование. Твой талант, не признанный, правда, пока талант создал множество миров. Они существуют, существуют в другом пространстве и времени. Ты увидишь «Утопию-2001». Ты увидишь то, что когда-то изобразил на бумаге. Всё это существует, Альберт. Ты должен бы был умереть через несколько дней...

Никонов представил:

Никонов Альберт Филиппович
1968–1998 г.

– ...Но тебя спасёт то, что ты когда-то создал.

Они положили Никонова на носилки и исчезли вместе с ним.

Он лежал на больничной койке здоровый, полный сил и надежд. Мрачное, пугающее смертью прошлое, стуча колёсами времени, отдалялось от него всё дальше и дальше.

Пружины кровати скрипнули, когда он встал. Никонов засмеялся.

Дверь распахнулась, и в её проёме показался доктор.

– Доктор, я здоров, как бык, – промолвил Никонов.

Некоторое время спустя, когда Никонов шёл по улице, на него налетел грузовик; за рулём сидел блондин в светлом костюме. Приподняв голову, он заметил усмешку Престона и провалился во тьму.

Двое людей в белых халатах положили Никонова на носилки и исчезли вместе с ним.

Он вновь лежал на больничной койке здоровый, полный сил и надежд.

Рисунок Веры Петуховой (Саяногорск)

Игорь ХАЛЫМБАДЖА
(Екатеринбург)

Зеркало

Навестить прихворнувшего Еропкина поручили Алмазову. Он с трудом отыскал нужную квартиру по адресу, взятому в отделе кадров, и, прижимая к животу кулёк с яблоками, купленными на рынке, позвонил. Дверь тотчас отворилась. Дама средних лет в цветастом халатике ощупала Алмазова строгим взглядом.

– К Еропкину? Два коротких! – и захлопнула дверь. Пришлось исправляться. Комната Еропкина, длинная, как школьный урок, вмещала старую железную кровать, столик и табурет. На столе – холостяцкий натюрморт – немый стакан, тарелка с окурками, трéпанный томик детектива без обложки.

– Зашёл взглянуть, как живёшь...

– Гляди, – согласился Еропкин. – Может, чаю? – и, не дожидаясь ответа, он добыл из-под кровати закопчённый чайник и отправился с ним на кухню. Алмазов прошёлся по комнате. Обои заменяли старые газеты. Но читать их было неподручно, так как Еропкин наклеил их в основном вверх ногами... На стене около гвоздя, исполняющего обязанности вешалки, висело овальное зеркальце в толстой металлической раме, занавешенное почему-то синей тряпицей.

«Ну, Еропкин! Уж и поглядеть на себя не желает!» – подивился Алмазов и слегка отогнул тряпку. И оторопел. Из стеклянной глубины на него тарачился очень худой мужчина с плоским тазиком на голове.

В коридоре слышались шаги и ворчание Еропкина, и Алмазов, изготовившись к чаепитию, занял позицию на табурете, оставив хозяину кровать.

Чай был жидкий и несладкий.

– Ну и квартирка у тебя, Еропкин! Семьёй бы тебе обзавестись...

– Без любви не могу! – отозвался Еропкин.

– Неужели никто до сих пор не приглянулся? Не поверю.

– Было. Нравились мне одна, – сознался Еропкин. – А взглянул повнимательнее, – тут Еропкин кинул быстрый взгляд на завешенное тряпкой зеркало, – оказалась она по полным ничтожеством.

– Зря ты так, Еропкин. Ведь ошибиться-то легко...

– Я-то могу, конечно, ошибиться, а вот оно, – он снова поглядел на зеркало, – оно всегда правду скажет.

– Ну, ты даёшь, Еропкин! Я тут взглянул невзначай. И вместо себя в зеркале мужика тощего с тазиком на голове увидел. А я, сам видишь, в теле и на голове обычно шляпу ношу.

– Всё донкихотствуешь, Пал Пальч. Вот и видится тебе. А с ней... Если бы хоть уродина какая привиделась. А то ведь НИЧЕГО! Пустота... Аж жуть. А ведь это – Зеркало Души. Меня один друг просил дома подержать. Хотел спутников себе подобрать в какой-то поход. Да так и не воспользовался по какой-то причине. А я решил: пусть висит, есть не просит.

Алмазов осторожно подобрался к зеркалу, отвернул тряпицу. На него уныло пялился давешний худющий тип. И больше в комнате не было никого. Ни души... Хотя... на кровати, в натуре занятой Еропкиным, громоздился старый облезлый арифмометр.

Вторжение колменов

Адмирал окинул своим одиноким глазом почтительно замерших офицеров Императорского Флота и крутанул глобус. Затем резким движением остановил его, зафиксировав точку.

– Именно здесь мы высадимся, чтобы очистить жизненное пространство этой планеты для благородных колменов!

И несокрушимый колменский флот устремился к планете. Свои корабли колмены строили из металлического гелия, солнечного металла, не поддающегося ни коррозии, ни воздействию кислотных и щелочных снарядов, которыми обычно засыпали глупые жители бесчисленных, ныне «очищенных» планет.

Под покровом ночи флот опустил на безлюдное плато, и колмены разбили лагерь под защитой корабельных орудий. Настало утро. Температура опасно росла. И первые жаркие лучи местного Солнца высветили картину ужасающего разгрома! Аборигены, так и не показавшиеся, сумели каким-то образом на расстоянии уничтожить грозный колменский флот! Все крейсера словно растаяли! Пока Адмирал и его соратники взирали на жалкие остатки Армады, из чащи вынырнули огромные серые чудища и набросились на беззащитных растерянных завоевателей. Одно из самых крупных и лохматых погналось за самим Адмиралом.

Задыхаясь, сбросив где-то мешавший на бегу мундир, нёсся Адмирал по чужой планете, делая огромные прыжки... Лес поредел, впереди показались какие-то высоченные строения. Изнемогающий Адмирал забежал за одно из них и грохнулся без сил.

– Ба! Ещё один одноглазый кролик! – поразился Сидоров, отпихивая ногой возбуждённую собаку, примчавшуюся следом. Он поднял Адмирала за длинные уши и сунул в клетку. Там уже томилась пара его соотечественников.

В воскресенье Сидоров отнёс Адмирала на рынок, где и уступил по сходной цене. Дальнейшая судьба Великого Флотоводца неизвестна. Не исключено, что он всё ещё томится в клетке, если, разумеется, стал вегетарианцем и научился есть морковку. Но возможны и другие варианты...

Сквозь века

– Три, два, один... Старт! – сказал себе Гена и включил аппарат.

Экран голубовато засветился, появилось изображение: на бирюзового цвета скамейке сидела парочка, ржавый робот уныло сметал с дорожки опавшие листья.

– Машина – друг человека! – назидательно молвил в микрофон Гена. – Если за ней не ухаживать, долго не протянет!..

Парень взглянул в его сторону.

– Опять предок! Понаделали хроновизоров и воображают, что во всём разбираются!

Он поднял с земли средних размеров булыжник.

Гена поспешно переключился на вторую программу.

Последняя тарелка

Светило по-весеннему яркое солнце, щедро одаривая ласковыми лучами мокрый и холодный асфальт городских улиц. На остановках стояли люди и, улыбаясь, подставляли свои лица солнцу. С нетерпением ожидая свой автобус, я вынул сигарету, закурил. В этот момент краем глаза увидел, как открылась дверь магазина и появился мой знакомый. Крутнув головой, заметил вдалеке свой автобус и, махнув на него рукой, нагнал Виктора.

– Привет! – поздоровался я.

– Привет, – несколько удивлённо ответил он. Мы остановились и разговорились. Из разговора я узнал, что он опять занимается каким-то радиомонтажом.

– Так, значит, опять изобретаешь? – постарался пошутить я.

– Вроде этого. Хочешь взглянуть? – спросил Виктор.

– С удовольствием, – ответил я, и мы отправились к нему домой.

– Раздевайся, проходи, – сказал Виктор. – Я один, Наталья ещё с работы не пришла. Чай будешь? – уже с кухни спросил он.

– Спасибо, если можно, кофе, – полушутя ответил я, прислоняясь к кухонному дверному косяку. Заметив в мойке грязную посуду, я улыбнулся. Это стало уже привычкой Виктора, за что он нещадно получал нагоняй от своей жены.

Наконец мы уселись, и он начал с увлечением рассказывать. Забыв про свой кофе, я слушал Виктора.

– Понимаешь, всё живое оставляет свой энергетический след в пространстве, – начал он. Затем встал и подошёл к шкафу, достал оттуда, как мне показалось, компьютер с монитором, на котором крепилась антенна странной конфигурации. – С помощью этого энергоуловителя можно определить, кто находился в определённом месте, найдя идентичность энергоузора, который присущ одному, скажем, человеку.

– Это получается, сколько людей, столько и энергоузоров? – спросил я. Виктор кивнул утвердительно. – Ты – второй Уильям Хершел [английский чиновник, который в 1877 году предложил снимать отпечатки пальцев для идентификации личности. – *Прим. Автора*]. – заключил я.

– Теперь остаётся сделать монтаж защитного экрана, – продолжил он.

– А защитный экран какую роль играет? – поинтересовался я.

– Видишь ли, в энергоузор любого человека вплетается положительная и отрицательная энергия. И защитный экран играет роль фильтра от отрицательной энергии, – объяснил Виктор.

Мягко щёлкнув, отворилась входная дверь. Это пришла Наталья. Виктор, взглянув на меня, стал быстро подключать энергоуловитель. Я вопросительно посмотрел на него.

– Сейчас мы измерим величину отрицательной энергии Наташи, – пояснил он. И стал настраивать аппарат... – Смотри, – сказал Виктор, и на экране высветились тонкие и мутные линии, тут же вспыхнул световой индикатор. Красная полоска начала увеличиваться. – Поднеси руку к экрану, – попросил он.

Я протянул руку и почувствовал лёгкое пощипывание на ладони. Наташа прошла на кухню, что-то говорила, но мы не обращали внимания. Пододвинув стул к столу, Виктор сел за энергоуловитель, ловко пробежав пальцами по клавиатуре.

– Я хожу после работы по магазинам, – услышал я обрывок Наташиной фразы. – А ты не можешь помыть за собой посуду, – уже в дверях комнаты сказала она. – Когда будет, наконец, твоя последняя тарелка? – уже кричала Наташа, идя к письменному столу, на котором работал энергоуловитель.

Лицо Виктора исказилось, будто его поразило электрическим током. И голова упала на грудь. Всё так быстро произошло, что я не успел ничего сообразить. Только какая-то сила подтолкнула меня к розетке, и я выдернул штепсель. Но было поздно. Это была последняя грязная тарелка в жизни Виктора.

Игорь ХАЛЫМБАДЖА

(Екатеринбург)

Жизнь подскажет

Впервые Б.Р.Кратов затруднился: он-то продолжал ощущать свою значимость, а вот остальные...

Может, жизнь подскажет? – решил он. Слышал, что на Главном, 13, она каждый день многим подсказывает, и удачно. На Главном его встретил сам директор Кукин, выслушал и проводил в глухую комнатку, обитую вишнёвой пупырчатой тканью. «Говорите вот сюда», – показал на микрофон и деликатно вышел.

Б.Р.Кратов прокашлялся и сказал внушительно:

– Я вас слушаю.

– Это я вас слушаю! – раздалось отовсюду.

– Я... ответственный работник...

– Ответственный – за что?

– Как за что? За всё! И я чувствую по-прежнему ответственность, а вот другие...

– С вас не спрашивают ЗА...

– Нет, меня перестали спрашивать О... Надеюсь, Жизнь подскажет...

– Идите и трудитесь...

Осерчавший Б.Р.Кратов выкатился наружу. Оглянулся на дверь. ЖИЗН – Жаровский Институт Знания Настоящего... А где же мягкий знак? – удивился Б.Р.Кратов. Его осенило:

– Мягкости им не хватает!

СЮРСНЫ

сюрсны-1

Сон первый

И годы прошли – лавиной! У кубического гранитного постамента редко теперь объявлялись люди. Порой они приходили с знойного, палящего Севера или ледяного, пронизываемого шквальными ветрами Юга.

Кто с содроганием, кто с усмешкой смотрел на жутковатый памятник Старых Времён.

А матовая белизна огромных костей из прочного неведомого материала, казалось, равнодушно изгаляется над всем и всеми.

С одинаковым радушием равнодушно встречая и людей, и шакалов пустыни, Скелет в той же издевательско-небрежной позе, водрузив локоть на колено, указывал костлявой ладонью в сторону, опустив фаланги пальцев другой в землю. Люди боязливо всматривались в ту сторону и разбредались куда угодно, но только не туда.

И миновали столетия. Казалось, древняя шутка затянулась. Череп скалил по-прежнему целые зубы, ветры песчаных бурь изрядно изъязвили и полированный некогда гранит, и кости скелета. Но по-прежнему он показывал ладонью в ту сторону.

Так продолжалось до года Крысы. У подножия ослепительной гримасы смерти появился чужак с бластером, в металле одежд астра. Чужак посидел рядом со скелетом, выпил воды из фляжки-термоса, погрыз горькой питательной галеты в вакуум-упаковке и сделал из станиоля колечко на мизинец стопы Скелету смерти.

А отдохнув, зашагал в ту сторону, куда указывал скелет, где среди стены гор чернел провал ущелья. Хотя и сюда, к граниту и костям, путь был весьма долог и тяжёл. Через три дня чужак вернулся. Выглядел он ещё более утомлённым, глаза словно ввалились. Да и шагал не так уверенно. Отдыхать на сей раз не стал, даже не замедлил шага.

Лишь вскинул грозное оружие космического десанта, и лиловая беззвучная вспышка разорвала пустоту промозглой пустыни, и мёрзлыми костяными льдинками рассыпались белые осколки Безглазой Смерти.

А человек в одежде астра уходил всё дальше и дальше, и стылый ветер залиывал, крадучись по его пятам, ровные отпечатки следов на холодной корке песка.

сюрсны-2

Череп

– Хьюрх... хьюрх... хьюрх...

Двое, мужчина и женщина, заблудились в костяном лабиринте, и их напряжённому слуху доносится еле уловимо то ли эхо шагов, то ли

издевательский, шелестящий смех слабоумного, бредущего за ними по пятам.

Им жутко. Где-то рядом с лабиринтом угадывается огромнейшая, резонирующая пустота, в которой и посвистывает осторожно еле различимое эхо.

Наконец, пещера, непомерно расширившись, выпускает пленников на свет божий. Свобода!

Но Бог мой, что это?

Они стоят в огромной пустоте глазницы гигантского черепа, полузанесённого лёссовой пылью, и с высоты девятиэтажного дома их обезумевшему взгляду открывается бесконечная плоскость серых выглаженных ветром песчаных дюн под белесым, сосущим душу небом.

– Хьюрхь... Хьюрью... Хьюрхь...

сюрсны-3

Отражение

И, обняв худенькие, цыплячьи плечики миленькой проститутки, глядя в радостном изумлении на звёздное великолепие ночного неба над притихшим и молчаливым городом, где космические искры мерцают в неизменном узоре словно заиндевшего рисунка, от мороза вечности на бесконечном стекле пространства и времени, я в упоении закричал:

– Смотри! Не будет нас, но миллионы и миллионы лет будет лететь от нас отражённый свет в прекрасную и нескончаемую пустоту.

Словно я предчувствовал – мы всего лишь злое, искажённое отражение картины будущего.

Вольные и свободные юноша и девушка на высоком холме, над древними развалинами города, и звёздное небо любитесь ими.

Игорь ХАЛЫМБАДЖА

(Екатеринбург)

Живой звук

Новая квартира не радовала Петрова. Досаждали соседи. Особенно сосед слева, дочка которого училась игре на пианино и ежедневно разучивала гаммы. Да и сосел справа не отставал... Забредшему на огонёк Сидорову Петров пожаловался на плохой сон. «Соседи заборол...»

– Мне бы твои заботы, – позавидовал Сидоров, хрустя солёным огурцом. – Избавим! У нас в КБ создали абсолютно звуконепроницаемый материал.

– Небось, громоздок. В комнате жить негде будет, – усомнился в своём счастье Петров.

– Что ты! Плёночка. Нанесёшь разбрызгивателем. Ни один звук не проникнет. Все отразятся.

И действительно, обрызгавший стены Петров изолировался от соседей, спал спокойно и был почти счастлив. Даже как-то промурлыкал

свою любимую песенку про соловьёв. Этой же ночью он проснулся от какого-то неприятного скрипа. Петров лежал тихо, прислушиваясь. Неужто вору? Осторожно встал, включил свет в комнате, кухне, коридоре, санузле. Никого! Снова лёг и, услышав опять скрип, узнал свой голос. Сообразил, что это живёт отражающийся от стен звук, промурлыканная им песня. Понял, что нельзя перенаселять квартиру звуками. Друзей и даже сероглазую Ирину, к которой был равнодушен, перестал приглашать в гости. Она снова переступила порог его комнаты, только сделавшись его женой. Ещё когда они поднимались по лестнице, Петров шепнул любимой:

– Только не шуми, у нас сосед больной...

Наблюдательная Ирина сразу же заметила неладное.

– Послушай, Петров, кто это у тебя всё время бормочет, неразборчиво так? У тебя нет ни телека, ни радио... Может, ты их где-то прячешь?

– От соседей, небось, слышится, – покраснел Петров.

С появлением Ирины шум в квартире нарастал с каждым днём. Самое странное, не все фразы жили. Одни затухали быстрее, другие, особенно сказанные в запале, на повышенных тонах, долго носились в воздухе. Жить стало невмоготу, и Петровы повесили объявление об обмене. Но даже владельцы маленьких комнат в неблагоустроенных домах не желали меняться с Петровыми. Наконец им повезло. И отныне в квартире обитает глухонемой Мышкин.

Секреты торговли

Туви прибыл на землю из созвездия Тельца. Это был маленький зелёный человечек из породы метаморфидов. Решив изучить потребности землян и заняться межзвёздной коммерцией, он под видом симпатичной старушки крутился среди пенсионеров, юным лоботрясом – на дискотеках, компетентным болельщиком посещал соревнования... И быстро составил список предметов, в которых земляне испытывают особо острую нужду. И в тот же день отбыл восвояси.

И вот зафрактованный им грузовик прибыл в космопорт Кольцово. Роботы быстро воздвигли павильончик и разложили товар. Однако туземцы спешили по своим делам мимо, лишь иногда на мгновение задерживаясь, чтобы поглазеть на «живую рекламу». Наконец один из них остановился у прилавка и, ткнув пальцем в сосуд с зелёной жидкостью, спросил:

– Зачем? Почём?

– Как зачем? – поразился Туви. – Сами твердите, что вам только птичьего молока не хватает... Я отыскал на Водолее птичку, что даёт три стакана молока в час. А вы...

– Вкусное?

– Не знаю. Не пробовал.

– Т-а-а-к... – сказал угрюмо туземец. – А это что такое? Кругленькое?

– Шарик. Для голов. Я собственными ушами слышал, что многим не хватает именно таких шариков!

Туземец как-то странно взглянул на Туви и ушёл. Покупателей по-прежнему не было видно. В задумчивости Туви проглотил один за другим все драгоценные шарик, запил их птичьим молочком. И очевидно, поумнел. На другой день его торговый павильон исчез. А мне... время от времени на лицах типов, приторговывающих фирменными шмотками и прочим ходовым товаром, мерещатся зеленоватые черты Туви.

Алексей ЛЕЖНЕВ
(Саратов)

В ожидании Годо

Самое паршивое, что может быть, – это уйти в нирвану не вовремя. Я знаю, о чём говорю, так что вы уж со мной не спорьте.

В тот вечер я всего лишь собирался заснуть, чтобы отдохнуть перед работой – ну, как это вообще принято у большинства. Нет, нельзя сказать, что я страдаю бессонницей, наоборот, я засыпаю мгновенно и так крепко, что наутро сомнения одолевают – а тот ли я человек, что вечером в эту постель ложился. Почём знать, может, за время моего отсутствия у того парня, что сейчас из-под одеяла выбирается, напрочь сознание заменилось, и он теперь не я, а – Чёрт Знает Кто. Вы спросите, как я с этим в конце концов разбираюсь? Да когда как, чаще всего когда ноги в тапочки всовываю. У правой в подошве здоровенная дыра, на пол на холодный встанешь – сразу понятно, какой дурак может полгода лениться себе новые купить.

Да, так я отвлёкся. Вообще, со мной уже бывали подобные вещи, а чаще всего такое накатывает по выходным, и уж обязательно – в последнее воскресенье отпуска, когда перед сном читаешься Ауробиндо или Кастанеды. Лежишь себе, лежишь – и вдруг: бах; глядь, а вокруг уже Лотосовая долина и ты слышишь, как открывается шестая чакра. Шестая – это, вообще, моё слабое место, в неё что-то забилося, видно, а может – энерговампиры нагадил: открывается она, вишь, с трудом, с хлопком таким характерным, будто неотрегулированная конфорка гаснет.

Ну, потом ясно: туда-сюда, Кундалини распрямляется и шибает ажно до темечка. Ох, скажу вам, ощущение: будто тебя с головой в бутылку запикивают. А вокруг уже ауры, ауры – хотя нет, тут малость приврал: они в этот момент как раз гаснуть начинают, для верхней чакры аура – слишком уж вульгарная материя, вроде как парусина.

Дальше-то вы в курсе, я думаю? Как из океана Сансары выберешься, отряхнись малость и чеши куда глаза глядят, да там везде недалеко. Важно, что металлического чего не задень – ну, там, мойки для посуды или батареи центрального отопления – в общем, заземлённой какой-нибудь дряни. И само собой, хорошие манеры. Увидишь кого знакомого –

про погоду спроси, семья, там, дети, лотос раскрой хорошенько, лепестками помаша; да чего там: доброе слово и кошке приятно.

А главное – утро не прозевать, время там быстро бежит: отвлекся – и ты уже в Харда-Юге. Так и без тела недолго остаться, а кому охота весь День Брахмы одному куковать? Правда, у меня с этим проблем не бывает, я своё берегу, привык уже, разносил, так сказать, – да и мудрено ли за тридцать-то лет. Прячу, ясное дело. Вам, конечно, тоже не скажу, уж не обессудьте. Есть у меня три-четыре укромных местечка. А то многовато последнее время охотников до чужих тел развелось, я тебе доложу. Особенно эти, феминистки закордонные, у-у: их сомой не пои, дай мужичье тело стянуть; свои-то свалят в кучу и рыскают, а как обломится, начинают всей гурьбой рыться. Тут только держись: на все Девять Миров галдэж стоит. «Что это за пятнышко такое на лопатке? – Убери руки, ты, мандала хануманская. – Моё без пролежней было, где вы это откопали?» Нет, один раз на это посмотреть в кайф, но больше – ну их к Шиве!

Ну, там уже солнышко засветит, мчишься обратно. В астрале таможенный досмотр пройдёшь – и домой. Подлетаешь, а твой уже тапки спросонья нашаривает: тёпленький! Ты в него скоренько лезешь, тело на себе оправляешь и топаешь умываться. А если на кофеёк деньги были – так вообще класс.

А о том, что за не вовремя бывает, лучше уж и не вспоминать. Как в тот раз вышел я в нирвану не по графику – что было? До самого утра по инстанциям таскали: где, мол, твой допуск, и почему, мол, чакры не прочищены, и пятое, и двадцатое; надо ж им придраться к чему-ничему? Домой чуть живой дополз, а там уж один прыткий такой по ящикам шарит, тело бесхозное ищет. Ох и отметелил я его! Он ещё и извиняться приходил, плёл, будто нечаянно мимо своей квартиры пролетел. Ну, да это дело прошлое.

И всё-таки, самое крутое со мной в другой раз приключилось; это когда я дзенское озарение испытал – сатори по-ихнему. Крашу я, знаешь, ванную свою нитроэмалью – а там у меня теснота, вентиляции никакой – и вдруг подо мной крышка унитаза проламывается. Вот это было сатори так сатори; ну всё, извини; вон уж автобус мой подходит. Пока! Мимо пойдёшь – телепортируй, посидим, поболтаем.

Солипсист

Коф сотворил чересчур хлипкое перекрытие и едва не провалился прямо посреди комнаты. К счастью, у этого лентяя хватило прыти отменить на время земное тяготение. Вися и болтая ногами, Коф сосредоточился, сделал пол достаточно твёрдым и выбрался из пролома. Конечно, за это время от стен не осталось и следа, а вместо потолка над головой болталась мрачная бесцветная невнятица.

Коф прошёлся взглядом слева направо, сотворяя стены, кое-как наклеил потолок и пошёл вперёд. Вернее, никуда он не пошёл, а повис в

воздухе, нелепо суча руками и ногами. Чертыхнувшись, Коф восстановил тяготение и шмякнулся носом о пол. Это было уже слишком! Скрипя зубами, он навёл в комнате порядок, ещё малость укрепил впереди себя этаж и пустился в класс. Дверь Коф миновал благополучно, но перед поворотом притормозил и, опасливо заглянув за угол, сотворил коридор. Ясное дело, перетруждать себя он не стал и вместо положенных двухсот шагов ограничился полутора сотнями. На окна он вообще решил плюнуть.

Расчёт оправдался: он преодолел всё расстояние без происшествий и даже не забыл где-то на полпути раздвинуть стены – ведь, в принципе, по законам геометрии коридор постепенно сужался. Успех его воодушевил: Коф знал двух–трёх парней, летевших сломя голову на занятия и застревавших в конце коридора.

Довольный собой, он добрался до лестницы. Тут пришлось повозиться с ковром: на пути мог встретиться кто-нибудь из учителей, так что ворс на ковре надо было сделать не очень жидким, а рисунок – посвежее.

Но, окончив работу, Коф почуял неладное. Так и есть: в хлопотах о ковре он забыл про свои ноги, и теперь на пол опирались уже сильно расплзающиеся коленные чашечки. С животом было не лучше: его словно несколько веков подряд грызла моль. Глубоко вздохнув, Коф восстановил своё тело и опрометью бросился наверх.

Перед входом в класс, он сотворил на стене зеркало, соорудил себе чистый воротничок, начищенные ботинки и портфель. Потом напряг все силы и перевёл время на двадцать минут назад. На большее его не хватило, но он надеялся, что десять минут учитель ему простит. Потоптавшись у двери, он собрался с духом и, коротко постучав, вошёл.

...В этот момент мне надоело сотворять такого лентяя и прогульщика, я решил его стереть и состряпать какую-нибудь симпатичную отличницу. Но Коф высунулся в коридор, погрозил мне кулаком и послал подальше.

Игорь ВСЕЕВ

(Пестово Новгородской обл.)

Сад

Человек стоял и с гордостью смотрел на раскинувшийся перед ним сад. Сад был результатом его многолетнего труда, и человек мог по праву гордиться таким результатом.

Яблони, груши, сливы давали такие урожаи, что их ветви, под тяжестью плодов, сгибались до самой земли. На вишнях плодов было немного, но деревца, посаженные недавно, приживались с трудом, болели, и эти немногочисленные вишенки радовали человека не меньше, чем обильный урожай остальных деревьев. Воробьи, которых ценой невероятных усилий удалось заманить в сад, давно свыклись с обстановкой и весело чирикали под фонарями дневного света, а в стеклянную крышу в бессильной злобе били струи кислотных дождей.

Константин СИЛИН
(Пестово Новгородской обл.)

Суеверие

За столом сидели двое. Молчали. Думали. Один был верующим. Он думал о своей вере. Другой был атеистом. Он думал о вере чужой. Нехорошо думал. Во дворе что-то стукнуло.

– Нечистая сила?! – встrepенулся Первый.

– Да нет, успокоил Второй, – это калитка хлопнула.

Тут же что-то завозилось в трубе и послышался странный звук.

– Нечистая сила?! – воскликнул Первый.

– Ну что ты, – снисходительно усмехнулся Второй, – это ветер воет.

Но тут внезапно скрипнула половица.

– Нечистая сила?! – снова испугался Первый и зашептал молитву.

Второй молитв не знал и только рассмеялся:

– Да брось ты, – сказал он, – это пол рассыхается... – но вдруг коротко вскрикнул и... исчез.

Святослав ЛОГИНОВ
(Санкт-Петербург)

Антиникотиновое

В квартире у Семёнова была чёрная дыра. Она висела над письменным столом и чуть слышно гудела, словно лампочка, которая собирается перегореть. Хотя перегорать дыра не собиралась. Это была добротная чёрная дыра, в которой сколлапсировалась целая вселенная, такая же большая, как наша.

Чёрная дыра была совершенно не нужна Семёнову, но раз она висела над столом, то Семёнов использовал её вместо пепельницы – совал в дыру окурки, стряхивал пепел, а иногда пускал толстую струю дыма и наблюдал, как дыра с лёгким шипением засасывает его.

Семёнов не знал, что из-за этих его игр вселенная по ту сторону дыры забита изжёванными вонючими хабариками, а от дыма на планетах той вселенной стало невозможно дышать, и жизнь на ней скоро погибнет.

Но даже если бы Семёнов знал это, курить бы он всё равно не бросил.

Сергей ЛУКЪЯНЕНКО
(Алма-Ата)

Последний Герой

Накануне вечером он долго стоял у окна. Ольга уже знала, что это означает, но не стала ни о чём его просить, наоборот, была особенно ласкова. На какое-то время Хей оживился, но ночью Ольга проснулась, чувствуя, что его нет рядом. Она встала с постели, не включая свет прошла на кухню. Хей курил, стоя у открытого окна.

– Видишь, – не оборачиваясь сказал он, – маленькая звёздочка над башней торгового центра?

Она не видела, но на всякий случай кивнула.

– Это звезда Эн-547. Рядом с ней есть планета Ледовый купол. За эту неделю там исчезло шесть космолетов.

– И ты...

Хей обнял её.

– Я должен, – просто сказал он. – Я пилот экстра-класса, другим там делать нечего.

– А если ты не вернёшься?

Он ничего не ответил. Ольга больше не уснула, а Хей заставила лечь – в полёте ему потребуются все силы.

Утром он завтракал торопливо, не замечая что ест. В мыслях он был уже там. И когда Хей вышел на балкон, где покачивался в поле антигравитации его корабль – двухметровый хрустальный шар, Ольга уже не могла сдержать слезы.

– Не плачь, – осматривая амортизаторы корабля, сказал Хей. – Я вернусь через месяц.

– А если.....

Хей похлопал по поверхности шара, словно сгоняя с него солнечные блики, и строго сказал:

– Никаких «если». Ведь ты же будешь меня ждать.

Поцеловав Ольгу, Хей закрыл за собой люк. Посидел в кресле, привыкая к кораблю, потом отдал мысленную команду: «Вверх». Хрустальный шар молнией блеснул над городом и растворился в небе.

На высоте двухсот километров Хей остановился. Торопиться было некуда. Подвешенный в антигравитации шар слегка покачивался, под ним медленно проплывала Земля. Несколько раз Хей поглядывал в небо. Эн-547, Ледовая Плешь... А Земля продолжала вращаться, исчезали за горизонтом страны, материки, потянулись просторы Тихого океана. Через двенадцать часов Хей сбросил задумчивость. Достал зажигалку, поводит ей вдоль несгораемой ткани комбинезона. По ткани пошли чёрные разводы. Потом он зубами разорвал по шву рукав комбинезона, взлохматил волосы и отдал команду: «Вниз».

Он приземлился перед маленьким уютным коттеджем, прямо на заросшей цветами лужайке. Неловко улыбаясь, Хей вылез из люка. Из коттеджа уже выбежала высокая загорелая, девушка в шортах.

– Опять я помял тебе все цветы, – виновато сказал Хей.

Девушка прижалась к его груди.

– Какие пустяки, о чём ты... Ты надолго?

Хей пожал плечами.

– Как всегда, на месяц.

В утреннем небе тихо угасала звезда Эн-547.

Игорь ВСЕЕВ
(Пестово Новгородской обл.)

Главный враг

– Ребята, – учитель сделал паузу, привлекая внимание своих учеников, – вы сейчас видите Врага, едва не погубившего весь наш мир. Главного Врага всего живого.

Они стояли посреди небольшой зелёной полянки вокруг скульптуры какого-то странного существа.

– А сам он что, был не живой? – спросил учителя самый шустрый из ребятишек Олешка.

– Нет, он был живой, – ответил учитель, – вот только других живых он не замечал, всё время куда-то стремился, многих погубил и потому был назван Главным Врагом всего живого.

– А что же случилось с ним самим? – спросил друг Олешки большеглазый Савва.

– Главный Враг так не любил всё живое, что стал врагом даже самому себе и в конце концов сам себя уничтожил. На наше счастье, не в последнюю очередь. – Но этого учитель не сказал, а только подумал.

Дети, затаив дыхание, ожидали продолжения.

– Сейчас не осталось в живых ни одного Главного Врага, но чтобы не забывать о них, решили оставить этот наминальник, хотя сами они называли это памятником. Скульптура очень точно выражает сущность Главного Врага, он как бы устремлён вперёд, в какие-то невообразимые дали, а под своими ногами ничего не видит.

Учитель замолчал. Школьники с интересом рассматривали Главного Врага, но вопросов больше не задавали.

«Вопросы, надеюсь, появятся потом, должны появиться, – подумал учитель, – иначе мы снова встретимся с Главным Врагом и неизвестно, чем эта встреча закончится».

Немного погодя, учитель отпустил ребят, и те шумной стайкой бросились к протекающей поблизости Прозрачной Речке. Весело стучал копытами оленёнок Олешка. Над ним летел, нарочно шумно хлопая крыльями, совёнок Савва. Другие не отставали. Учитель проводил их тёплым взглядом, затем сорвал хоботом гроздь бананов и неторопливо пошёл за ними, а Главный Враг в своём навеки застывшем стремлении вперёд остался один, не в силах оторвать бронзовые ноги от каменного постамента, на котором было написано: «Хомо нон сапиенс».

Сергей БУЗИН
(Новокузнецк)

Пассажир из прошлого

Мужчина резким движением распахнул дверь машины и сел на заднее сиденье. Он явно торопился.

– Ну что, поехали назад – в моё настоящее и их будущее, – кивнул за окно пассажир с улыбкой.

– Год, месяц, число и город, – спросил водитель и рукой потянулся к сенсорной панели.

– 2045-й, девятое мая, Москва, – быстро проговорил мужчина с улыбкой на лице. Таксист набрал цифры, и на мониторе навигатора появилась карта города Москвы. Машина тронулась с места и начала набирать скорость. За стёклами машины погасли огни станционного городка. Такси плавно и бесшумно двигалось во времени, в полной темноте. Таксист молча следил за мелькающими цифрами на мониторе и переключал режимы управления.

– А мне тоже вот приходится часто ездить – из настоящего в прошлое, – начал разговор пассажир. – К прапрадедушке и прапрабабушке, живут, вернее, жили в селе. Сами понимаете, послевоенное время, совсем ничего нет. Вот и приходится ездить к ним в прошлое, то продуктов привезу, то кое-что из одежды, – пассажир вздохнул и замолчал.

– А я подумал – бизнес, – таксист посмотрел в сторону пассажира.

– Да какой там бизнес, – махнул тот рукой.

– А в будущем у своих правнуков бываете? – спросил таксист у пассажира. Тот сразу погрузился.

– Нет, не бываю, будущее меня страшит.

Таксист ткнул пальцем несколько кнопок, и машина плавно остановилась; за окнами сразу посветлело, проступили контуры улицы с подземным переходом, появились пешеходы, машины, и через несколько секунд появился звук города.

– Я выйду здесь, пройду, мой дом напротив через дорогу, – сказал пассажир и, расстегнув пальто, полез рукой во внутренний карман пиджака за бумажником.

– Сколько я вам должен? – спросил он. Таксист повернулся к пассажиру и увидел у него на пиджаке значок депутата Государственной думы.

– Тройной тариф, в оба конца, – неторопливо ответил таксист. У пассажира вытянулось лицо в немом вопросе.

– За такое будущее надо платить! – произнёс таксист и указал пальцем в сторону подземного перехода, где стояла старая нищенка – с посохом и протянутой рукой для подаяния.

Игорь ХАЛЫМБАДЖА
(Екатеринбург)

Трын-Трава

Генерал Ж. остановился перед большим зеркалом в конце гостиничного коридора и внимательно осмотрел свою молодцеватую, подтянутую фигуру в новеньком, с иголки, мундире. Перехватил взгляд молоденькой и миловидной горничной, ещё раз окинул себя взглядом.

Полюбовался сверкающими сапогами, остался доволен. Почти. Потому что зеркало показалось маловатым. Не во весь рост.

«Я им напишу кое-что в рапорте об инспекции! Быстро перестанут жмотиться на гостиничные зеркала!» – решил Ж. и двинулся инспектировать этот чёртов полигон, который какой-то идиот придумал разместить в глухой пустыне.

В конторное почтительный полковник предложил Ж. надеть комбинезон из плохонькой синтетики и кирзовые сапоги, чем вызвал взрыв возмущения:

– У вас что? Опасно для жизни инспектирующих? Или грязно?

– Н-н-е-т... – промямлил полковник.

Наоравшись вдоволь, генерал в сопровождении полковника, запаковавшегося в свой плёночный костюм, через стальные охраняемые двери и герметичные камеры проник в помещение Полигона. Они оказались в огромном, залитом солнцем помещении, накрытом гигантским прозрачным куполом. Кроме них, здесь не было никого и ничего! Но, в отличие от жаркой пустынной духоты, царившей снаружи, здесь были скорее субтропики. Всё помещение заросло сочной зелёной травкой, которая так и манила прилечь на неё. Местами под куполом шёл искусственный дождичек, бегали цветастые радуги...

– М-да... Хорошо тут у вас... – сказал благодушно генерал. – Я так понимаю, что это зона отдыха? Вход на полигон за ней?..

– Н-е-е-т, – прохрипел полковник, доведённый угрозами генерала до предынфактного состояния. – Это и есть САМ ОБЪЕКТ 555...

– Что же в нём секретного? – спросил, повалившись на весёлую травку, не выдержавший искушения инспектор. – Или секрет то, что вы ловчите, полковник? Устроили себе здесь курорт, понимаете...?

– Это Трын-Трава, мой генерал, – просипел в ужасе полковник. – Прошу вас, встаньте! Всё может кончиться очень печально...

– Вот именно, оно всё и кончится так для вас, – пообещал генерал, нехотя поднимаясь с травки. – Я разоблачу вашу шайку сибаритов!

Полковник смиренно семенил сзади. Пытался объясниться.

– Но, мой генерал! Это стратегический объект! Невиданное и невидимое оружие! Когда мы рассеем Трын-Траву по территории потенциального противника и она прорастёт, люди противника обленятся, перестанут работать, в смысле работать в полную силу, им на всё станет наплевать, они начнут всё разворовывать, «делить по справедливости» чужое добро...

– Какая ещё Трын-Трава? – лениво возмутился генерал. Даже слова ему было неохота произносить. Неудержимо тянуло в номер, на постельку... – Перестаньте...

Он прошагал в свой номер, даже не обратив внимания на призывную улыбку горничной, и повалился на постель, не сняв сапог. Сапог, на которых уже гнедились тысячи спор не признанной им Трын-Травы.

Полигон, согласно докладной генерала Ж., ликвидировали. Пески быстро поглотили искусственный оазис. Немногие уцелевшие после взрыва споры были погребены под барханами – дожидаться своего настырного археолога.

А те, что унёс инспектор на своих сапогах и мундире, проросли вдоль трассы, по которой он добирался до своего Министерства.

Теперь генерал Ж. больше не ездит в инспекции по той причине, что впал в непонятное состояние типа прострации. Он сутками лежит или сидит, глядя перед собой, никого не узнаёт. Денщик кормит его манной кашей с малиновым вареньем, с ложечки. Подносит и подсовывает утку, когда требуется.

Но тем не менее генерал Ж. по-прежнему числится на посту – ведь такие, самые заслуженные в мире генералы в отставку не уходят и от службы родине, от дач, денщиков и прочего их может освободить только Смерть...

Будильник

Дверь приёмной отворилась, и на пороге возник вроде бы ничем не примечательный человек в сером костюме и старомодных очках. Человек этот сразу не понравился Аллочке, секретарше Генерального. Она холодно взглянула на него и, придав своей хорошенькой мордочке неприступное выражение, голосом дикторши центрального телевидения сообщила:

– Иван Кузьмич не принимает. У него Совещание.

Однако вошедший повёл себя очень странно. Он неслышной походкой приблизился к Аллочкиному столу, опустился в кресло и сказал глухим голосом приятного тембра:

– Я думаю, Иван Кузьмич очень занятой человек. И ему всегда недосуг. Я прав, красавица?

От этой фамильярной «красавицы» Аллочку передёрнуло, но, сохраняя невозмутимость, она подтвердила, что да, у Ивана Кузьмича масса работы и на следующей неделе тоже вряд ли удастся выкроить время для приёма...

– А знаете, – доверительно сообщил человек в сером, – у меня к Ивану Кузьмичу очень серьёзное предложение. Было бы неплохо, если бы ваше предприятие освоило выпуск будильников моей конструкции. Вот таких...

И он жестом фокусника извлёк откуда-то, может, даже из рукава, прехорошенький маленький будильничек с ярко-золотистыми цифрами на фиолетовом фоне.

– Дарю вам образчик будущей продукции нашего Предприятия. Послушайте только! – И он прижал кнопку на макушке будильничка. Раздался мелодичный писк, не способный, наверное, разбудить и комара, но на Аллочку он произвёл магическое действие. Ведь подарочек был так, тьфу, мелочь, а между тем Аллочка в личике переменялась, словно

облачко набежало, и благосклонно кивнула на массивную дверь, которую так бдительно охраняла. Мол, входите... И человек в сером быстро скользнул в дверь, мягко прикрыв её за собой. Иван Кузьмич стоял у окна и глядел на городскую панораму. О чём он размышлял – ведомо ему одному. Услышав за спиной шорох, он удивлённо оглянулся.

– Вам чего? – спросил он в меру вежливо, но с ноткой раздражения в голосе. – У меня Совещание.

– Вижу, что поспел вовремя, – обрадовался посетитель. – У меня строго деловое предложение для вашего Совещания. Хочу предложить освоить выпуск моих будильничков. Вот этих...

И он извлёк из недр своих карманов будильничек – точную копию подаренного секретарше.

– Что это? – брезгливо спросил Иван Кузьмич. – Что это за безобразие? Вы что, не понимаете? В новых экономических условиях нет никакого резона выпускать ваши игрушки. Нам нужны габаритные изделия с высокой стоимостью, чтобы можно было на чём-то экономить и из чего-то извлекать прибыль... Вам ясно?

– Но моё изделие позарез нужно всему народу? Вы только послушайте!

И посетитель нажал кнопку. Снова комнату залил мелодичный писк. Раздражительный Иван Кузьмич мгновенно остыл, прошёл к столу и сел в кресло, покусывая губу. Наконец взял в руки маленький будильничек, осторожно повертел, внимательно разглядывая. Покачал головой.

– И кого же он способен пробудить, этот цыплёнок?

Человек улыбнулся.

– Не кого, а что. СОВЕСТЬ! А как работает! Только что на Центральном рынке испытал...

Сергей ЕРОФЕЕВ

(Новокузнецк)

Пока Создатель отдыхает

(Из повести «Акт веры»)

Творение... Творение и конец времен. Рай и ад. Великий потоп. У всех народов есть такие сказания... И это вовсе не удивительно, если учесть, что все ныне живущие, суть, дети Ноя... Все верят и в Создателя... Везде, на всех континентах. Правда, называя Его при этом по-разному: от Иеговы и Аллаха до Ульгена и Иосена. Ибо память человеческая слаба, а человек грешен, и жизненный путь земной его становится всё короче и короче, и поколения, сменяя и сменяя друг друга, всё туже накручивают узлы времён, всё быстрее вращаются спицы великого колеса событий... Всё быстрее события прошлого уходят в небытие...

Исконные насельники этого Запада мира пришли сюда из Старого Света, но не по воде, как испанцы, норманны, финикийцы или египтяне...

Они пришли сюда посуху. Начав свой путь из Урарту, расселяясь по неизведанным землям, они прошли путь сначала по Средней и Северной Азии, оставляя по дороге свои колена, а после заселили территории обеих Америк до самого края – Tierra del Fuego, земли, описанной экспедицией Фернандо Магеллана.

Они населили всё: и тундры Севера, и пустыни Аризоны и Калифорнии, и болота Флориды, и джунгли Сельвы, добрались и до островов Архипелага, образовав племена и целые государства. И чем дальше уходили по избранному пути, чем больше сменялось поколений, тем сильнее изменялись их представления о реальности. Но, как ни странно, отдельные племенные союзы ещё сохранили отголоски веры даже в Святую Троицу, как, например, гуарани. Но это, скорее, исключение...

Аборигены – индейцы, как вы их называете, – в своё время, найдя эту землю необитаемой и первозданной, сочли, что Создатель не заселил её людьми оттого, что Сотворение её ещё не завершено и по окончании седьмого дня, дня отдыха, Он должен в неё возвратиться, чтобы завершить свой труд. Они стали Его ждать... как люди разумные, искренне полагая, что в Его отсутствие и без того богатая земля не может быть брошена Богом на произвол судьбы, что у земли этой есть Хранитель. Хранителя этого они изображали бородатым человеком со светлой кожей, рыжими волосами и голубыми глазами.

Если следовать легендам, человек этот, которого впоследствии ряд туземных культур стал самого почитать в качестве божества, несколько раз приходил к ним за предыдущую пару тысяч лет. Он научил их приручать животных, врачевать раны и хвори, возделывать маис и кукурузу, строить дороги и пересекать океаны. В последний раз он явился, чтобы заселить пустынные острова в тысячах морских миль от Чилийского побережья. Он приходил под именем Тики, и его бородатое лицо накрепко въелось в память современников и песни их потомков.

Как мы знаем, представления аборигенов сослужили им дурную службу, позволив нескольким горсткам отбросов и авантюристов, жаждущих золота, приключений и женщин, поставить на колени царства ацтеков и инков, позволили Эрнандо Кортесу заполучить престол Монтесумы и Куаутемока, а семейству Писарро – Атауальпы и Манко. И вот именно теперь есть смысл перейти к началу истории, частью которой тебе суждено было стать.

Всякая история, разумеется, если это хорошая история, начинается с рождения и заканчивается смертью... В лето этак, не помню точно какое, но ещё до того, как взмыли над кронами пальм и морской гладью твердыни Гибралтара и Картахены, до того, как генерал-капитан Новой Гранады расселся на алом вельвете в Санта-Фе, примерно за сорок лет до бойни на треугольной площади Кахамарки в маленьком испанском городишке Трухильо родился мальчик. Мальчик получил при крещении

имя Алессио, и, если кому-нибудь теперь и известен, его знают под именем Алессио Вера.

Трухильо... Кто разберет, что такого особенного в этом поселении, то ли в воде, то ли в воздухе, то ли лежит на нём какое-то карфагенское, римское, готское или арабское заклятье, только городок этот исправно поставляет людей, которым дано влиять на судьбы народов. Мы больше знаем его как родину Гонсало Писарро и Франсиско Орельяна. Один из этих приятелей-пастушков стал полновластным правителем страны, павшей перед его братом, другой по воле рока на плотях пересёк четыре тысячи миль джунглей и был назначен, пусть и номинальным, наместником испанских Габсбургов в Амазонии.

В отличие от них Алессио не пришлось пасти скот. Он начал свой путь церковным служкой. Может быть, именно поэтому он рано стал размышлять над вопросами, касающимися жизни и смерти. Как бы то ни было, в недавно открытый Новый Свет он отправился помогать проповедовать слово Божие и именно там познакомился с индейскими легендами. Несколько лет бесплодных попыток огнем и мечом приобщить язычников к вере отвратили его от церковных дел, но вовсе не от мысли облагодетельствовать человечество. Для этого он принялся сколачивать состояние, и, как ни странно, в отличие от многих и многих других, ему это удалось, вероятно, потому, что золото само по себе не застило ему глаза.

Однако, став знатным и состоятельным ещё в достаточно молодом возрасте, он был сильно опечален осознанием скоротечности своего бытия... Ему была невыносима самая мысль о смерти. Вспомнив всё слышанное им от индейцев за годы путешествий о белом голубоглазом Хранителе, он оформил в голове своей представление о том, что это реальный человек, черпающий долголетие из некоего источника магической силы, например, особым образом заговорённого артефакта, амулета или даже места. Алессио Вера задался целью его найти. На это он потратил почти всё своё состояние, здоровье, репутацию, разум и двадцать шесть лет жизни... В то время, как все нормальные люди искали El Dorado, этот безумец искал призрачный оплот бесконечного земного существования...

И, самое смешное, что ему это удалось... Двадцать шесть лет убийств и пыток жрецов местных культов, двадцать шесть лет непрерывных экспедиций, двадцать шесть лет бесконечных скитаний по джунглям привели, наконец, его к подножию Священных гор... Будто мясистый зелёный занавес развёлся перед ним, и взорам путников предстала высокая скала, обрывом спускающаяся к их ногам... На вознёшемся к небу уступе они увидели какие-то постройки, оттуда же сверху из поднебесья падала вода узкой лазурной лентой и таяла в воздухе миллионом ярких брызг, не долетая до хитросплетения чащи. Вверх, к изголовью водопада, поднимались вырубленные в теле массива крохотные ступени...

Как удалось им в доспехах и латах преодолеть неприступную кручу под покровом глубокой ночи, доселе неизвестно. Но каким-то образом они достигли цели, и нищие потомки славных кастильских и арагонских родов перебили в спящей деревеньке всех мужчин, надругались над женщинами и детьми, а поутру выбросили всех оставшихся в живых с обрыва в джунгли...

К полудню экспедиция продолжила свой путь. Ручей образовывал в скальном грунте за древней узкую горную щель. Через полчаса ходьбы между каменных стен солдаты удачи достигли провала древней, по всей видимости, рукотворной пещеры и стали подниматься по выбитой чьей-то неведомой рукою лестнице. С нескрываемым удивлением увидели они в ярком, живом, пульсирующем свете, наполнявшем зал, громадную ступенчатую пирамиду, испещрённую рисунками и надписями. С колоссального купола над нею вниз изливалась сплошным непрерывным дождем вода...

Человек на вершине пирамиды, высохший, согбанный старик, великий воин по имени Глухой Голос, что был старше всех незваных гостей, вместе взятых, ждал их с мечом в руках, с топоробразным мечом, порождающим глубокое зеленоватое пламя, мечом, похожим на клинки воинов Тутмоса, что кромсали армии сирийцев при Мегиддо. И другой старик, Алессио Вера, застрелил хозяина источника в упор. Он не мог позволить кому-либо встать между ним и его светлой мечтой...

Дальше есть несколько версий... Либо индейцы, убиравшие урожай, спустившись с плодородных террас, выбили всех пришельцев стрелами в горном коридоре... Либо, как записано в бессмертном манускрипте секретаря экспедиции – отца Андреа, обезумевшие вояки перепились воды и обратились в младенцев...

Как было на самом деле, никто уже не расскажет, только сам чудом уцелевший отец Андреа по приговору инквизиции был сожжен в Санто-Доминго де Гусман второго августа следующего одна тысяча пятьсот сорок седьмого года вместе со своей еретической книгой... По крайней мере, все так думали...

Фамилия палача была Солинас. Он, уроженец Малаги, некогда был одним из людей Кортеса, большинство из которых остались голодранцами и после подчинения Мексики. Пожалуй, единственным не пропитым с горя его военным трофеем к тому времени оказалась его жена – крещёная индеанка, дочь какого-то тотонакского князька. Она продолжала втайне исповедовать свои культы и убедила сынишку, молодого Солинаса, в день казни, пока отец будет подкрепляться домашним пайком, подменить книгу...

Сынишка этот вырос и, как многие метисы и креолы в мире испанских испанцев, занялся разбоем... Подкопив денег на береговом мародёрстве, он вложил капитал в чернокожую проституцию и, наконец, по-настоящему разбогател на поставках рабов из Анголы на западные плантации и

изумрудные рудники. Его сын преумножил состояние отца на бриллиантовых махинациях в Португальской Индии, и уже его сын стал, наконец, уважаемым членом общества и офицером флота Его Величества...

Звали этого человека Севериано Солинас. Он за казённый счет организовал вторую экспедицию к источнику, убедив светские и церковные власти, что ищет золото, а неотёсанных спутников, что вода – страшный яд, который можно использовать в войне против Англии... Видимо, чтобы у первых не возникло желания его сжечь как отца Андреа, а у вторых, эту воду попробовать...

Тогда из джунглей вышли два человека... Вышли поодиночке. Это было в пятнадцатом году, но оба они ещё живы и, более того, находятся здесь – на борту... Один, португалец Рафаил Лукаш, заперт мною в матросском кубрике – он был проводником людей твоего отчима, другой, известный тебе под именем Херардо Грисалес, сидит, милочка, прямо перед твоими очами...

– Х-ха... – непроизвольно выдохнула Эулалия, и, поскольку этот многозначительный выдох явственно обязывал её к продолжению звукового ряда, комнату вполне ожидаемо наполнили её нелестные соображения, – ну Вы даёте!.. Я уже где-то слышала что-то подобное, нет... кажется читала... – в сборнике сказок. Мне ведь, как Вы метко изволили заметить, достаточно много пришлось прочитать... Фактически всю эту проклятую жизнь я выучила по слогам в печатных страницах... Но это, – побойтесь Бога, право, – Вы и в самом деле хотите, чтобы я поверила в этот... – она осеклась, проверив, не грозит ли ей что-либо непредвиденное, – в этот бред?

Уно лишь пожал плечами.

– Пятнадцатый год? – продолжала она, словно по запомненным контрольным точкам. Уно кивнул. – Пятнадцатый год!? Сколько же Вам должно быть? Восемьдесят? Девяносто?! В зеркало поглядитесь! Да Вы просто сумасшедший! – сделала вывод девушка. – И как я сразу это не уяснила!?..

Уно был невозмутим:

– Ну вот, теперь уяснила... – он прыснул хохотком. – Можно поздравить? Стало легче? – Уно сделал паузу. – Или, быть может, это что-то меняет? Нет, в самом деле, давай предположим, что ты здесь вдвоём с психом! Ты и я! Кто меня знает, что я выкину в следующее мгновение? А? Прячь ножи и вилки, детка!

Он продолжал, на ходу переменяя тему, возвращаясь к главному:

– Я же предупреждал, что ты мне не поверишь. Но ты настояла, чтобы я рассказал всю подоплёку. Я рассказал, ты не поверила! Да, – его голубые глаза светились натужным смехом, – я вовсе не похож на дряхлый пенёк, но ты не видела и сеньора Рафаила! Вот уж кто выглядит моложаво! Больше четырех-пяти лет ну никак бы не дал мальчонке...

– Слушайте, Уно, если Вы про тех, – перебивая его, тараторила девушка, которую фантастичность рассказанной истории, казалось, убедила во всяком отсутствии какой-либо мистической подоплёки даже в присутствии на борту детей, – я больше не боюсь... Я не знаю, как эти дети оказались здесь, но...

– Знаешь... – выдавил Уно.

– ...но этому точно есть какое-то нормальное, естественное объяснение...

– Ага, матросы нарожали... – высказал он предположение.

– А Вы... Вы – проклятый полоумный детоубийца, которого покарает Господь! Я видела, как Вы выбросили ребёнка за борт...

– Ты закончила?..

– Нет! – уже просто из вредности выпалила Эулалия.

– Ладно, – Уно спокойно встал, подошел к шкафу, распахнул дверцы и начал вываливать на пол его содержимое. Закончив с первым, он принялся методично опустошать другой, потом третий.

– Что... что Вы делаете!? – округлив глаза, то ли спросила, то ли осекла его девушка.

– Как что? – методично продолжая наводить бардак в зале, ответил ей Уно. – Видишь ли, девочка, – вещи, предметы, книги продолжали тем временем лететь на пол, – ты мне не веришь, – он помолчал, – ты... нарываешься на грубость, по недомыслию, конечно, – он распахнул новые дверцы, – но всё же нарываешься... А поскольку, – новая лавина каких-то бумаг и инструментов, полетела вниз, – ты всё же умудрилась вызвать во мне жалость, стрелять в тебя или бить за непослушание, – он на мгновение обернулся, – я пере... думал. Вот, ищу доказательства...

– Чего? – издевательски поинтересовалась девушка.

– Моей истории. Только, интересно, куда он его засунул?..

– Кого, его?

– Найду – увидишь? – с вызывающей невозмутимостью ответил ей Уно, переходя к следующей стене.

– Псих ненормальный!

Уно ничего не ответил, зала меж тем начала приобретать вид свалки – то, что ночью не сделала здесь пьяная матросня, теперь, утром, вполне удавалось ему. Не найдя в утробе шкафов искомого предмета, он почесал указательным пальцем щетину небритой щеки и двинулся к последнему возможному прибежищу цели его поисков в помещении – резному письменному столу, теперь утёсом возвышавшемуся над волнами хлама. Один из ящичков был заперт, но Уно это не остановило – с треском ломающегося дерева утлый объект плотницкого искусства очутился в его руках и был тут же отброшен в сторону, как только явил на свет сокрытый в нём до времени бумажный свёрток. Уно заглянул внутрь, удовлетворённо хмыкнул и, подойдя, протянул его Эулалии.

– Что это? – сомкнутые на груди руки девушки отказывались брать жёлтую плотную бумагу.

– Разверни и взгляни, – отрезал Уно но, не дождавшись никаких телодвижений, положил свёрток ей на бёдра, и вновь уселся рядом. – Смотри, чего ж ты ждёшь?

Эулалия, помедлив, осторожно взяла свёрток тонкими своими пальцами. Внутри оказалась всего-навсего старая книга в странном кожаном переплёте.

– Что это? – подняла на Уно глаза девушка.

– Это дневник отца Андреа. Читай. Я думаю, представительницу нации, до сих пор обалдевающей от бычьих смертей, жгущей колдунов и евреев и побивающей друг друга на турнирах во славу прекрасной дамы, старая добрая латынь смутить не должна... Хотя – тут и картинки есть.

Эулалия открыла книгу, прочитала несколько абзацев наугад, прошелестела оставшимися страницами и закрыла её:

– Любопытная, конечно, вещичка. Ну и что? Я откуда знаю, что это такое?.. Что-то про каких-то индейцев, кожа какая-то странная...

– Человеческая... – раздельно протянул Уно, – кожа. – И с таким подспудным горьким упреком сказал он эти слова, такой скрытой тёмной мощью веяло от них, что девушка, вздрогнув, самопроизвольно выпустила томик из узких ладошек, и тот, плюхнувшись о край дивана, упал на пол.

– В самом деле? – нарочито медленно произнесла девушка, повинувшись не осознанному ещё ею самой тайному желанию, продиктованному той горечью и болью, что она реально, инстинктивно, интуитивно иногда понимала, болью и силой, которые она почувствовала теперь в словах собеседника. – Ну, помогите же мне...

Рука её, следуя за взглядом, медленно потянулась к коврику, но внимание, цепкое, хлёсткое, точно уловило движение наклонившегося к полу человека... И, может быть, распахнутый ворот шёлковой рубахи обнажил чересчур много... Ещё мгновение... – и веер перламутровых пуговиц разлетелся по комнате...

Уно только скрежетнул зубами от хлопка раздираемой ткани и перестука белых кругляшей, отскакивающих от тёмных поверхностей – столь неприятными для него были эти звуки. Теперь он воочию мог наблюдать, как всё встаёт на свои места, какое выражение лица, какая мимика и жесты сопутствуют едкой смеси осознания кошмара и невероятия событий происходящих и возвращения в память тех, что были отмечены ещё большей степенью невероятности.

– Ваша!?. – лепетала девушка, похоже, не вполне осознавая, что она говорит. – Это Ваша кожа? Ваша?

– Да, – кивнул Уно, – моя...

– Но... Как!?

– Есть лекари, что врачуют и не такое... Я как-то видел трепанацию черепа! Вот это, я тебе скажу, действительно не кисло...

– Как?! Когда?

– Я стар, я действительно очень стар... Я был там, когда Алессио Вера истреблял мой народ... Тогда... поутру, меня сочли мёртвым, и потому я всё ещё жив. Здорово, правда? Надеюсь, теперь, ты мне веришь?

Девушка верила. Он читал это в раскрытой книге её зрачков, читал, как страшные мощные фигуры людей таяли на её глазах, сжимались, скукоживались в коконах своей одежды и выползали из неё ошарашенные и перерожденные: «Ай-яй-яя, ай-яй-ЯЯ, ай-яй-яя, ай-яй-ЯЯ...»

– Миленький!.. – вырвалось у неё.

– Миленький?! – скривился Уно. – Миленький! – Он чуть не плюнул. – Как вы бабы умудряетесь всё, всё что угодно, любую ситуацию превратить в глупый, идиотский и очень обидный фарс! Теперь придётся опять искать путную рубашку! – Он двинулся к двери.

– Не уходите! – с надеждой окликнула она его.

– Что ещё!? – обернулся Уно.

– Так эти дети... там!

– Да! – с наслаждением выпалил он. – Да! Это, – он сунул рукой куда-то в воздух, с такой силой, что если бы воздух был живым существом, ему было бы больно. – Это отчаянные и жаждущие мести бунтовщики, наверное, всё ещё мучающиеся похмельем. Я ушёл за рубашкой! Всё!

– Уно!

Он вновь обернулся.

– Так этот корабль перевозит?!..

– Да! Если до тебя ещё не дошло! Этот корабль вёз в Европу Первородную воду! И величайшее счастье для человечества с тех пор, как ад был разрушен Христом, что он туда не прибудет!

Юрий ГРДИНА

(Новокузнецк)

Выпускной полёт Жанны Девир

(Из главы 4 романа «Блестающий мир»)

Молодой астронавигатор Жанна Девир родилась в Средиземноморье, недалеко от старого города Марселя, и сохранила в своей внешности черты француженки. Была она черноволоса и черноглаза, с мягко очерченным овалом лица и тонкой стройной фигурой. Характер Жанны не отличался ровностью. Она легко возбуждалась, её глаза сверкали непокорным огнём, и тогда она проявляла решительность и настойчивость, которую уже ничем нельзя было сдержать или остановить. Она не хотела уступать мужчинам и пошла в школу астронавигаторов, считая, что физических сил, мужества и выдержки у неё больше, чем у её соклассников и что она может достигнуть гораздо большего, чем любой из них. Только в ноябре она закончила

училище астронавигации и получила назначение командовать первой разведочной эскадрилей, составленной из всех имеющихся в наличии планетолетов Земли. По праву следовало бы поставить Мак Аллана, опытного планетолётчика, налетавшего не один миллиард километров в солнечной системе и за пределами её. Но Аллан был назначен главой всех межпланетных сил и отвечал за строительство, снабжение, подготовку пилотов и навигаторов, за разработку планов операций и проведение их.

Выбор Совета обороны остановился на Жанне Девир. Она была очень молода и принимала участие только в учебных полётах при прохождении практики в училище и выполнила зачётный полет на выпускном экзамене вокруг Луны. Но этот первый её самостоятельный полёт позволил начальнику училища рекомендовать её как высокоталантливого, смелого и настойчивого астронавигатора с железными нервами.

Отправляясь в зачётный полёт, выпускники училища не знали, что управление планетолёта дублировано и в нём, кроме них, находится опытный командир, который внимательно следит за ними и в любой момент может вмешаться и исправить их ошибки. Наставник мог создавать иллюзии неисправности механизмов, аварий, опасности встречи с метеоритами, появления жёстких излучений и наблюдал, как справляется молодой выпускник с трудностями. Два месяца назад ушла в свой зачётный полёт Жанна Девир. Заданием её было сблизиться с Луной, вступить в прямую телефонную связь со станцией «Вымпел», облететь Луну и произвести фотографирование обратной стороны Луны в инфракрасных лучах. Рассчитав параметры сначала выхода на орбиту спутника Земли, а затем срыва на трассу «Луна–Земля», Жанна стартовала в шесть часов утра среднего земного времени. Стартовая перегрузка продолжалась всего около трёх минут, и Жанна отметила про себя, что, кажется, она неплохо перенесла её. Введя в автопилот команды выхода на трассу «Земля–Луна», она по телефону запросила командный пункт училища разрешение на выход и, получив его, успела выйти на курс с первого витка.

Пилот-наблюдатель на станции училища одобрительно ухмыльнулся и записал в журнал испытаний: «Сорвалась на курс с первого витка». Это считалось признаком лихости и находчивости навигатора, обычно, пока испытуемый готовился выйти на курс, ему приходилось два или три раза облететь Землю.

Разматывая спираль ухода от Земли в условиях четырёхкратной перегрузки, Жанна почувствовала себя нехорошо. Противоперегрузочный костюм немного уменьшал давление на сосуды и предохранял от резкого отлива крови от мозга, но полностью защитить от влияния возросшей в четыре раза силы тяжести не мог. Жанна вспомнила, что внутри скафандра у неё есть таблетки нервного стимулятора «энергина», который, не уничтожая перегрузки, заставляет организм функционировать более напряжённо и подавлять дурноту. Она хотела принять одну таблетку, но потом решила воздержаться: «Оставлю уж до

такого случая, когда мне будет совсем плохо и никакого другого выхода не будет. Нужно привыкать».

Через полчаса автомат-пилот снизил перегрузку до двойной, и сразу самочувствие Жанны стало лучше. А ещё через час корабль вышел на трассу и начался полёт по инерции в условиях невесомости. Жанна отдыхала, когда раздался вызов по приёмнику на межпланетной длине волны. Приёмная станция всегда была включена на эту длину волны, чтобы в любой момент принять сообщения от планетолётов, находящихся в космосе.

«Говорит Аэлла. Говорит Аэлла. Иду пересекающим курсом. Начинайте маневр расхождения сторону квадрата 82. Имею борту пассажиров. Как поняли. Приём.»

«Вас поняла. Иду крейсерской скоростью 100 километров в секунду, учебном двадцать восьмом. Выполнять маневр расхождения не обязана. Начинайте расхождение.»

Перейдя на приём, Жанна услышала: «Начинаем расхождение сторону квадрата 84. Желаем успешной сдачи экзамена. Аэлла». Было очень приятно услышать доброжелательный голос человека в тёмном пустом космосе. Жанна взглянула на обзорные экраны. Звёзды ярко горели на бархатно-чёрном фоне, складываясь в знакомые очертания созвездий, которые так тщательно и так долго изучали в училище. «Какие всё-таки они яркие здесь, – мелькнула у неё мысль. – Кажется, даже глазам больно смотреть. А вот и Луна». Край диска Луны показался в правом верхнем углу экрана. Жанна перевела взгляд на панели приборов. Слева все приборы, фиксировавшие работу двигателей, выключились – полёт шёл по инерции. Справа курсограф тянул нитку курса по звёздной карте. Экраны аварийных локаторов были темны. На нуле стояли гравиторы и инерционные показатели перегрузок. Тихую мелодичную ноту тянули приборы охраны электронных связей. Всё было тихо и привычно в кабине. Полёт должен был продолжаться всего только шестьдесят четыре минуты. Жанна взглянула на большие часы корабельного времени и нажала кнопку отсчёта: с момента выхода трассу прошло двадцать семь минут.

Прямо перед сидением пилота, между двумя экранами локаторов, в панель приборов был вмонтирован большой круглый зеркальный экран. Остановив на нем взгляд, Жанна увидела молодого космонавта в противоперегрузочном скафандре и шлеме и даже не сразу сообразила, что видит себя. Инстинктивно приподняв руки, чтобы поправить растрёпанную причёску, Жанна увидела свои руки в перчатках, наткнувшиеся на гладкое стекло скафандра. И в этот же момент раздался тревожный сигнал правого локатора, на экране вспыхнули многочисленные светлые точки метеорного роя, шедшие навстречу кораблю. Автопилот резко включил моторы поворота, в обход роя, но сейчас же вспыхнула ярким красным светом лампа прибора охраны электронных схем и номер схемы. «Неисправен автомат-пилот». Инстинктивно Жанна перевела управление на ручное и с

ужасом уставилась на правый экран локатора. Близко и прямо на корабль двигалась, занимая уже всю центральную часть экрана, освещённая солнцем горная цепь. Мгновенно остановившимся взглядом Жанна увидела блестящие на солнце скалы, глубокую тень, поблескивающие рёбра горных пиков, медленно поворачивающиеся в движении навстречу кораблю. Так же рефлекторно, не отдавая себе отчета, она включила на максимум левые двигатели поворота, и сразу страшная тяжесть десятикратной перегрузки расплющила её тело в кресле пилота и погасила сознание. Через секунду в глазах у неё прояснилось и она увидела, как по экрану косо с правого верхнего угла вниз скатывалась глыба метеорита, и через мгновение экран стал пуст и тёмн. Окончательно теряя сознание, Жанна выключила двигатель поворота, преодолевая тяжесть руки, весившей сейчас не менее сорока килограмм. В то же мгновение тяжесть исчезла, сознание вернулось к ней, и в мозгу вспыхнула фраза: «Сбилась с курса. Автопилот неисправен». Радиопеленг «Луны-Вымпел» зазвучал в шлемофоне, как только Жанна включила приёмную станцию. Выровняв курс, она сорвала пломбу с автопилота, подняла пластмассовую крышку и тотчас же увидела причину неисправности: от резкой боковой перегрузки из гнезда выпала одна из ламп освещения шкал и лежала, притянутая магнитным полем прибора, прямо на печатной схеме, коротко замыкая её на входе. Жанна дунула на неё, и невесомая лампа улетела под потолок, отразилась от него, ударилась в стену и начала описывать ломаные линии вокруг пульта управления. Включился автопилот, погас красный сигнал прибора охраны.

Жанна перевела дух, взглянула на часы и на локатор: пятьдесят минут в полёте, до Луны шестьдесят тысяч километров. Время начала торможения пропущено. Теперь её пронесёт далеко за Луну, пока она успеет погасить скорость и выйти на круговую орбиту облёта Луны. «Испорчен полет. Нечисто сделано, проклятая глыбина». Жанна тянула на себя рукоятку пуска моторов торможения. В это время мигнул и погас свет, двигатели не включились. Равнодушный автомат дал аварийное освещение. Вся панель приборов охраны горела красным светом: короткое замыкание основной подводящей линии. В центре экрана локатора горел огромный яркий диск Луны. «Прямо в центр со скоростью сто километров в секунду». Жанна почувствовала, как судорога перекосила лицо и холодная рука сжала сердце. «Линия дублирована. Щиток в кают-компании. Не забыть невесомость». Жанна резким толчком вылетела в коридор и успела схватиться за дверь кают-компании. «Разбить стекло. Выключить правый, включить левый». Вспыхнул свет, последним усилием Жанна рванулась в коридор и при выходе в рубку была прижата к стене: пилот-автомат начал маневр обхода и торможения.

Распластавшись по полу, теряя сознание, крича, Жанна ползла к пульта. Ей казалось, что прошли часы. На локаторе справа сверху бежали лунные цирки, горные цепи, корабль отворачивал от Луны. «Расстояние десять тысяч километров. Через полторы минуты удар». Цифры указателя

расстояний сменялись с чудовищной быстротой: восемь, пять, три, одна, тысяча. Ещё несколько секунд – и стрелка локатора замерла на нуле, включились оптические дальномеры. Пятьдесят километров, тридцать, десять; с верхнего правого угла экрана начала наползать чернота, мгновение – и горный пейзаж исчез, экран заискрился звёздами: корабль шёл над поверхностью Луны на высоте шесть километров. «Набирать высоту, продолжать подъём, не помню какая высота гор». Схлынула тяжесть: автопилот выключил двигатели. Жанна рванулась к пультам, и снова запели моторы, подымая корабль в высоту. Снова перегрузка. Выключив на мгновение двигатели, Жанна резко повернула в скафандре голову, прихватила зубами ампулу и судорожно проглотила две таблетки энергина. Включила двигатели торможения и задала автопилоту вывод на тысячекилометровую орбиту облёта. «Не меньше полчаса будет тормозить и разворачиваться, четырехкратная – ничего».

Взгляд Жанны замер на зеркальном экране: оттуда глядело страшное, перекошенное лицо, рот оттянулся в сторону и вниз, глаза вылезли из орбит, по лицу каплями катился пот. «Какая гадость, но живая. Лучше разбиться, чем видеть такую себя». Это начал действовать энергин. Жанна почувствовала, что судорога отпустила её лицо. «Облёт, тысячекилометровая орбита, фотографирование», – всплыли слова в сознании, тут же всё затопила радость: «Живая, живая». Но это было только мгновение. Её снова охватил страх. Она всматривалась в приборы, ожидая, что вот-вот вспыхнут красные лампы охраны электронных связей, что на экране появится контур летящей навстречу скалы, что курс проложен неверно и корабль падает на Луну, что метеорит пробьёт рубку. Несвязные мысли вспыхивали и гасли, мгновенно сменяя друг друга. Жанна готова была кричать, а может быть, кричала и выла, моля о помощи, но также внезапно успокоилась. Всё было тихо, пели двигатели торможения, успокоительно мерцали шкалы приборов. Жанна открыла глаза. Почувствовала перегрузку, сознание окончательно вернулось к ней. Собравшись с мыслями, она вызвала «Луну-Вымпел»:

«Луна-Вымпел», «Луна-Вымпел», я учебная двадцать восьмая, как слышите, как слышите. Приём».

Как из другого мира услышала она человеческий голос в наушниках. Радость охватила её, она кричала в микрофон: «Выхожу орбиту облёта, высота тысяча километров. Рассчитайте, сообщите: Земля, училище – время, параметры орбиты». Снова в шлемофоне зазвучал голос: «Вас понял. Связываюсь Землей. Удачного полёта». Жанна успокоилась, сползла с кресла и поползла к левому борту, к приборам инфракрасного фотографирования. Налаживая приборы, она часто лежала по две-три минуты, давая себе отдых. Наконец автомат фотографирования был приведён в готовность. Жанна долго лежала на полу, прежде чем решиться проделать путь до кресла. Наконец, собравшись с силами, перекаtywаясь, как её учили, доползла до кресла и улеглась около него

так, чтобы видеть приборы. Наверно, она на некоторое время потеряла сознание, потому что когда она снова открыла глаза, то было тихо, прекратилось пение моторов, а себя Жанна увидела плавающей под потолком в состоянии невесомости. Оттолкнувшись вниз, она добралась до кресла, пристегнула ремни и взглянула на экраны локаторов. Корабль пересекал линию терминатора и вступал в неосвещённую половину Луны. Жанна вспомнила, что, рассчитывая программу облёта, она установила момент фотографирования именно на неосвещённой стороне Луны. Она включила автомат фотографирования, застрекотали кинокамеры, останавливаясь на короткое время после каждых ста кадров. Корабль шёл со скоростью двадцать километров в секунду, значит, облёт будет продолжаться около двенадцати минут. Затем Жанна проверила: в автопилот введена программа ухода на трассу «Луна–Земля». «Снова два часа перегрузки», – подумала она. И в тот же момент блеснул освещённый край Луны и автопилот включил двигатели разгона.

В памяти Жанны не очень отчётливо сохранился обратный путь: временами наступали провалы. Особенно трудно дались ей торможение и посадка. Только везением объяснила она потом, что, запросив Землю и получив разрешение на посадку, она посадила свой двадцать восьмой впритирку к стартовой мачте, что в училище считалось сверхклассом и удавалось одному из тысячи.

Выходя из люка, Жанна нашла ещё в себе силы встать по стойке «смирно» при встрече с начальником училища. Тот выслушал её доклад, внимательно взгляделся в её лицо и приказал ей идти отдыхать и явиться завтра к нему в одиннадцать ноль-ноль.

Наставник, тайно сопровождавший Жанну в полете, с трудом выполз из люка и некоторое время стоял, мутными глазами глядя на начальника училища.

– Задала гонку, я уж жалел, что решил показать ей короткое замыкание и падение на Луну. Ну и то сказать, другие сходят с ума, теряют сознание, болеют потом несколько месяцев, а она выдержала всю программу, и брать управление мне не пришлось. Ошибок допущено не было. Реакция мгновенная и правильная. Перегрузку выносит прекрасно. Корабль знает до мелочей. Исключительно волевая: в самом плохом состоянии твёрдо ведет программу, не давая себе отдыха и не позволяя кораблю пройти ни одного лишнего километра. Пилот первого класса.

На другой день состоялся детальный разбор полета Жанны в присутствии преподавателей училища и всего выпускного класса. Отчитываясь минута за минутой в своём полете и глядя на ленты навигационных приборов, Жанна вдруг замолчала, а потом яркая краска залила её лицо, она взглянула на начальника училища и только открыла рот, чтобы сказать что-то, как последовал приказ:

– Приказываю молчать. – Наступила пауза. – Приказываю продолжать разбор с того момента, как вы обнаружили замыкание питательной сети.

– Но я обнаружила...

Начальник снова оборвал её:

– А я ещё раз приказываю вам молчать о том, что вы обнаружили, и продолжать с того места, когда вы поняли, что корабль потерпел серьёзную аварию и падает на Луну.

Жанна глядела на начальника со всё возрастающим изумлением, не понимая, что от неё хотят и почему ей запрещают говорить то, что ей нужно сказать. Тут какое-то насилие. И снова как удар по лицу:

– Если вы будете молчать, то за растерянность и недисциплинированность вы будете выпущены диспетчером на второстепенный аэродром, без права полетов.

Проглотив это оскорбление, Жанна собралась с силами и продолжала свой доклад, отвечала на вопросы, уточняла детали полёта и выполнения задания. Были показаны снимки в инфракрасных лучах неосвещённой части Луны, зачитана телеграмма «Луны-Вымпел» об облёте, сравнены параметры орбиты с заданной, проанализировано время полёта с точки зрения ненужных затрат. Несколько раз Жанна порывалась задать начальнику вопрос, но каждый раз, предупреждая её, он очень резко обрывал её и, наконец, сказал:

– Неужели вы до сих пор не можете понять, что я не допускаю как раз того вопроса, который вы хотите задать. Возьмите себя в руки. Забудьте про этот вопрос. Будьте внимательнее и отвечайте на другие вопросы.

Когда разбор кончился, курсанты весёлой гурьбой стали выходить из класса. Начальник училища задержал Жанну.

– Вот теперь скажите, что вы хотели?

– Я обнаружила, что время на лентах приборов и на часах разошлось на тридцать минут. Значит, я была ещё только в начале пути к Луне и имела достаточно времени для маневра расхождения и облёта. Но тогда я не могу понять, что же показывали локаторы и телескопы?

Тогда, взяв с неё слово молчать, начальник рассказал ей о том, как обставляются экзаменационные полеты. Жанне было стыдно за пережитое во время полёта. Задумчивая, вышла она из кабинета начальника и не отвечала на вопросы окруживших её сослуживцев.

Через два дня перед строем зачитывался приказ о присвоении званий пилотов выпускному классу. Первой была названа Жанна Девир: ей было присвоено звание пилота первого класса и дано право полётов без ограничения солнечной системой.

Юрий СОКОЛОВ

(Новокузнецк)

Смена времен власти

Над городом висел изнуряющий зной, что неудивительно для поры, когда Летняя Власть в полной силе. Жара стала невыносимой, и люди,

изнывая по ночам в своих бетонных и кирпичных норах, взывали к равнодушному небу: «Доколе же нам быть под Властью Лета? Довольно! Довольно!»

А как хорошо всё начиналось... Ласковое весеннее солнышко, пробивающаяся повсюду молодая травка, планы о поездках в лес по грибы, на рыбалку и на шашлыки. Но теперь, отработав неделю, трудовое большинство могло лишь дотащиться до ближайшего пляжа попить пива. По вечерам, истекая потом перед телевизорами, люди узнавали о новых и новых достижениях Летней Власти. Плюс тридцать... плюс тридцать пять... плюс тридцать восемь... Приправой к безоблачному небу служил приток горячего воздуха из среднеазиатских стран. Какие тут грибы? Да и доступ в лес оказался перекрыт из-за опасности пожаров.

На подоконниках распахнутых настёж окон за неделю оседало столько пыли и сажи, что на них можно было устраивать грядки. Горячую воду отключили в связи с ремонтом трасс. В городских храмах шли молебны о дожде, но на землю не падало ни капли. Антиклерикалы попеременно связывали молитвенное бессилие Церкви с наличием в собственности у некоторых священников автомобилей «Запорожец», часов с кукушками и секций римского типа. Атака на Церковь имела свои результаты: одного батюшку чуть было не отдали под суд за то, что он задавил восемнадцать купающихся, катаясь на водном мотоцикле.

Всеобщее возмущение Летней Властью росло пропорционально повышению температуры. Чёрт побери, разве нам ЭТО обещали весной? Сколько ещё терпеть?

В Интернете появился сайт под названием «Летняя Власть должна уйти». Националистически настроенные граждане призывали перекрыть приток горячего воздуха из стран Средней Азии. Синоптики успокаивали всех и вся, утверждая, что жара спадёт со дня на день. Знатоки из народа, больше верившие старым приметам, говорили, что этого не произойдёт. Жара будет стоять ещё долго, вздыхали они. Потому что нет причин для её ухода. Лето, понимаете ли... Когда же причины появятся, всё произойдёт само собой. Относительное спокойствие сохраняли только люди состоятельные, заблаговременно установившие в квартирах кондиционеры и имевшие возможность выезжать в свои уютные коттеджи далеко за городом. Они даже добывали себе разрешения на строго запрещённые пикники в лесу.

А Летней Власти не было дела ни до задавленного зноем населения, ни до синоптиков, ни до знатоков, хотя последние и были правы. Но вот подошли времена, о которых те толковали, и грянула Великая Осенняя Революция.

Жара отступила, пошли дожди. Летняя Власть ослабела, и люди начали жалеть об этом гораздо раньше, чем выпал первый снег. Что хорошего в этой Осенней Революции? Грязь, лужи, холодный ветер, быстро остужающий бетонные и кирпичные норы, в которых пока не включили отопление. И хотя

Летняя Власть ещё была в своих правах, всё чаще обнажалось то, что раньше она скрывала под своим зелёным покровом. Трава засохла и пала на землю, прибитая непрерывными дождями, выставив на всеобщее обозрение грязные пивные бутылки, сигаретные пачки, использованные презервативы и прочий мусор. Ничто уже не могло скрыть кучки собачьего кала, оставляемые на газонах питомцами состоятельных жильцов из квартир с кондиционерами. Листья опали, и дворникам с мусорщиками пришлось немало потрудиться, чтобы пожечь и вывести на помойки всю ту дрянь, которую оставила после себя Летняя Власть.

Но вот период межсезонья кончился, и воцарилась Власть Зимы. Она пришла – сначала неуверенно, прощупывая город белыми ленточками поземки. Народ возликовал. Ура! Скоро в лес, на шашлыки, на зимнюю рыбалку! Или на охоту – на зайцев. Но вот ударили морозы, и Зимняя Власть покрыла землю снегом, сковав её холодом, как кандалами. Покрыла и всё – понимаете? Надёжно и надолго.

Подходящие для рыбалки пруды в окрестностях города промерзли до дна. Охоту на зайцев запретили в связи с малочисленностью популяции. Ничего не оставалось, как сидеть у телевизора и слушать ежедневные бодрые доклады синоптиков о новых успехах Зимней Власти. Минус тридцать... Минус сорок... Минус сорок пять... Ого! Тут не только до леса, до городского катка не добежишь.

И люди изнывали от холода в своих бетонных и кирпичных норах, когда им временами отключали отопление. Но и с рабочими батарееми дома бывало весьма прохладно. Сквозь заклеенные бумажными полосками оконные рамы всё равно каким-то чудом просачивалась сажа.

«Да зачем нам это нужно? Да когда это кончится?»

Снег, бывший таким непорочно-белым вначале, почернел от городской копоти точно так же, как от неё чернели листья летом. Редкие оттепели не могли порадовать ничем, кроме гололёда на дорогах. Белые ленточки позёмки, превратившиеся в откормленных снежных удавов, патрулировали улицы, зло швыряя в лица прохожих колючую ледяную крупу. В Интернете появился сайт «Зимняя Власть должна уйти!». Знатоки возражали, что Власть Зимы никуда не уйдёт, пока её время не кончится. И что нам толку, если одна власть сменится другой? Воздух в городе чище не станет, поливальных машин у нас не больше, чем снегоуборочных, да и те работают через раз. Как у нас были дырявые бараки и тесные коммуналки, так и останутся; как у нас не было денег, так и не появится. «Вы ничего не понимаете! – кричали на них. – Новая Летняя Власть будет совсем не такой, как прежняя! И, естественно, получше, чем Зимняя!» Относительное спокойствие сохраняли только состоятельные жильцы, у которых стояли обогреватели, пластиковые окна, не пропускающие в квартиры сажу и холод, а также имелась возможность выбраться далеко за город покататься на горных лыжах. Они даже умудрялись пробивать себе лицензии на отстрел малочисленных зайцев.

Но вот подул долгожданный тёплый ветер перемен, и грянула Великая Весенняя Революция. Непобедимые белые сугробы, с которыми не могли справиться ни дворники, ни разбитая техника, съёжились и растаяли, выбросив на всеобщее обозрение то, что так долго скрывала Зимняя Власть. Тут и бутылки, и сигаретные пачки, и использованные презервативы... И, конечно же, кучки собачьего кала, которые понаоставляли повсюду домашние любимцы состоятельных жильцов. Мусорщики, отчаянно ругаясь, вывозили на помойки бесчисленные тонны послезимней гадости. Снова грязь, распутица и вопли «Да зачем нам это было нужно?» и «Доколе?..»

Однако, сколько ни тянулось межсезонье, оно закончилось. Повсюду пробивалась молодая зелёная травка. Народ ликовал. Скоро махнём на речку, в лес, на шашлыки, на рыбалку! Состоятельные жильцы отключали обогреватели и проверяли работоспособность кондиционеров. Некоторые и вовсе готовились к переезду в свои загородные коттеджи. Знатoki народных примет, у которых денег на кондиционеры не было, запасались вентиляторами.

Игорь ЕВСЕЕВ

(Пестово Новгородской обл.)

Банальная история

Их грубо вытолкали из вагонов и, построив парами, повели в сторону моря. Выйдя на прибрежный пляж, они сбились в тесную кучу, стараясь держаться как можно дальше от лениво набегающих на песчаный берег ласковых волн, от которых, когда волнение усиливалось, шарахались даже конвоиры, одетые в серебристые защитные комбинезоны.

Вставало солнце. Ночная прохлада отступала. Заключенные, как ни старались плотнее прижаться друг к другу, не могли долго сопротивляться неизбежному. Вот всхлипнул один из них... другой... и вскоре почти у всех по измождённым лицам потекли слёзы.

Не зря знаменитые сочинские пляжи считались самым страшным наказанием для непокорных арктических снеговиков.

Охотники

Волк затаился в самой гуще непролазного кустарника, однако новенький карабин с оптическим прицелом не оставил серому хищнику ни малейшего шанса...

Напарник стрелявшего первым подошёл к убитому зверю и остолбенел. Туловище лесного жителя перетягивал патронташ, а лапы сжимали обрез, сделанный из старенькой одностволки...

Спустя минуту подошёл и обладатель новенького карабина.

– Чего это ты его вырядил? Для фото, что ли? – спросил он приятеля.

– Н-н-ничего я н-не делал, – растерянно и слегка заикаясь, чего за ним

ранее не замечалось, ответил тот. – М-может, ты сам в-всё п-подстроил, а теперь дурака валяешь?...

Однако выяснить, чьи это шутки, времени охотникам не оставили...

Последним, что услышали двуногие убийцы, был гром выстрелившего дуллетом ружья.

Удовлетворённо хрюкнув, кабан перезарядил двустволку.

– Собачек тоже неплохо бы пострелять, совсем о родстве забыли, – сказал он, провожая взглядом убегающих в панике собак, но стоявший рядом медведь, возразил:

– Нет, только охотников, – он был категоричен. – А то мы сами, как собаки станем...

– А Серого всё-таки жалко, поторопился...

– И поплатился, – перебил медведь товарища...

– Уж очень он хотел с двуногими рассчитаться, – тяжело вздохнул кабан. – За всех своих предков...

– Ну, ничего, теперь мы на равных, – ответил медведь, разглядывая окрестности в оптический прицел новенького трофея.

Без единого гвоздика

– Эй, мастер! Говорят, ты всё можешь, – в дверях стоял породистый господин очень важной наружности. – Сейф нужен.

– Сейф так сейф, – мастер встал и, отложив в сторону какую-то хитрую штуковину, подошёл взглянуть на чертежи.

– Сможешь такой? – поинтересовался заказчик.

– Чего же не смочь, – ответил мастер, – сделаем.

– Ты смотри, к выходному должен быть готов, – распорядился породистый. – Боссу везу, в подарок...

В воскресенье, увидев готовое изделие, заказчик покраснел, как рак в кипятке, и, выпучив глаза, стал беззвучно разевать рот, будто рыба, выброшенная на берег.

Мастер терпеливо ждал...

Через некоторое время, частично восстановив свои речевые способности, посетитель стал издавать какие-то звуки.

– Эт-то ч-чт-то т-так-кое? – с трудом пробормотал он, теперь уже изрядно побледнев. Видимо, от этого подарка боссу зависела его, если не судьба, то карьера – наверняка.

– Как – что? – удивился мастер. – Сейф. Как просили. Всё по чертежам, без единого гвоздика.

Он подошел к изделию и с любовью погладил лакированную поверхность.

– Какой, к черту, сейф! Какой гвоздик! – заорал клиент, выдавая рекордные децибелы. – Он же деревянный!

– Конечно, деревянный, – невозмутимо ответил мастер, – а вы что хотели, я же мастер по дереву.

– Идиот! – взвизгнул заказчик, замахиваясь уже на рекордные октавы.

– Его же любой кретин откроет! Распилит к чертям собачьим!

– Вы, господин, сначала откройте, – невозмутимо ответил мастер.

– Ты, похоже, издеваешься, – перешёл на злобное шипение клиент. – Да я тебя патента лишу за обман, вместе с мастерской твоей деревянной.

– Если откроете, – тут же согласился мастер. – А если нет, то заплатите в десятикратном размере.

– Ну, пеняй на себя, не пожалею, – закаменев лицом, пообещал породистый господин.

И они ударили по рукам, разумеется, в присутствии уважаемого нотариуса и не менее уважаемых свидетелей, то есть любопытных зевак, которых к этому времени набилось в мастерскую предостаточно.

Несколько следующих дней были посвящены деревянному изделию.

Приглашённые «специалисты», для начала, перепробовали все ключи и отмычки. Затем испортили дюжину пил и ножовок. Потом сломали топориче огромного топора и были с позором изгнаны рассвирепевшим заказчиком. Знаменитый «медвежатник» Никола Ключник также потратил несколько дней, и трудился он не за деньги, а ради престижа, однако, в конце концов, плюнул и ушёл сам.

После этого взбешённый заказчик вынес сейф во двор, обложив его при этом всеми известными ему ругательствами, затем добавил охапку сухих берёзовых поленьев и поджёг. Загорелось хорошо. Крепкие выражения, кто не знает, иногда отлично заменяют солёрку. Посмотреть на этот костер собрались жители почти всех окрестных домов...

Когда дым рассеялся, в самом центре тлеющих головёшек стоял совершенно неповреждённый и даже не закоптившийся сейф. Замерев, безмолвствовала толпа. Признав своё поражение, вдоль фонарного столба медленно сползал на землю обессиленный заказчик, а перед ним стоял невозмутимый мастер и со снисходительной улыбкой ожидал оплаты своего выигрыша.

– Эй, мастер, – послышался в тишине чей-то приглушённый голос. – А космический корабль сделаешь?

– Да запросто, – ответил мастер. – Без единого гвоздика.

Кира МАЛЬЦЕВА

Эксперимент

Часть 1

Сидоров решил отправиться в будущее. В настоящем ему было плохо и неуютно.

На работе не ладилось. Сын-«оболтус» приносил двойки и приглашения явиться для очередной беседы с классным руководителем.

Жена Людмила не давала покоя, требуя: то – купить картошки, то – вынести мусор, то – пропылесосить ковер; а, главное – не уважала изобретательской деятельности Сидорова, называя всё это: «Чем бы дитя не тешилось...», и постоянно «тыкала его носом» в бреши, пробитые в тощем семейном бюджете его «чёртовым увлечением».

И вот, отправившись в очередной недельный «отпуск без содержания» по причине «отсутствия фронта работ», Сидоров понял – момент настал. В настоящем ни его голова, ни его руки не нужны. Торговать, то есть «делать деньги», он не научится никогда, как бы ни «пилила» его Людмила, приводя в пример своих удачливых знакомых. Может быть, он пригодится в будущем, а не пригодится – так хоть посмотрит, как там люди живут...

«Машина времени» была готова. Сидоров бился над ней два года, превратив в лабораторию бывшую комнату тётчи. Тётца, по мнению Людмилы, «на старости лет сойдя с ума», вдруг заявила, что отдала им достаточно лет жизни, пора подумать и о себе – и, удивив всех, вышла замуж и переехала к мужу. Замужество оказалось на редкость удачным, и, обретя покой и счастье впервые в жизни, тётца, на радостях, полюбила вдруг и Сидорова, оставив в его полное распоряжение свою маленькую комнатку. Она почти совсем перестала приходить к ним, звонила иногда и периодически забирала к себе внука.

Сидоров, впервые в своей тридцатилетней жизни, вдруг обрёл собственную комнату, «лабораторию», как любовно называл её он, и «берлогу», как пренебрежительно говорила Людмила.

Перед путешествием он честно вынес мусор, вымыл посуду и пропылесосил ковер. Время пришло.

«В дорогу» он решил отправиться в десять часов. Никто не мог помешать. Сын до обеда в школе, Людмила на работе.

Сидоров долго думал над запиской, объясняющей его исчезновение. Писать он был не мастер.

Наконец, тяжело вздохнув, он сел к столу и написал: «Прощайте, родные мои! Надолго отправляюсь в будущее. Сынок, слушайся маму! Людмила, прости, коли что не так... Привет тётше».

Больше писать, вроде бы, было нечего. Оставив записку на видном месте, на диване, Сидоров надел спортивный костюм, и, подумав, кроссовки. Появляться в будущем в домашних тапочках было как-то неловко. Он положил в карман паспорт, военный билет и семейную фотографию.

Подсев к столу, Сидоров проверил питание на установке, надел на голову присоединённый к «Машине времени» шлем, переделанный из мотоциклетного, и задумался над таймером.

Жалко было так надолго расставаться с сыном, но Людмила, всё же, его «достала». Сидоров, решившись, установил таймер на 35 лет, по номеру своей квартиры. Когда его эксперимент удастся, в чём он не сомневался, сын, наконец-то, сможет им гордиться, а Людмила – так ей и надо, она никогда не ценила его, и не верила в его талант! Так уж он с ней

точно больше не встретится! Она выйдет замуж, по примеру тещи, и пусть будет счастлива...

Всё было готово. Глубоко вздохнув, Сидоров нажал на красную кнопку «Пуск», и зажмурился. Путешествие началось...

Часть 2

В эту минуту злой и раздражённый жэковский электрик дядя Федя стоял у распределительного щитка на втором этаже.

Злым и раздражительным дядя Федя стал по причине двухнедельной вынужденной трезвости. Зарплату не платили третий месяц. (События происходили во время тотальных неплатежей).

Дядя Федя не был кристально честен, но даже он не смог решиться оторвать от скромной суммы выданного жэковским кассиром аванса деньги на выпивку.

Так что – ни тебе выпить по-человечески, ни закусить, ни, тем более, опохмелиться, – было нечем. Поэтому, когда утром его вызвали к мастеру и вручили список «злостных неплательщиков квартплаты», поручив провести временное, на три часа отключение электроэнергии, дядя Федя, несмотря на дополнительную работу, злорадно усмехнулся.

Мастер, на всякий случай, сказал, что мера эта, конечно, не совсем законная, но действенная. В суд из-за трёх часов никто не побежит, зато сразу начнут звонить в ЖЭК, а им в ответ: – «Не хотите ли погасить долг за квартиру, и свет, в том числе?»

«Пусть им тоже будет несладко, холодильники-то уж точно «потекут», – подумал дядя Федя. – Будут знать, как оставлять трудящихся людей без законной зарплаты!» – «разжигал» он себя.

Того, что многие «неплательщики» сами сидят без зарплаты, дядя Федя как-то не хотел брать во внимание. У них – свои проблемы, а у него – свои!

Начал он своё местное «веерное отключение электроэнергии» с квартиры № 35, поднялся на второй этаж, открыл щиток и решительно отсоединил кабель. «Допрыгались, голубчики!» Добравшись до пятого этажа, дядя Федя ещё раз посмотрел в список, и, огорчённый, чертыхнулся. «Ну что за почерк у этой Марьи Ивановны, сразу и не разберешь! Вот, опять лишняя работа. Надо было отключить не 35, а 33 квартиру». Пришлось спускаться, опять подключать к электроэнергии квартиру № 35.

Да, день начался явно неудачно!

Часть 3

У Людмилы день начался тоже неудачно.

Утром она опоздала на работу, как всегда, по причине в очередной раз сломавшегося трамвая. Другого транспорта от их «тустика» просто не было.

А через час, оступившись на лестнице, она сломала каблук у туфли. Пришлось срочно брать служебную машину и ехать домой, менять туфли.

Было уже одиннадцать часов, когда она, прихрамывая, вошла в квартиру. Её сразу насторожила тишина. Неужели Сидоров ещё спит?

Обычно он вставал «чуть свет», и сразу отправлялся в свою «берлогу», пропадая там весь день.

«Нет, чтобы чем-нибудь дельным заняться, – с привычным раздражением подумала Людмила, – все люди, как люди, а тут!..»

Потом она насторожилась, заметив чистый ковёр. Зашла на кухню, и, не найдя в раковине привычно оставляемой Сидоровым после завтрака посуды, забеспокоилась ещё больше, а, заглянув под мойку и увидев пустое мусорное ведро, поняла окончательно – тут что-то не так!

Войдя в комнату, она заметила на диване записку. Людмила схватила её и, не веря своим глазам, начала читать: «Прощайте, родные мои...»

Она рванулась в «берлогу». Там Сидорова не было тоже. У стола стояло его любимое, подаренное тещей вместе с комнатой старое кресло, а на столе, на его «дурачком аппарате» весело мигали разноцветные лампочки; аппарат тихонько жужжал, и, как будто, издевался над Людмилой.

«Опять дурацкие шуточки!» – с облегчением подумала она, и обошла кресло, чтобы забрать и повесить на место спортивный костюм, как всегда брошенный неряхой-Сидоровым где попало.

И тут Людмила тихонько ахнула. На костюме, сладко посапывая и счастливо чему-то улыбаясь во сне, лежал светловолосый младенец с сидоровской родинкой на щеке, как две капли воды похожий на сидоровский портрет в нежном годовалом возрасте, и сосредоточенно сосал палец. На голове у младенца был мотоциклетный шлем...

И всё-таки эксперимент удался! Уж он-то точно попадёт в то будущее, в которое так стремился Сидоров...

Осторожно прикрыв голого младенца свёрнутой махровой простыней, которой любил укрываться Сидоров, лежа на диване, Людмила загородила его подушкой, чтобы не упал.

Взгляд её остановился на цифре «35», высвеченной на аппарате. «Доигрался, подлец!» – подумала она и, обречённо вздохнув, пошла варить манную кашу.

Сидоров всегда любил плотно покушать!

Рисунок Веры Петуховой (Саяногорск)

Подборка высказываний о фантастике

Фантастика существует потому, что человек больше не может без неё обходиться.

Владимир МИХАЙЛОВ

Фантастика – это литература проблем человека и науки, литература о будущем. И если народ читает фантастику, то, значит, он смотрит вперёд, значит, связывает свою судьбу с судьбами науки.

Станислав ЛЕМ

Фантастика скорее похожа на гигантскую и могущественную лупу, в которую мы рассматриваем тенденции развития – социальные, моральные, философские... В сущности, говоря о будущем, о жизни на далёких планетах, я говорю о современных проблемах и своих современниках, лишь облачённых в галактические одежды.

Станислав ЛЕМ

История достигла точки, когда человечеству больше нельзя враждовать... И я совершенно серьёзно полагаю, что научная фантастика есть одно из звеньев, которые помогают соединить человечество.

Айзек АЗИМОВ

У меня есть свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называют почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казённый взгляд на них, по моему, не есть ещё реализм, а даже напротив.

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

Нравится нам это или нет, мы живём в быстро изменчивом мире, где сбывается или может сбыться самое фантастическое. В пору столь резкого ускорения прогресса вопросом вопросов становится духовное предуготовление человека к небывалым новациям будущего. Всякое изменение требует адаптации, и коль скоро будущее несёт изобилие перемен, то проблема психологической адаптации к будущему, никогда не встававшая перед обществом, приобретает исключительное значение.

Дмитрий БИЛЕНКИН

Функция научной фантастики – не только описывать будущее, но и зачёркивать его.

Рэй БРЭДБЕРИ

Фантастика всегда была одним из способов художественного исследования мира.

Адольф УРБАН

Фантастические допущения – лишь сгусток того, с чем мы встречаемся сегодня и можем столкнуться завтра. Способность фантастики рассматривать жизненные процессы как бы сквозь волшебные стёкла, убыстряющие бег времени, помогает осмыслить уже осуществившиеся или неминуемые в обозримом будущем перемены, к

которым приводят социальные движения нашего времени и научно-техническая революция.

Евгений БРАНДИС

Фантастика – та область искусства, которая показывает неисчерпаемые творческие возможности человека.

Михаил АНЧАРОВ

...научная фантастика, помимо всего прочего, – как бы сводка определённых сегодняшних представлений о завтрашнем дне.

Игорь БЕСТУЖЕВ-ЛАДА

Нужно было что-нибудь особенное, чтобы мы заметили этого слизняка – майора Ковалёва, среди миллиона ему подобных. Фантастическое – это та капля анилина, которая окрашивает клеточки организма под микроскопом, – благодаря необычности положения героя мы лучше видим и понимаем, что это был за человек.

Иннокентий АННЕНСКИЙ

Реалисты неверны, ибо человек есть целое в будущем, а вовсе не исчерпывается весь настоящим.

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

Фантастика – это литературный жанр, к которому мы находим элементы чего-то Неожиданного, Небывалого и Невозможного.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Главные задачи литературы сегодня те же, что и всегда: отражение мира во всей его сложности без упрощенчества, без самообольщения и без так называемой лжи во спасение. Литература должна быть умом и совестью своего времени, и каждый литератор должен работать, имея в виду это и только это.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Фантастика – это литература о столкновении вчерашнего человека с завтрашним днём, который он сегодня творит.

Игорь БЕСТУЖЕВ-ЛАДА

Фантастическое в искусстве имеет предел и правила. Фантастическое должно до того соприкоснуться с реальным, что Вы должны *почти* поверить ему.

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

Очевидное для писателя вообще не предмет. Общеизвестно, что литература, если она, конечно, литература, – всегда открытие. Если открытие вопиёт о себе в сегодняшнем дне и писатель его вытаскивает, это – «обычная», нефантастическая литература. А если в сегодняшнем дне вызревает что-то, казалось бы, невероятное, пока ещё молчаливое, скрытое, прячущееся за проблемами настоящего, то об этом пишем мы. Мы, фантасты, – реалисты на свой манер и лад.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Фантастика рассматривает человека, историю и природу в свете их нераскрывшихся альтернатив и до времени невыявившихся потенций. Поэтому, если угодно, и она реализм, но реализм невыявившегося, невероятного, неожиданного. Освещённая её лучами, реальность

раскрывается весьма глубоко, ибо это не столько солнечные, сколько рентгеновские лучи.

Евгений ТАМАРЧЕНКО

Не всякий человек пригоден стать в центре научно-фантастического произведения. Его главный герой – это человек, который сейчас только вылупляется из куколки и становится бабочкой, вылетающей в мировое пространство.

Кирилл АНДРЕЕВ

Писатель может окрашивать фантазию действительной жизнью, по временам, местами, чтобы она не была слишком призрачна и прозрачна.

И.А.ГОНЧАРОВ

Миф есть, в сущности своей, мечта о странном – мечта вселенская и мечта личная...

Александр БЛОК

Фантастика – разновидность художественной литературы; её исходной идейно-эстетической установкой является диктат воображения над реальностью, порождающий картину «чудесного мира», противопоставленного обыденной действительности и привычным представлениям о правдоподобии.

В.С.МУРАВЬЁВ

Завтрашний день приходит в нашу жизнь быстрее, чем мы того ожидали, и фантастика, моделируя этот завтрашний день, стараясь объяснить его, нащупать ещё не различимые пути в него, с каждым днём становится нужнее миллионам читателей. К ней обращаются в поисках ответов, в ней ищут героев, способных победить непобедимое и решить неразрешимое, в ней пытаются найти пути к мечте...

Кир БУЛЫЧЕВ

Я рассматриваю фантастику не как пророчество, а как изображение благоприятных и неблагоприятных возможностей, над которыми следует задуматься. От решений, принятых сегодня, зависит и то, что ждёт нас завтра. Прошлое нас только учит, на будущее мы ещё можем воздействовать, вот почему будущее для нас намного интересней прошлого, а утопический роман интересней исторического.

Герберт В. ФРАНКЕ

Старый метод – сначала проводить испытания, потом исправлять ошибки – больше не годится. Мы живём в эпоху, когда одна ошибка может сделать уже невозможными никакие другие испытания. Научно-фантастическая литература даёт людям средство экспериментировать там, где экспериментировать на практике стало нельзя.

Дж. КЭМПБЕЛ-мл.

...мечта о приложении научных достижений к человеку, к преобразованию природы, общества и самого человека составляет сущность настоящей научной фантастики.

Иван ЕФРЕМОВ

Рисунок Вадима Сойфера (Новокузнецк)

Гости клуба на клубных страничках и в клубных изданиях

АРБИТМАН Роман Эмильевич (Саратов)

Борис, который оказался прав : [статья о председателе Волгоградского КЛФ «Ветер времени» Борисе Завгороднем] / Роман Арбитман // Кузнецкий рабочий. – 1992. – 20 июня. – № 117. – С. 4.

«Завтра» начинается сегодня : [статья о московском альманахе фантастики] / Роман Арбитман // Кузнецкий рабочий. – 1992. – 26 сентября. – № 174. – С. 2.

БАГДЕРИНА Светлана Анатольевна (Воткинск)

Ведьма : [рассказ] / Светлана Багдерина // Бойтесь своих желаний – они иногда сбываются : конкурс фантастического рассказа, посвященного 35-летию КЛФ «Контакт» / сост. – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2013. – С. 5–20.

БАЛАХНИН Георгий Васильевич (Новокузнецк)

Час Божий : одноактные пьесы / Георгий Балахнин, Евгения Костина, Сергей Ерофеев ; отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011. – 44 с. : портр., ил.

БАРАНОВ Сергей Борисович (Абакан)

В мире прекрасного : [рассказ] // Сельская правда. – 1988. – 24 сентября.
– № 116, 117. – С. 6.

Беркович Михаил Фадеевич (Новокузнецк, позднее – Израиль)

Странник : [венок сонетов] / Михаил Беркович // Я слову жизнь свою
передаю : венки сонетов в Новокузнецке ; сост. – Калашников Н.Н. ;
Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.
В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт».
– Новокузнецк, 2011. – С. 3–9.

БЕЛЕЦКАЯ Наталья (Новосибирск)

[Без названия] : [статья о ролевых играх и их участниках] / Наталья
Белецкая // Альманах клуба «Контакт» № 4 / сост. – Н.Калашников. –
Новокузнецк, 2003. – С. 80–86.

БЕРЦЕВА Татьяна (Татьяна Владимировна Изотова, Санкт-Петербург)

Готов на всё! : [рассказ] / Татьяна Берцева // Бойтесь своих желаний – они
иногда сбываются : конкурс фантастического рассказа, посвящённого 35-
летию КЛФ «Контакт» / сост. – Калашников Н.Н. ; Центральная городская
библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей
фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2013. – С. 114–123.

БОГАЧЕВ Сергей Сергеевич (Новокузнецк)

Верую! : стихи / Сергей Богачев ; сост. – Калашников Н. Н. ;
Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им.
Н.В.Гоголя, Творческая мастерская «Мастер-круг», Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 84 с.

Хлебнув непротivления добру : стихи / Сергей Богачев ; отв. за выпуск
– Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная
библиотечная система им. Н.В.Гоголя, Творческая мастерская «Мастер-круг»,
Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». –
Новокузнецк, 2012. – 32 с. : портр.

БРЮСОВ Валерий Яковлевич

Предание о Луне : баллада; Последний день : [поэма]; Мир электрона;
Чёрт и ведьма : [стихи] / В.Я.Брюсов // Альманах клуба «Контакт» № 1 / сост.
– Н.Калашников. – Новокузнецк, 1986. – С. 57–62.

БУЗИН Сергей Архимедович (Новокузнецк)

Контакт : [фантастич. рассказ] / Сергей Бузин // Сельская правда. – 1988. –
11 июня. – № 71, 72. – С. 6.

Последняя тарелка : [НФ-рассказ] / Сергей Бузин // Кузнецкий рабочий. –
1993. – 1 мая. – № 57. – С. 4.

Пассажир из прошлого : [рассказ] / Сергей Бузин // Пестовская правда. –
2008. – 30 января – С. 16 ; *то же* : [минирассказ] / Сергей Бузин // Микро:
[Подборка минирассказов, номинируемых на премию «Интерпресскон»] –
СПб., Лениздат, 2009. – С. 15 ; *то же* : (фантастич. миниатюра) / Сергей
Бузин // Усятская россыпь. – Вып. № 7. – Май 2010. – С. 39.

БЫКОВ Сергей Аркадьевич (Новокузнецк)

Не от хорошей жизни : [фантастич. рассказ] / С. Быков // Сельская правда.
– 1988. – 6 февраля. – № 16, 17. – С. 6.

ВАЛИУЛИН Владимир Григорьевич (Новокузнецк)

Иванов и русалка : [фантастич. рассказ] / Владимир Валиулин // Сельская правда. – 1988. – 2 апреля. – № 40, 41. – С. 6 ; *то же* // Кузнецкий рабочий. – 1991. – 21 сентября. – № 175. – С. 4.

ВАСИЛЬЕВА Наталья (Новокузнецк)

Трусливый медведь : (сказка) / Наташа Васильева // Сельские вести. – 2004. – 5 ноября. – № 133–134. – С. 7.

ВОЛОШИН Максимилиан Александрович

CORONA ASTRALIS (Звёздный венок) : [венки сонетов] / М.А.Волошин // Альманах клуба «Контакт» № 2 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1987–1989. – С. 53–59.

ГРДИНА Юрий Вячеславович (Новокузнецк)

Выпускной полёт Жанны Девири : [из романа «Блестящий мир»] / Юрий Грдина // Кузнецкий рабочий. – 2012. – 22 марта. – № 33. – С. 10.

ДЕНИСИУК Лариса (Новосибирск)

«Два воинства сошлись в пыли...» : [стихотворение] / Лариса Денисюк // Кузнецкий рабочий. – 1992. – 19 сентября. – № 171. – С. 4.

ЕВСЕЕВ Игорь Владимирович (Пестово Новгородской обл.)

Сегодня мне приснились крокодилы : [стихотворение] / Игорь Евсеев // Кузнецкий рабочий. – 1992. – 20 июня. – № 117. – С. 4.

Сад : [мини-рассказ] / Игорь Евсеев // Кузнецкий рабочий. – 1995. – 15 июля. – № 84. – С. 4.

На Марс с Московского вокзала : [фантастич. рассказ] / Игорь Евсеев // Кузнецкий рабочий. – 1998. – 10 января. – № 4. – С. 4.

Главный враг : [рассказ] / Игорь Евсеев // Губернские ведомости. – 2002. – 27 апреля. – № 79. – С. 3.

Барьер познания : [микрорассказ] / Игорь Евсеев // Сельские вести. – 2006. – 4 августа. – № 88–89. – С. 6.

Один плацкартный до Марса : проза, публицистика / Игорь Евсеев ; сост. – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт», Межрегиональная фэн-группа «Людены». – Новокузнецк, 2012. – 60 с.

Собаки неопознанной породы : стихи и песни / Игорь Евсеев ; сост. – Калашников Н.Н. ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт», Межрегиональная фэн-группа «Людены». – Новокузнецк, 2012. – 48 с.

ЕРОФЕЕВ Сергей Сергеевич (Новокузнецк)

Менгир : Проза и стихи / Сергей Ерофеев ; отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011. – 56 с. : портр.

Акт веры : повесть / Сергей Ерофеев ; отв. за выпуск – Калашников Н.Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011. – 80 с. : портр.

Песнь Шории : [венки сонетов] / Сергей Ерофеев // Я слову жизнь свою передаю : венки сонетов в Новокузнецке ; сост. – Калашников Н.Н. ;

Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011. – С. 17-23.

Анданте для комуса и струнных / Сергей Ерофеев ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2014. – 60 с., фото.

ЕМЕЛЬЯНОВ Вадим (Новокузнецк)

3438 год : [рассказ] В. Емельянов // Сельская правда. – 1988. – 6 апреля. – № 42. – С. 4.

ЖИВЕТЬЕВА Инна Александровна (Новосибирск)

Житие Святейшего Береста : [рассказ] / Инна Живетьева // Бойтесь своих желаний – они иногда сбываются : конкурс фантастического рассказа, посвящённого 35-летию КЛФ «Контакт» / сост. – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2013. – С. 21–32.

ЗАЙДЕЛЬ Януш (Польша)

Переход через зеркало : [фантастич. рассказ] / Януш Зайдель / Пер. с пол. В.Борисов (Абакан) // Кузнецкий рабочий. – 1991. – 21 сентября. – № 175. – С. 4.

Любовь к сливам : [рассказ] / Януш А. Зайдель / Пер. с пол. В.Борисов (Абакан) // Кузнецкий рабочий. – 1992. – 20 июня. – № 117. – С. 4.

Ив Лаго (Новокузнецк)

Кот в кирзовых сапогах: Наверное, это сказка: часть первая / Ив Лаго // Усятская россыпь. – Апрель 2008. – № 1–2. – С. 44–47.

КАЗАКОВ В., КОЛЕСОВА О., КОЛЕСОВА Т. (Саратов)

Осёл на стрельбище: (криминальная фантазия на тему Стругацких) : [пародия] // Кузнецкий рабочий. – 1990. – 28 августа. – № 164. – С. 4.

КАЛАШНИКОВ Николай Ефимович (Новокузнецк)

Открытие века : рассказ / Н. Калашников // Сельская правда. – 1988. – 6 августа. – № 95, 96. – С. 6.

КЕСЛЕР Александр Владимирович (Кировоград)

Третье желание ; «Подарочек» : [рассказы] / Александр Кеслер // Бойтесь своих желаний – они иногда сбываются : конкурс фантастического рассказа, посвящённого 35-летию КЛФ «Контакт» / сост. – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2013. – С. 86–95, 107–114.

КИТАЕВА Анна Игоревна (Киев)

О тиграх : [рассказ] / Анна Китаева // Сельская правда. – 1988. – 18 июня. – № 74, 75. – С. 6 ; *то же* // Альманах клуба «Контакт» № 2 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1987–1989. – С. 9–10 ; *то же* // Кузнецкий рабочий. – 1989. – 20 октября. – № 202. – С. 3.

КОВЯКИН Сергей Константинович (Таштагол Кемеровской обл.)

Последняя охота : рассказ / С. Ковякин // Сельская правда. – 1988. – 6 августа. – № 95, 96. – С. 6 ; *то же* // Альманах клуба «Контакт» № 2 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1987–1989. – С. 4–5 ; *то же* // Кузнецкий рабочий. – 1989. – 20 октября. – № 202. – С. 3.

Неприступная крепость : [фантастич. рассказ] / С.Ковякин // Сельская правда. – 1988. – 24 сентября. – № 116, 117. – С. 6.

Пастор и мы, мутанты : фантастич. притча / Сергей Ковякин // Альманах клуба «Контакт» № 2 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1987–1989. – С. 41–43 ; *то же* // Кузнецкий рабочий. – 1991. – 11 июля. – № 123. – С. 4 ; *то же* // Люди в квадрате : проза «Контакта» / сост. Н. Н. Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 142–146.

Кочергин : [рассказ] / Сергей Ковякин // Кузнецкий рабочий. – 1991. – 21 сентября. – № 175. – С. 4.

Волшебная сеть : фантастич. сказка / Сергей Ковякин / илл. А.Чашина // Кузнецкий рабочий. – 1992. – 8 февраля. – № 26. – С. 2, 4.

Красные трамваи : [фантастич. притча] / Сергей Ковякин // Кузнецкий рабочий. – 1992. – 1 августа. – № 147. – С. 4.

Сон первый; Череп; Отражение : сюрсны : [минирассказы] / Сергей Ковякин // Кузнецкий рабочий. – 1993. – 28 августа. – № 121. – С. 4.

КОРЧМИНСКИЙ Константин Александрович (Абакан)

Оса : [фантастич. рассказ] / Константин Корчминский // Сельская правда. – 1988. – 5 марта. – № 28, 29. – С. 6 ; *то же* // Альманах клуба «Контакт» № 2 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1987–1989. – С. 13–14.

Действующая модель : [фантастич. рассказ] / Константин Корчминский // Сельская правда. – 1988. – 7 сентября. – № 109. – С. 4.

КОРШИКОВ Игорь Анатольевич (Абакан)

То, что создал ты : [фантастич. рассказ] / Игорь Коршиков // Кузнецкий рабочий. – 1991. – 26 октября. – № 200. – С. 4.

КУЛИЧЕНКО Валерий Алексеевич (Новокузнецк)

Дракон : [стихотворение] / Валерий Куличенко // Кузнецкий рабочий. – 2008. – 10 апреля. – № 41. – С. 10.

Дракон : стихи / Валерий Куличенко ; отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 52 с. : ил., портр.

Время; Урбо-плач : [стихи] / Валерий Куличенко // Кузнецкий рабочий. – 2010. – 23 декабря. – № 149. – С. 10.

ЛЕЖНЕВ Алексей Игоревич (Саратов)

В ожидании Годо : [рассказ] / Алексей Лежнев // Новокузнецк без политики. – 1994. – 24–30 июня. – № 13 (58). – С. 8.

Живущий внутри : (Диалог для одного); Солипсист : [фантастич. рассказы] / Алексей Лежнев // Кузнецкий рабочий. – 1995. – 15 июля. – № 84. – С. 4.

ЛЕМ Станислав

Инородное тело – смерть : Со Станиславом Лемом разговаривает Франц Роттенштайнер : [из журнала «Фантастика». – 1982. – № 11–12.] / пер. с пол. – Н.Полев (Абакан) // Альманах клуба «Контакт» № 1 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1986. – С. 31–36.

Клиент бога : [рассказ] / Ст. Лем / пер. с пол. И. Шиманской : [из журнала «Крокодил». – 1960. – № 27] // Альманах клуба «Контакт» № 1 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1986. – С. 37–41.

Эток : (глава из книги воспоминаний Ййона Тихого «Осмотр на месте») / Станислав Лем / пер. с пол. – Н.Полев (Абакан) // Альманах клуба «Контакт» № 1 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1986. – С. 42–49.

Модели социнволюции : фрагмент книги «Фантастика и футурология» / Станислав Лем / пер. с пол. Владимира Борисова (Абакан) // Кузнецкий рабочий. – 1991. – 26 октября. – № 200. – С. 4.

ЛОГИНОВ Святослав Владимирович (Санкт-Петербург)

Антиникотиновое : [фантастич. минирассказ] / Святослав Логинов // Кузнецкий рабочий. – 1998. – 10 января. – № 4. – С. 4.

ЛУКЪЯНЕНКО Сергей Васильевич (Алма-Ата)

Последний герой : [фантастич. рассказ] / Сергей Лукьяненко // Кузнецкий рабочий. – 1998. – 10 января. – № 4. – С. 4.

ЛЫСЕНКО А., ЯКУБОВСКИЙ Михаил Альбертович (Ростов-на-Дону)

От родимого дома... : [гимн клубов ЛФ] // Кузнецкий рабочий. – 1989. – 20 октября. – № 202. – С. 3 ; *то же* // Альманах клуба «Контакт» № 2 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1987–1989. – С. 38.

ЛЯБИН Константин Петрович (пос. Чистогорск Кемеровской обл.)

Ненаучная версия к научной теме : [фантастич. рассказ] / К. Лябин // Сельская правда. – 1988. – 8 октября. – № 122, 123. – С. 6.

МАЛЬЦЕВА Кира Моисеевна (Новокузнецк)

Эксперимент : [рассказ] / Кира Мальцева // Бойтесь своих желаний – они иногда сбываются : конкурс фантастического рассказа, посвящённого 35-летию КЛФ «Контакт» / сост. – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2013. – С. 95–98.

МОЖАЕВ Михаил Геннадьевич (Новокузнецк)

Солнцеворот : [венки сонетов] / Михаил Можаяев // Я слову жизнь свою передаю : венки сонетов в Новокузнецке ; сост. – Калашников Н.Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011. – С. 24–30.

НЕМИРОВ Валерий Анатольевич (Новокузнецк)

Метро : фантастич. рассказ / В. Немиров // Сельская правда. – 1987. – 26 февраля. – № 25. – С. 4; 28 февраля. – № 26. – С. 4 ; *то же* / Валерий Немиров // Люди в квадрате : проза «Контакта» / сост. – Н.Н.Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 73–77.

НЕЦ Валерий (Новосибирск)

Ерундашка : рассказ 2005 года // Новокузнецк без политики. – 1994. – № 19 (август); 19–25 августа (№ 20). – С. 7.

ОРЛОВ Анатолий (Новокузнецк)

Неудачник: ненаучно-фантастич. шутка / А.Орлов // Сельская правда. – 1988. – 24 августа. – № 103. – С. 4.

ПЕРВУШИН Анатолий Васильевич (Новокузнецк)

Венки странствий; Любовь : [венки сонетов] / Анатолий Первушин // Я слову жизнь свою передаю : венки сонетов в Новокузнецке ; сост. – Калашников Н.Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная

библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011. – С. 30–43.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / А.В.Луначарский, А.М.Горький // Абонемент Новокузнецкого городского КЛФ «Контакт» на 1984–1985 год. – Новокузнецк, 1984. – С. 1.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / В.Михайлов, С.Лем, С.Лем // Альманах клуба «Контакт» № 1 / составитель – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1986. – С. 1, 36.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / В.И.Ленин, А.Азимов, Ф.М.Достоевский // Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» : абонемент 1987–1988 гг. (десятый клубный сезон). – Новокузнецк, 1987. – С. 1.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / Д.Биленкин, Р.Бредбери, А.Урбан // Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» : абонемент 1988–1989 гг. – Новокузнецк, 1988. – С. 1.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / И.Ефремов, Е.Брандис // Альманах клуба «Контакт» № 2 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1987–1989. – С. 67.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / М.Горький, М.Анчаров, И.Бестужев-Лада, Иннокентий Анненский // Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» : абонемент 1989–1990 гг. – Новокузнецк, 1989. – С. 1, 8.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / А.Госвами, Ф.М. Достоевский, Ст.Лем, А.Стругацкий // Кузнецкий рабочий. – 1989. – 20 октября. – № 202. – С. 3.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / А.Стругацкий, А. и Б. Стругацкие // Кузнецкий рабочий. – 1990. – 28 августа. – № 164. – С. 4.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / В.Михайлов, И.Бестужев-Лада, Ф.М.Достоевский // Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» : абонемент 1990–1991 гг. – Новокузнецк, 1990. – С. 1.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / А. Стругацкий, Е. Брандис, М. Анчаров // Кузнецкий рабочий. – 1991. – 22 мая. – № 87. – С. 4.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / Е.Тамарченко, К.Андреев, И.А.Гончаров // Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» : абонемент 1991–1992 гг. – Новокузнецк, 1991. – С. 1.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / А.Блок, А. и Б. Стругацкие, В.С.Муравьев // Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» : абонемент 1992–1993 гг. – Новокузнецк, 1992. – С. 1.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / А.Стругацкий, К.Булычев, А.Азимов, Д. Биленкин // Кузнецкий рабочий. – 1993. – 28 авг. – № 121. – С. 4.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / Г.Франке, Дж.Кэмпбелл-мл., М.Анчаров, И.Бестужев-Лада, И.Ефремов // Кузнецкий рабочий. – 1993. – 16 октября. – № 150. – С. 4.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / И.Бестужев-Лада, Е.Тамарченко, А.Урбан, И.Анненский // Кузнецкий рабочий. – 1995. – 15 июля. – № 84. – С. 4.

ПОДБОРКА высказываний о фантастике / И.Бестужев-Лада, А.Кубатиев // Творческая молодёжная ассоциация любителей фантастики и ролевых игр «Контакт» : абонемент: Сезон 1995–1996. – Новокузнецк, 1995. – С. 2.

ПУШКИН Александр Сергеевич

Гусар; Марко Якубович / А.С.Пушкин // Альманах клуба «Контакт» № 1 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1986. – С. 51–56.

РАСПЕ Эрих

Сырный остров / пересказал К.Чуковский : [перепечатано из газеты «Большевицкая сталь». – 1940. – 21 июня. – С. 2] // Альманах клуба «Контакт» № 2 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1987–1989. – С. 51–52.

РУССКИХ Анастасия Евгеньевна (Новокузнецк)

Про драконов и принцесс : сказки / Анастасия Русских ; отв. за выпуск – Калашников Н.Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – 28 с.

Ошибка : [рассказ] / Анастасия Русских // Найти слова : рассказы о творчестве / сост. – Калашников Н. Н. ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – С. 73–75.

РЫБОШЛЫКОВ Александр

Мусоропровод : [фантастич. рассказ] / Александр Рыбошлыков // Кузнецкий рабочий. – 1997. – 30 декабря. – № 157. – С. 5.

РЯБОВ Александр Петрович (Новокузнецк)

Макиавелли [венки сонетов] / Александр Рябов // Я слову жизнь свою передаю : венки сонетов в Новокузнецке ; сост. – Калашников Н.Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011. – С. 43–50.

СИДЮК Борис Васильевич (Киев)

Крайне избитое и тривиальное : [фантастич. юмореска] / Б. Сидюк // Сельская правда. – 1988. – 28 сентября. – № 118. – С. 4.

Размышления в дверном проеме : [юмореска] / Борис Сидюк // Сельская правда. – 1989. – 11 февраля. – № 20, 21. – С. 6.

Этюд об умирающей планете : [фантастич. рассказ] / Борис Сидюк // Сельская правда. – 1989. – 25 февраля. – № 26, 27. – С. 6.

[Без заголовка] : [фрагменты для памяти] / Б.Сидюк // Альманах клуба «Контакт» № 2 / составитель – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1987–1989. – С. 40.

Пять вопросов : [фантастич. рассказ] / Борис Сидюк // Кузнецкий рабочий. – 1993. – 1 мая. – № 57. – С. 4.

СИЛИН Константин Васильевич (Пестово Новгородской обл.)

Суеверие : [рассказ] / Константин Силин // Зеркало. – 1997. – № 2 (июль). – С. 27.

СОВЕТУЕМ прочитать! : некоторые интервью, выступления А.Н. Стругацкого / Сост. – В. Казаков (Саратов), Ю. Флейшман (Ленинград) // Кузнецкий рабочий. – 1990. – 28 августа (№ 164). – С. 4.

СОКОЛОВ Юрий Юрьевич (Новокузнецк)

Смена времён власти : сказка для взрослых / Юрий Соколов // Кузнецкий

рабочий. – 2012. – 1 ноября. – № 128. – С. 10.

Посвящение : [рассказ] / Юрий Соколов // Найти слова : рассказы о творчестве / сост. – Калашников Н. Н. ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – С. 76–85.

СТОКТОН Фрэнк (США)

Дама или тигр? : [рассказ] / Фрэнк Стоктон / пер. с англ. О. Нестеренко // Сельские вести. – 2003. – 8 августа. – № 93, 94. – С. 6.

СТРУГАЦКИЙ Аркадий Натанович (Москва),

СТРУГАЦКИЙ Борис Натанович (Ленинград)

Сто строк о фантастике / Стругацкий Аркадий, Стругацкий Борис / пер. с нем. Сергея Носова // Альманах клуба «Контакт» № 1 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1986. – С. 27–29.

Стругацкие о прогрессе : [цитаты из повестей «Улитка на склоне», «Обитаемый остров», «Трудно быть богом»] ; Стихи отца Гаука («Трудно быть богом») ; Стихи Л.А.Горбовского («Частные предположения») / [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий] // Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» : абонемент 1990–1991 гг. – Новокузнецк, 1990. – С. 14–15.

Без оружия : (пьеса в двух действиях) : [пролог пьесы] // Кузнецкий рабочий. – 1990. – 28 августа. – № 164. – С. 4.

Бедные злые люди : [рассказ] / Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий // Кузнецкий рабочий. – 1991. – 11 июля. – № 123. – С. 4.

Человек с далёкой звезды (Без оружия) : пьеса в двух действиях / Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий / Худ. В.Трухин. – Новокузнецк, 1991. – 16 с. – (Специальный выпуск газеты "Пресс-курьер". – 1991. – № 10).

СТРУГАЦКИЙ Борис Натанович (Ленинград)

«Две половины одного целого» / Вопросы Б. Стругацкому задавал Ю. Флейшман (Ленинград) // Кузнецкий рабочий. – 1990. – 28 августа. – № 164. – С. 4.

ТААХ Елена Алексеевна (Новокузнецк)

В гостях у Хирона : глава из повести «Петля во времени» / Елена Тах (ошибочно) // Усытская россыпь. – Ноябрь 2009. – Вып. 6. – С. 52–53.

ТВЕН Марк (США)

Таинственный незнакомец : (фрагмент повести) / Марк Твен // Альманах клуба «Контакт» № 1 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1986. – С. 63–67.

ТОЛКИЕН Дж.Р.Р. (Англия)

Письма : [отрывки из трёх писем о «Властелине колец»] / Дж.Р.Р.Толкиен / пер. с англ. В.А.М. // Кузнецкий рабочий. – 1992. – 4 января. – № 2. – С. 4.

ТОМАХ Татьяна Владимировна (Санкт-Петербург)

Обретение зверя : [рассказ] / Татьяна Томах // Бойтесь своих желаний – они иногда сбываются : конкурс фантастического рассказа, посвящённого 35-летию КЛФ «Контакт» / сост. – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2013. – С. 60–75.

ФАДИН Сергей (Новокузнецк)

Тиллонский маскарад : [рассказ] / Сергей Фадин // Кузнецкий рабочий. – 1992. – 16 мая. – № 93. – С. 4.

ФЛЕЙШМАН Юрий Гершевич (Ленинград)

Увлечение : [статья координатора фэн-группы «Людены» о её деятельности] / Юрий Флейшман // Кузнецкий рабочий. – 1991. – 22 мая. – № 87. – С. 4.

ФРАНКЕ Герберт (Германия)

Здание: [рассказ] / Герберт Франке / пер. с нем. (перевод ошибочно приписан В.Борисову). // Кузнецкий рабочий. – 1991. – 22 мая. – № 87. – С. 4.

ХАЛЫМБАДЖА Игорь Георгиевич (Екатеринбург)

Попал в точку: (доклад Барабашки в родной 3091 год) / А. Чебаненко // Кузнецкий рабочий. – 1991. – 1 мая. – № 57. – С. 4.

Средство от радикулита: [фантастич. юмореска] / Игорь Чебаненко // Кузнецкий рабочий. – 1991. – 11 июля. – № 123. – С. 4.

Зеркало: [фантастич. рассказ] // Кузнецкий рабочий. – 1992. – 20 июня. – № 117. – С. 4.

Вторжение колменов: [фантастич. рассказ] // Кузнецкий рабочий. – 1992. – 19 сентября. – № 171. – С. 4.

Сквозь века: [фантастич. юмореска] // Твои проблемы. – Апрель 1993. – № 8 (26). – С. 7.

Жизнь подскажет : [фантасти. юмореска] / Х. Алымов // Кузнецкий рабочий. – 1993. – 17 июля. – № 97. – С. 4.

Живой звук; Секреты торговли : [фантаст рассказы] / А. Чебаненко // Кузнецкий рабочий. – 1993. – 28 августа. – № 121. – С. 4.

Будильник; Трын-трава; Зеркало : рассказы / Игорь Халымбаджа // Зеркало. – 1998. – № 2. – С. 26–27.

ХАСИН Борис (с. Безруково Кемеровской обл.)

Дар пришельцев : Из сочинений дедушки Лукича : [фантастич. рассказ] / [Б.Хасин] // Сельская правда. – 1988. – 4 мая. – № 54. – С. 4.; *то же* // Альманах клуба «Контакт» № 2 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1987–1989. – С. 6–8.

ЧЕРКАСС В. (пос. Красная Горка Кемеровской обл.)

Обратная связь : [фантастич. рассказ] / В.Черкасс // Сельская правда. – 1988. – 8 августа. – № 122, 123. – С. 6.

ЧЕРНОВ Алексей

Стругацкие : [стихотворение] / Алексей Чернов // Альманах клуба «Контакт» № 2 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1987–1989. – С. 39.

ЧУМАНОВ Александр Николаевич (Свердловск)

Розовое облако : [рассказ] : [из авторского сборника «Иван родил девочку» (Свердловск, 1987)] / А.Чуманов // Альманах клуба «Контакт» № 2 / сост. – Н.Калашников. – Новокузнецк, 1987–1989. – С. 44–45.

ШЕФНЕР Вадим Сергеевич (Ленинград)

«Глядитесь в своё отраженье...» : [стихотворение] / В.Шефнер // Абонемент Новокузнецкого городского клуба любителей фантастики «Контакт» на 1984–1985 год. – Новокузнецк, 1984. – С. 2.

ШУТОВ Сергей Николаевич (Новокузнецк)

Звездный хорал : [стихотворение] / Сергей Шутов // Сельские вести. – 2005. – 12 августа. – № 95–96. – С. 7.

Оглавление

Николай КАЛАШНИКОВ	
От составителя.....	3
Валерий НЕМИРОВ	
Метро	4
Константин КОРЧМИНСКИЙ	
Оса.....	7
Борис ХАСИН	
Дар пришельцев	9
Сергей БУЗИН	
Контакт	11
Анна КИТАЕВА	
О тиграх	14
Сергей КОВЯКИН	
Последняя охота.....	15
Николай КАЛАШНИКОВ	
Открытие века	16
Константин КОРЧМИНСКИЙ	
Действующая модель	19
Сергей КОВЯКИН	
Неприступная крепость	22
Сергей Баранов	
В мире прекрасного	23
Борис СИДЮК	
Крайне избитое и тривиальное.....	25
Александр ЧУМАНОВ	
Розовое облако	26
Борис СИДЮК	
Размышления в дверном проёме.....	27
Этюд об умирающей планете.....	28
Татьяна КОЛЕСОВА, Ольга КОЛЕСОВА, Вадим КАЗАКОВ	
Осёл на стрельбище	29
Игорь ХАЛЫМБАДЖА	
Попал в точку!	32
Аркадий и Борис СТРУГАЦКИЕ	
Бедные злые люди.....	33
Сергей КОВЯКИН	
Пастор и мы, мутанты.....	36
Игорь ХАЛЫМБАДЖА	
Средство от радикулита.....	40
Януш А. ЗАЙДЕЛЬ	
Переход через зеркало	40
Игорь КОРШИКОВ	
То, что создал ты.....	45
Игорь ХАЛЫМБАДЖА	
Зеркало	47
Вторжение колменов.....	48
Сквозь века	49
Сергей БУЗИН	
Последняя тарелка	50
Игорь ХАЛЫМБАДЖА	
Жизнь подскажет.....	51

Сергей КОВЯКИН	
СЮРСНЫ	52
Игорь ХАЛЫМБАДЖА	
Живой звук	53
Секреты торговли.....	54
Алексей ЛЕЖНЕВ	
В ожидании Годо.....	55
Солипсист	56
Игорь ЕВСЕЕВ	
Сад	57
Константин СИЛИН	
Суеверие	58
Святослав ЛОГИНОВ	
Антиникотиновое	58
Сергей ЛУКЪЯНЕНКО	
Последний Герой.....	58
Игорь ЕВСЕЕВ	
Главный враг	60
Сергей БУЗИН	
Пассажир из прошлого	60
Игорь ХАЛЫМБАДЖА	
Трын-Трава	61
Будильник	63
Сергей ЕРОФЕЕВ	
Пока Создатель отдыхает	64
Юрий ГРДИНА	
Выпускной полёт Жанны Девиr	71
Юрий СОКОЛОВ	
Смена времен власти.....	77
Игорь ЕВСЕЕВ	
Банальная история.....	80
Охотники.....	80
Без единого гвоздика	81
Кира МАЛЬЦЕВА	
Эксперимент	82
Подборка высказываний о фантастике	86
Гости клуба на клубных страничках и в клубных изданиях	89

Издательство «Ник без Сорпани»

Тираж 100 экз.